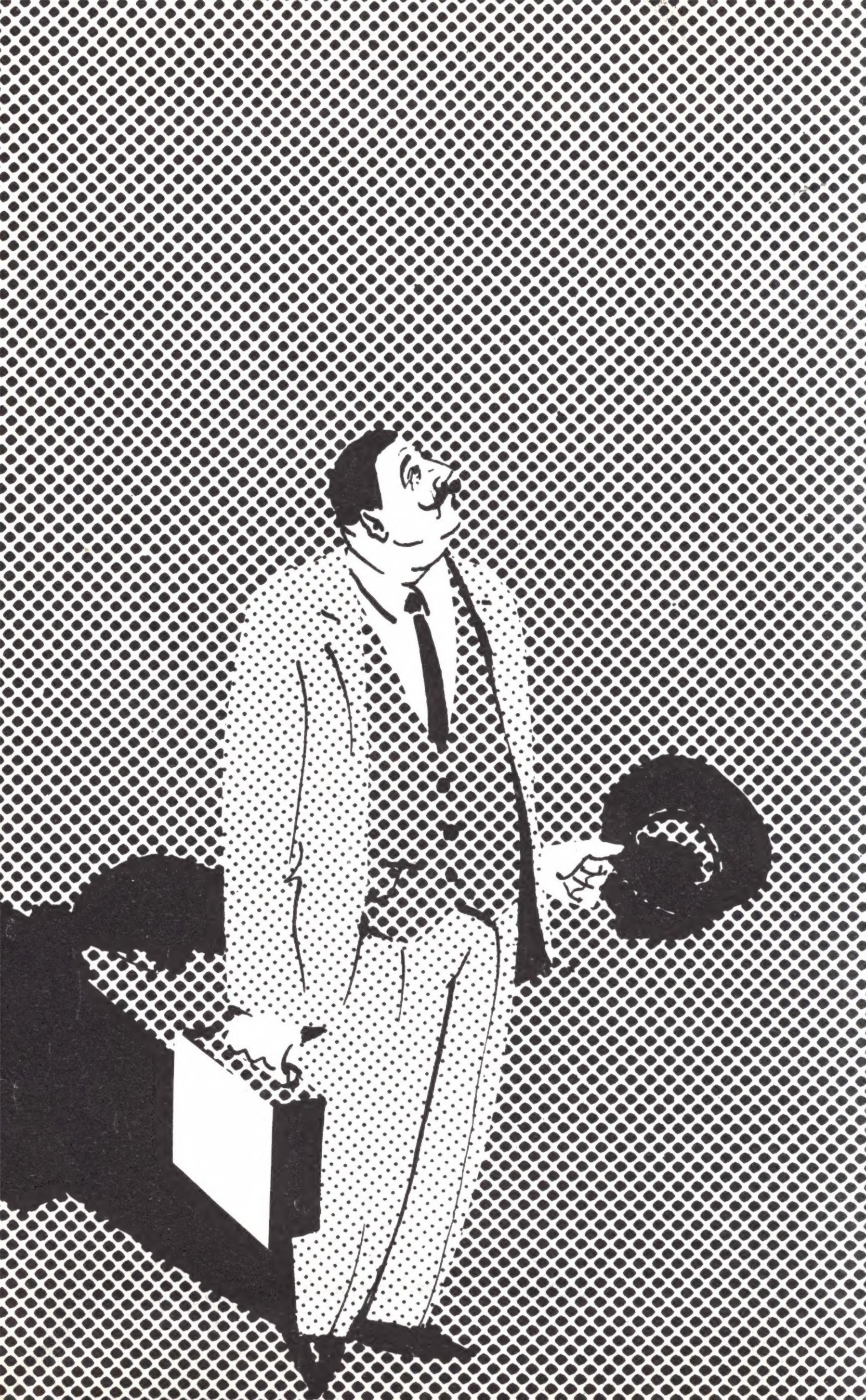
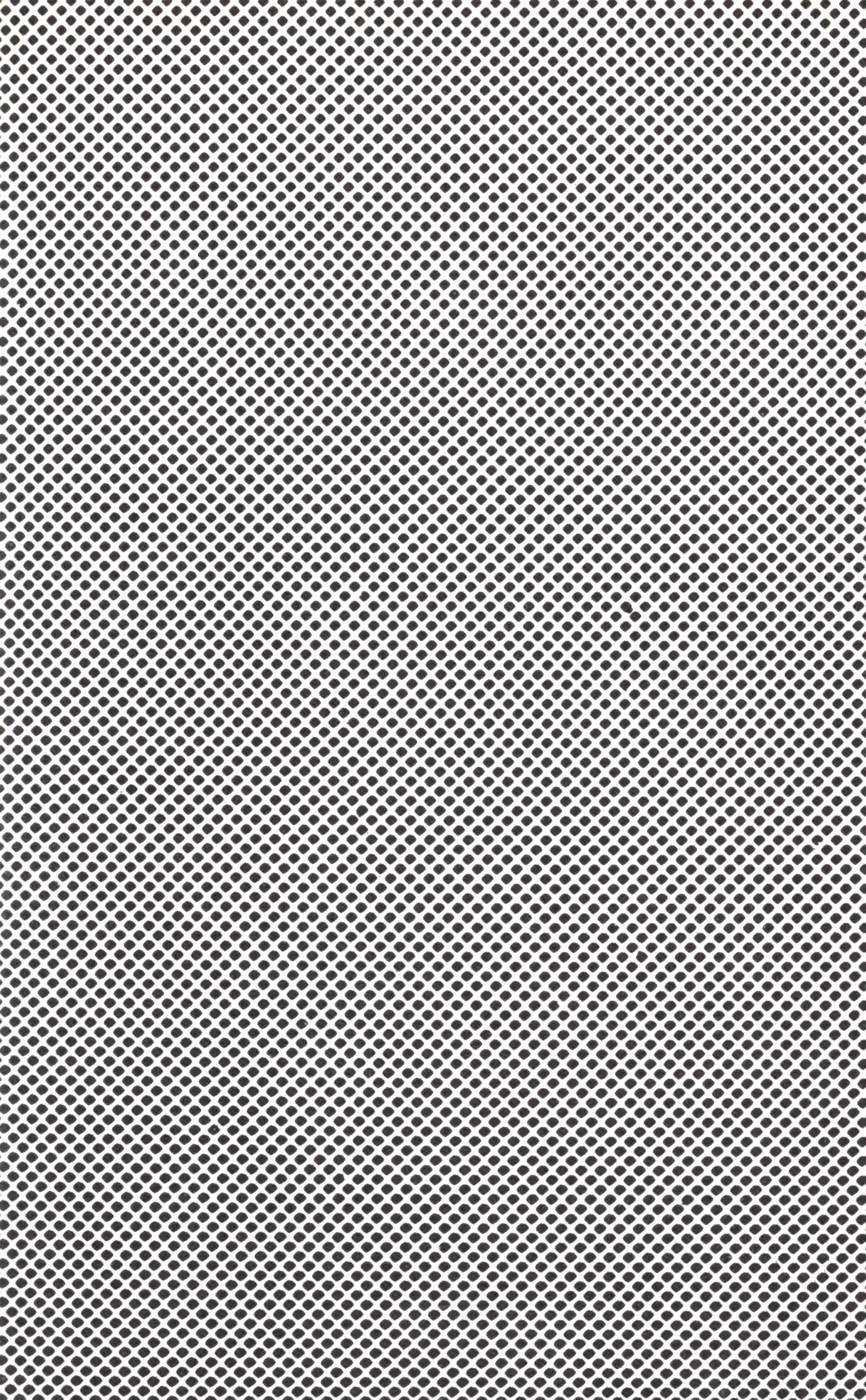
Агата Кристи

1

Свердловск ЛИГА 1990

Arama

ИЗБРАННОЕ

Кристи 1

КАК Я ВЫДУМАЛА Э. ПУАРО

Таинственное происшествие в Стайлз

Роман

Невероятная кража

Повесть

Рассказы

НЕМЕЙСКИЙ ЛЕВ

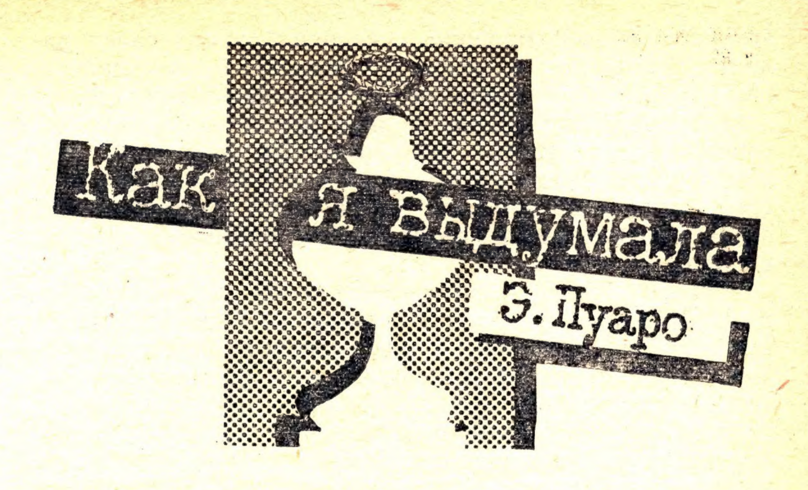
СТАДО ГЕРИОНА

ОСИНОЕ ГНЕЗДО

ББК 84.4 Вл.
К-82

Художник
Александр Коротич

ISBN 5—212—00537—X Т. 1
ISBN 5—212—00536—1

...Поскольку я работала с ядами, у меня возникла естественная мысль о смерти от отравления. Я изучала эту идею, дававшую широкие возможности, играла ею, оценивала и наконец приняла. Затем перешла к персонажам. Кто будет отравлен? Кто отравитель? Когда? Где? Каким образом? Я задумала написать интимную семейную драму, события которой развивались бы необычным образом, конечно же, в ней будет сыщик.

В хорошей детективной интриге главное, что убийцу легко заподозрить, но в силу определенных обстоятельств его невиновность также очевидна. Поэтому доказательство вины преступника в конце концов явится неожиданностью.

На этом месте моего повествования я запуталась и отправилась... приготовить еще два пузырька хлорной воды, чтобы иметь их под рукой на следующий день. Я играла моей идеей еще некоторое время. Начали складываться фрагменты диалога. Я увидела убийцу. У него был зловещий вид, который, по моему мнению, придавала ему черная борода.

Среди наших новых соседей как раз оказался человек с черной бородой. У него была богатая жена, намного старше его. Так, подумала я, это может пригодиться для основы романа. Правда, поразмыслив, я решила: такой человек никого не убьет.

На следующий день в трамвае я увидела человека,

которого искала: мужчина с черной бородой сидел рядом с женщиной в возрасте, болтавшей, как сорока. Она мне была не нужна, а вот мужчина весьма пригодится. Невдалеке сидела полная женщина, громко говорившая о цветочных луковицах. Ее внешность мне понравилась. Может, использовать ее? Я «вывела» всех троих из трамвая вместе с собой, чтобы поработать над ними, и пошла вдоль улицы Бартон, разговаривая сама с собой.

Вскоре я уже отчетливо видела некоторых персонажей. Прежде всего полная женщина. Я даже знала ее имя: Эвелин. Она может быть бедной родственницей, женой садовника, компаньонкой или гувернанткой. Во всяком случае я ее использую. Во-вторых, человек с черной бородой, о котором я мало что знала. Но черной бороды явно недостаточно. Пожалуй, мне пригодится лишь его внешность. Читатель увидит только то, что этот человек захочет показать, а не свою сущность, что само по себе будет показательно. Пожилая супруга будет убита. Неважно, из-за денег или из-за ее дурного характера. Затем я начала придумывать другие персонажи. Сын? Дочь? Или, может быть, племянник? Люди должны вызывать подозрения. Получилась неплохая семейка. Затем я обратилась к сыщику.

Кого можно взять в качестве сыщика? Я перебирала всех, восхищавших меня в книгах. Шерлок Холмс? Он единственный и неповторимый! Я и сама с радостью создала бы такого. Но мне нужен сыщик-детектив, какого не было ни у кого. Кем он может быть? Учеником колледжа? Слишком юн. Ученым? Но что я знаю об ученых?

Вдруг я вспомнила о бельгийских беженцах. А почему бы не сделать моего сыщика бельгийцем? Среди беженцев было много самых разных людей. Может быть, офицер полиции в отставке? Немолодой. Какую ошибку я совершила в тот день! Моему выдуманному сыщику сегодня было бы больше 100 лет!

Короче говоря, я сделала моего сыщика бельгийцем. Он обстоятельно врастал в свою роль. Это инспектор полиции, он имеет представление о криминалистике. Педантичен, скрупулезен, аккуратен. Очень умен. Он «заставит свои серые клеточки поработать» — это хорошее выражение, нужно запомнить. Итак, его серые клеточки поработают. У него будет звучное имя вроде Шер-

лока Холмса. Может, назвать моего инспектора Эркюлем? Да, это человек маленького роста, его имя Эркюль. Вот с фамилией дело обстояло сложнее. Не знаю, почему я выбрала Пуаро. Не помню, случайно она пришла мне в голову или я где-то вычитала эту фамилию. Так мой герой стал не просто Эркюлем, а Эркюлем Пуаро. Начало было положено.

Из-за сочинения романа я стала очень рассеянной. Моя мать беспрестанно интересовалась, почему я не отвечаю на вопросы или отвечаю на них невпопад.

Дописав роман до середины, я почувствовала усталость. Все запутывалось еще больше, и я уже не управляла ходом событий. Матери пришла в голову счастливая мысль:

— Где ты остановилась? — спросила она.

— Почти в середине.

— Слушай, если хочешь закончить книгу, возьми отпуск.

По истечении моего двухнедельного отпуска я закончила вторую часть книги. Но на этом работа не кончилась. Мне пришлось переписывать заново большой кусок, особенно в середине.

Потом рукопись была перепечатана на машинке, и, решив, что работа сделана, я послала ее издателю Ходдеру Стаутону. Он вернул книгу с кратким и вежливым отказом, без всяких комментариев. Меня это не удивило, так как я и не ждала успеха. Но все же немедленно отослала рукопись другому издателю...

Однажды я получила письмо. Равнодушно распечатала конверт. Сначала я не поняла, о чем идет речь. Письмо было от издателя Джона Лейна. Он просил прийти в его контору по поводу моей рукописи, озаглавленной «Таинственное происшествие в Стайлз».

Джон Лейн предложил мне присесть. Затем заговорил о рукописи. Часть его сотрудников считала, что моя книга многообещающая. Из этого кое-что может получиться. Но лишь после внесения некоторых изменений. Например, последняя глава.

Я немедленно ответила, что придумаю новый конец.

Наконец он достал из ящика стола контракт и предложил мне подписать его. Я была не в том состоянии, чтобы изучать или думать над документом. Моя книга будет напечатана. Я давно потеряла надежду на публикацию романа и мечтала выпустить в свет хотя бы но-

веллу или поэму. Поэтому я подписала бы тогда любой контракт.

В этой бумаге оговаривалось, что я не получу гонорара до того времени, пока не будут проданы две тысячи экземпляров. Затем мне будет выплачиваться небольшой процент. Все это не имело для меня значения, главное, что моя книга увидит свет. Я даже не заметила пункта, где говорилось о следующих пяти произведениях, гонорар за которые будет ненамного выше, чем за первую вещь.

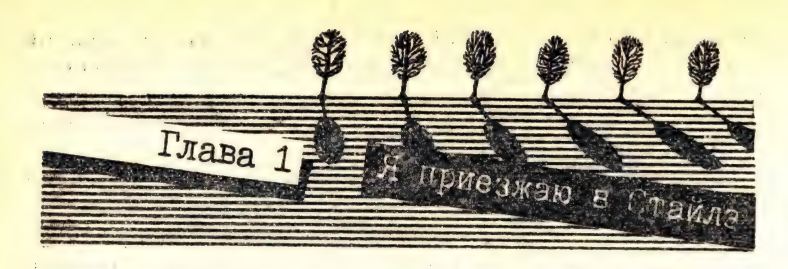
Так началась моя долгая карьера в литературе. В то время я и не помышляла о такой судьбе. Несмотря на пункт контракта о следующих пяти произведениях, я считала, что мой первый роман — последний и единственный опыт.

Я хотела подписывать мои книги псевдонимом Мартин Уэст или Мостин Грей, но Джон Лейн настоял, чтобы я оставила свое имя. Агата Кристи. Особенно имя.

— Агата — редкое имя, его легко запомнить,— говорил он.

ТАИНСТВЕННОЕ
ПРОИСШЕСТВИЕ
В СТАЙЛЗ
Роман

Необычайный интерес, вызванный нашумевшим в свое время убийством в Стайлз, сегодня уже заметно поутих. Однако вся история получила в те дни такую широкую огласку, что мой друг Пуаро и сами участники драмы попросили меня подробно изложить обстоятельства этого дела. Надеемся, что это положит конец скандальным слухам, до сих пор витающим вокруг этой истории.

Постараюсь коротко изложить обстоятельства, благодаря которым я стал свидетелем тех событий.

Я был ранен на фронте и отправлен в тыл, где провел несколько месяцев в довольно неприглядном госпитале, после чего получил месячный отпуск. И вот, когда я раздумывал, где его провести (поскольку не имел ни друзей, ни близких знакомых), случай свел меня с Джоном Кавендишем. Виделся я с ним крайне редко, да мы никогда и не были особыми друзьями. Он на добрых пятнадцать лет старше меня, хотя выглядел гораздо моложе своих сорока пяти. В детстве я часто бывал в Стайлз, в поместье его матери в Эссексе, и мы долго болтали, вспоминая то далекое время. Разговор закончился тем, что Джон предложил мне провести отпуск в Стайлз.

— Это будет просто великолепно, если ты снова приедешь к нам. Ведь прошло столько лет! — воскликнул он.

— А как поживает твоя мать? — спросил я.

— Прекрасно! Надеюсь, ты знаешь, что она снова вышла замуж?

Боюсь, что я не сумел скрыть своего удивления. Отец Джона, после смерти первой жены, оказался один с двумя детьми, и миссис Кавендиш, которая вышла за него замуж, была, насколько я помню, женщиной хотя и привлекательной, но уже в возрасте. Сейчас ей, видимо, было не меньше семидесяти. Я помнил, что она

была натурой энергичной, властной, но весьма щедрой и к тому же обладала довольно большим личным состоянием. Постоянная помощь бедным и участие в многочисленных благотворительных базарах даже принесли ей определенную известность.

Усадьбу Стайлз Корт мистер Кавендиш приобрел еще в самом начале их совместной жизни. Находясь полностью под влиянием жены, он перед смертью завещал ей поместье и большую часть состояния, что было весьма несправедливо по отношению к двум его сыновьям. Впрочем, мачеха была исключительно добра к ним, и братья всегда считали ее родной матерью. К тому же они были еще совсем детьми, когда мистер Кавендиш женился вторично.

Младший из братьев, Лоуренс, был чувствительным юношей. Он получил медицинское образование, но вскоре оставил практику и поселился в поместье. Лоуренс решил посвятить себя литературе, хотя его стихи не имели ни малейшего успеха.

Джон занимался некоторое время адвокатской практикой, но жизнь сельского сквайра была ему больше по нутру, и вскоре он тоже поселился под родительским кровом. Два года назад он женился и теперь жил в Стайлз вместе с супругой, хотя я сильно подозреваю, что он предпочел бы получить от матери большее содержание и обзавестись собственным домом. Однако миссис Кавендиш была из породы людей, которые строят жизненные планы не только для себя, но и для окружающих, и имела все основания предполагать, что не встретит с их стороны никаких возражений: ведь у нее был самый сильный аргумент — деньги.

Джон заметил мое удивление по поводу замужества матери и уныло усмехнулся.

— На редкость гнусный проходимец,— резко выпалил он.— Поверь мне, Хастингс, наша жизнь стала просто невыносимой. Что же касается Эви... Ты ведь помнишь ее?

— Нет.

— Да, видимо, ее еще тогда у нас не было. Она компаньонка матери, скорее даже ее советчица во всех делах. Все знает, все умеет! Эта Эви для нас просто находка. Конечно, не красавица и не первой молодости, но в доме она буквально незаменима.

— Ты говорил о...

— Да, я говорил об этом типе. В один прекрасный день он неожиданно свалился к нам на голову и заявил, что он троюродный брат Эви или что-то в этом роде. Она не выглядела особенно счастливой от встречи с родственником. Было сразу видно, что этот тип ей абсолютно чужд. У него, кстати, огромная черная борода, и в любую погоду он носит одни и те же кожаные ботинки! Но мамаша сразу почувствовала к нему симпатию и сделала своим секретарем. Ты ведь знаешь, она всегда состоит в доброй сотне благотворительных обществ.

Я кивнул.

— Вот, вот. А война превратила сотни в тысячи! Естественно, этот тип был ей весьма полезен, но, когда через три месяца она объявила о своей помолвке с Альфредом, это было для нас как гром среди ясного неба. Он же лет на двадцать моложе ее! Это просто откровенная охота за наследством. Но что поделаешь... она никого и слушать не хотела — вышла за него замуж, и все тут!

— Да, ситуация у вас не из приятных...

— Не из приятных? Да это просто кошмар!

Вот так случайная встреча и привела к тому, что тремя днями позже я сошел с поезда в Стайлз Сент-Мэри. Это был маленький, нелепый полустанок, непонятно для чего затерявшийся среди сельских проселочных дорог и зелени окрестных полей. Джон Кавендиш встретил меня на перроне и пригласил в автомобиль.

— Из-за маминых разъездов у нас почти не осталось бензина,— сказал он.

От станции надо было ехать две мили до деревушки Стайлз Сент-Мэри и оттуда еще милю до Стайлз Корт. Стоял тихий июльский день. Глядя на эти спокойные поля Эссекса, зеленеющие под ласковым полуденным солнцем, было трудно представить, что где-то недалеко шла страшная война. Мне казалось, что я вдруг перенесся в другой мир. Когда мы свернули в садовые ворота, Джон сказал: «Боюсь, Хастингс, это для тебя слишком тихое место».

— Знаешь, дружище, больше всего на свете мне сейчас нужна именно тишина.

— Ну и отлично. У нас тут все условия для праздного существования. Я иногда вожусь на ферме и дважды в неделю занимаюсь с добровольцами. Зато моя жена бывает на ферме постоянно. Каждый день с пяти

утра и до самого завтрака она доит коров. Да и наша жизнь была бы прекрасна, если бы не этот чертов Альфред Инглторп.

Неожиданно он затормозил и взглянул на часы.

— Попробуем заехать за Цинцией. Хотя нет, не успеем: она, видимо, уже ушла из госпиталя.

— Разве твою жену зовут Цинция?

— Нет, это протеже моей матери. Мать Цинции была ее старой школьной подругой. Она вышла замуж за адвоката, занимавшегося какими-то темными делишками. Он разорился, и Цинция оказалась без гроша в кармане. Моя мать решила ей помочь, и вот уже почти два года она живет у нас. Она работает в Тэдминстерском госпитале Красного Креста в семи милях отсюда.

Пока Джон говорил, мы подъехали к прекрасному старинному особняку. Какая-то женщина в толстой твидовой юбке возилась у цветочной клумбы. Едва заметив нас, она выпрямилась.

— Привет, Эви! Знакомьтесь с нашим израненным гостем. Мистер Хастингс. Мисс Ховард.

Рукопожатие мисс Ховард было сильным, почти болезненным. Она выглядела лет на сорок и обладала весьма приятной наружностью — загорелое лицо с удивительно голубыми глазами, крупная, стройная фигура. Мисс Ховард была обута в довольно большие ботинки на толстой добротной подошве. Говорила она в какой-то телеграфной манере:

— С сорняками прямо беда. Не успеваешь выполоть, появляются новые.

— Я буду рад принести хоть какую-то пользу,— сказал я.

— Не говорите так. Никогда. Не хочу этого слышать.

— Вы слишком нетерпимы, Эви,— с улыбкой сказал Джон.— Где будем пить чай, в доме или на воздухе?

— На воздухе. В такой день грех сидеть взаперти.

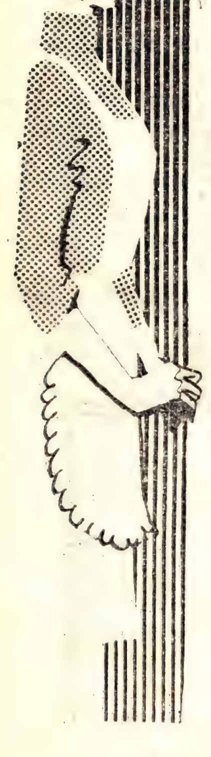
— Хорошо, пошли. Хватит возиться в саду. Вы уже наверняка отработали свое жалованье. Пора отдыхать.

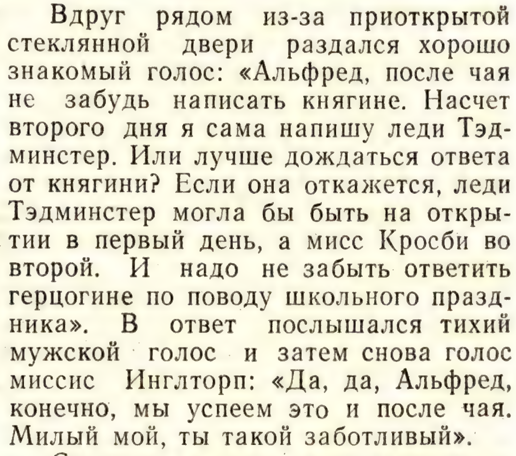
— Согласна,— сказала Эви и, стянув садовые перчатки, повела нас за дом, где в тени большого платана был накрыт стол. С одного из плетеных кресел поднялась женщина и пошла нам навстречу.

Джон представил мне: «Моя жена. Хастингс».

Я никогда не забуду ту первую встречу с Мэри Кавендиш: ее высокую стройную фигуру, освещенную ярким солнцем, тот готовый в любую секунду вспыхнуть огонь, мерцающий в неповторимых ореховых глазах, то излучаемое ею спокойствие, за которым, однако, чувствовалась необузданная страсть, дремавшая в этой утонченной женщине.

Она приветствовала меня красивым низким голосом, и я уселся в плетеное кресло, вдвойне довольный, что принял приглашение Джона. Несколько слов, сказанных Мэри за чаем, сделали эту женщину еще прекрасней в моих глазах. К тому же она была еще и внимательным слушателем, а это всегда побуждает к рассказам, и я принялся вспоминать смешные случаи, происходившие в госпитале.

Вдруг рядом из-за приоткрытой стеклянной двери раздался хорошо знакомый голос: «Альфред, после чая не забудь написать княгине. Насчет второго дня я сама напишу леди Тэдминстер. Или лучше дождаться ответа от княгини? Если она откажется, леди Тэдминстер могла бы быть на открытии в первый день, а мисс Кросби во второй. И надо не забыть ответить герцогине по поводу школьного праздника». В ответ послышался тихий мужской голос и затем снова голос миссис Инглторп: «Да, да, Альфред, конечно, мы успеем это и после чая. Милый мой, ты такой заботливый».

Стеклянная дверь распахнулась, и на лужайку вышла красивая седая женщина с властным лицом. За ней почтительно следовал мужчина. Миссис Инглторп бурно приветствовала меня: «Дорогой мистер Хастингс, как чудесно, что через столько лет вы снова приехали к нам. Альфред, милый мой, познакомьтесь. Мистер Хастингс. Мой муж».

Я взглянул на «милого Альфреда». С первого же взгляда меня поразил

контраст между супругами. Не удивительно, что Джон с таким негодованием говорил о его бороде: длиннее и чернее я в жизни не видел. У него было такое неподвижное лицо, что даже пенсне в золотой оправе не могло его оживить. Я подумал, что подобный человек смотрелся бы на театральных подмостках, но в реальной жизни выглядел диковато. Его рукопожатие было неестественно вялым, а голос тихим и вкрадчивым: «Очень приятно, мистер Хастингс». Затем, повернувшись к жене: «Эмили, дорогая, боюсь, что подушечка немного влажная».

Пока он с подчеркнутой заботливостью менял подушечку, на которой сидела миссис Инглторп, она не сводила с него восторженных глаз. Подобное открытое проявление эмоций было довольно странным для этой весьма сдержанной женщины.

С появлением мистера Инглторпа в поведении всех присутствующих появилась какая-то скованность и скрытая недоброжелательность, а мисс Ховард даже и не пыталась ее скрывать. Однако миссис Инглторп, казалось, ничего не замечала. За все эти годы ее словоохотливости нисколько не поубавилось. Она беспрестанно говорила, главным образом, об организации предстоящих благотворительных базаров, уточняя у мужа числа и дни недели. Отвечая, он всячески подчеркивал свою заботливость по отношению к жене. С самого начала этот человек был мне очень неприятен, и тот факт, что теперь первое впечатление подтвердилось (я редко ошибаюсь в людях!), весьма тешил мое самолюбие.

В то время, как миссис Инглторп, повернувшись к мисс Ховард, говорила о каких-то пись-

мах, ее муж обратился ко мне своим вкрадчивым голосом:

— Вы что, профессиональный военный, мистер Хастингс?

— Нет, до войны я служил в агентстве Ллойда.

— И вы собираетесь туда вернуться, когда закончится война?

— Не исключено. А может, возьму и начну все сначала.

Мэри Кавендиш склонилась ко мне и спросила:

— А чем бы вы хотели заняться, если бы вам был предоставлен полный выбор?

— На такой вопрос сразу не ответишь.

— Что, никаких тайных увлечений? У каждого ведь есть свое маленькое хобби, иногда даже весьма нелепое.

— Боюсь, вы будете надо мной смеяться.

Она улыбнулась.

— Возможно.

— Что ж, я скажу. У меня всегда была тайная мечта заняться поимкой преступников.

— По-настоящему, как в Скотленд-Ярде или как Шерлок Холмс?

— Да, да, как Шерлок Холмс! Нет, правда, меня все это очень привлекает. Однажды в Бельгии я познакомился с одним знаменитым сыщиком и благодаря ему буквально воспылал страстью к расследованиям. Я искренне восхищался этим славным человеком. Он всегда говорил, что самое главное — это выбрать правильный метод расследования. Кстати, моя система базируется на его методах, но я их, конечно, развил и дополнил. Да, это был забавный коротышка, страшный щеголь, однако на редкость сообразительный.

— Люблю хорошие детективы,— сказала мисс Ховард.— Хотя написано много чепухи. Убийцу разоблачают в последней главе. Все поражены. А в жизни преступник известен сразу.

— Однако много преступлений так и остались нераскрытыми,— возразил я.

— Я говорю не о полиции, а о свидетелях преступлений. Об их семьях. Этих не одурачить. Они все знают.

— Вы хотите сказать,— с улыбкой проговорил я,— что если бы рядом с вами произошло преступление, скажем, убийство, то вы могли бы сразу определить убийцу?

— Конечно! Как только он окажется возле меня, я это мгновенно почувствую.

— А вдруг это будет она?

— Возможно. Но для убийства нужна ужасная жестокость. Это больше похоже на мужчину.

— Однако не в случае отравления,— неожиданно раздался звонкий голос миссис Кавендиш.— Доктор Бауэрстайн говорил вчера, что поскольку большинство врачей ничего не знают о мало-мальски редких ядах, то, возможно, сотни случаев отравления вообще прошли незамеченными.

— Ладно, Мэри, хватит. Что за ужасная тема для разговора,— воскликнула миссис Инглторп.— Мне кажется, что я уже в могиле. А, вот и Цинция!

К нам весело бежала девушка в форме добровольного корпуса медицинской помощи.

— Что-то, Цинция, ты сегодня позднее обычного. Знакомьтесь, мистер Хастингс — мисс Мердок.

Цинция Мердок была цветущей юной девушкой, полной жизни и задора. Она сняла свою маленькую форменную шапочку, и я был восхищен золотисто-каштановыми волнистыми локонами, упавшими ей на плечи. Цинция потянулась за чашкой, и белизна ее маленькой ручки тоже показалась мне очаровательной. Будь у нее темные глаза и ресницы, девушка была бы просто красавицей. Она уселась на траву рядом с Джоном. Я протянул ей блюдо с бутербродами и получил в ответ пленительную улыбку:

— Садитесь тоже на траву, так гораздо приятней.

Я послушно сполз со стула и уселся рядом.

— Мисс Мердок, вы работаете в Тэдминстере?

Она кивнула.

— Да, в наказание за грехи.

— Что, там с вами недостаточно учтивы? — спросил я с улыбкой.

— Хотела бы я тогда на них посмотреть,— с достоинством ответила Цинция.

— Моя двоюродная сестра работает сиделкой, и она просто в ужасе от медсестер.

— Неудивительно. Они действительно кошмарны, мистер Хастингс, вы даже себе не представляете, какие они противные. Слава богу, что я работаю в амбулаторном пункте, а не сиделкой.

— И сколько же людей вы отравили? — спросил я со смехом.

Цинция тоже улыбнулась.

— О, многие сотни, мистер Хастингс.

— Цинция,— обратилась к ней миссис Инглторп,— не могла бы ты помочь мне написать несколько писем?

— Конечно, тетя Эмили.

Она немедленно вскочила, и ее поспешность сразу напомнила мне, насколько эта девушка зависела от миссис Инглторп, которая хотя и была чрезвычайно добра к Цинции, но не позволяла ей забывать о своем положении.

Мэри повернулась ко мне.

— Джон вам покажет вашу комнату. Ужин у нас в половине восьмого. В такое время, как сейчас, не пристало устраивать поздние трапезы. Член нашего общества леди Тэдминстер, дочь покойного лорда Абботсбэри, придерживается того же мнения. Она согласна со мной, что сейчас следует экономить во всем. Мы так организовали хозяйство в поместье, что ничего не пропадает зря, даже мелкие клочки исписанной бумаги собираются в мешки и отправляются на переработку.

Я выразил свое одобрение, и Джон повел меня в дом. Мы поднялись по широкой лестнице, которая, разветвляясь, вела в правое и левое крыло здания. Моя комната была в левом крыле и выходила окнами в парк.

Джон вышел, и через несколько минут я увидел, как он медленно шел по лужайке под руку с Цинцией Мердок. Было слышно, как миссис Инглторп позвала ее, и девушка, вздрогнув, стремглав бросилась назад. В ту же секунду из-за деревьев вышел какой-то человек и неторопливо направился к дому. Это был мужчина лет сорока со смуглым, гладко выбритым лицом, производившим довольно угрюмое впечатление. Казалось, его одолевали мрачные мысли. Проходя мимо моего окна, он взглянул наверх, и я узнал его, хотя он очень изменился за те пятнадцать лет, что мы не виделись. Это был младший брат Джона Лоуренс Кавендиш. Я терялся в догадках, почему он выглядел таким угрюмым. Однако вскоре я вернулся к мыслям о своих собственных делах.

Я провел замечательный вечер, и всю ночь мне снилась загадочная и прекрасная Мэри Кавендиш.

Следующее утро было светлым и солнечным. Предвкушение новой встречи переполняло все мое существо. Утром Мэри не появлялась, но после обеда она пригласила меня на прогулку. Несколько часов мы бродили по лесу и возвратились примерно к пяти.

Едва мы зашли в большой холл, как Джон сразу позвал нас в курительную комнату. По выражению его лица я сразу понял: что-то стряслось. Мы последовали за ним, и он плотно закрыл дверь.

— Мэри, произошла очень неприятная история. Эви здорово повздорила с Альфредом Инглторпом и собирается уехать.

— Эви? Уехать?

Джон мрачно кивнул.

— Да. Она пошла к матери и... А вот и она сама.

Мисс Ховард вошла в комнату с небольшим чемоданом в руках. У нее был взволнованный и решительный вид. Губы плотно сжаты, и казалось, что она собирается от кого-то защищаться.

— По крайней мере, я сказала все, что думаю,— выпалила она.

— Эвелин, милая, этого не может быть,— воскликнула Мэри.

Мисс Ховард мрачно кивнула.

— Все может быть! Думаю, Эмили никогда не забудет все, что я ей сказала. По крайней мере, простит мне это не скоро. Пускай. До нее хоть что-то дошло. Хотя и в этом я не уверена. Я ей прямо сказала: «Вы старая женщина, Эмили, а нет ничего хуже старых дур. Они еще дурнее молодых. Он же на двадцать лет моложе вас. Хватит вам в любовь играть. И так понятно, что он женился только из-за денег. Не давайте ему много. У фермера Райкеса хорошенькая молодая женушка. Спросите-ка своего Альфреда, сколько он на нее тратит?» Ух, как она разозлилась! Понятное дело! А я свое гну: «Я вас, Эмили, предупреждаю, хотите вы этого или нет, он вас придушит прямо в постели, как только рассмотрит хорошенько. Зря вы вышли за этого мерзавца. Можете говорить мне что угодно, но запомните мои слова: «Ваш муж — мерзавец!»

— А она что?

Мисс Ховард сделала язвительную гримасу.

— «Милый Альфред», «бесценный Альфред», «мерзкая клевета», «мерзкая ложь», «мерзкая женщина об-

виняет ее бесценного мужа». Нет, чем раньше я покину этот дом, тем лучше. Словом, я уезжаю.

— Ну, не надо так сразу! Неужели вы уедете прямо сейчас?

— Да, сию же минуту.

Несколько секунд мы сидели, молча уставившись на нее. Наконец Джон решил, что дальнейшие уговоры бесполезны, и пошел справиться о поезде. За ним последовала его жена, продолжая что-то бормотать насчет миссис Инглторп и что надо бы ее убедить прислушаться к словам Эви.

Когда она вышла из комнаты, выражение лица мисс Ховард изменилось и она быстро наклонилась ко мне.

— Мистер Хастингс, вы честный человек. Я могу быть откровенной с вами?

Я был несколько обескуражен. Она взяла меня за руку и снизила голос до шепота.

— Присматривайте за ней, мистер Хастингс. Бедная моя Эмили. Ее окружает целая стая акул. Все без гроша в кармане. Все тянут из нее деньги. Я защищала, пока могла. Теперь меня не будет рядом. Они все начнут водить ее за нос.

— Не беспокойтесь, мисс Ховард, естественно, я сделаю все, что в моих силах, хотя уверен, что вы просто переутомились и чересчур возбуждены.

— Молодой человек, поверьте мне. Я живу на свете немножко больше вашего. Прошу вас только об одном— не спускайте с нее глаз. Скоро вы поймете, что я имею в виду.

Через открытое окно донеслось тарахтенье автомобиля. Мисс Ховард встала и направилась к двери. Снаружи послышался голос Джона. Уже взявшись за ручку двери, она обернулась и снова сказала:

— И прежде всего, мистер Хастингс, присматривайте за этим ублюдком, ее мужем.

Больше она не сказала ни слова. Вскоре ее голос потонул в громком хоре протестов и прощаний. Четы Инглторпов среди провожающих не было.

Когда автомобиль отъехал, миссис Кавендиш внезапно отделилась от остальных и, перейдя дорогу, направилась к лужайке навстречу высокому бородатому человеку, шедшему в сторону усадьбы. Протягивая ему руку, она слегка покраснела.

— Кто это? — спросил я. Человек этот показался мне чем-то подозрителен.

— Это доктор Бауэрстайн,— буркнул Джон.

— А кто он такой, этот доктор Бауэрстайн?

— Он живет тут, в деревне, отдыхает после тяжелого нервного расстройства. Сам он из Лондона. Умнейший человек. Кажется, один из самых крупных в мире специалистов по ядам.

— И большой друг Мэри,— добавила неугомонная Цинция.

Джон Кавендиш нахмурился и перевел разговор на другую тему.

— Пойдем прогуляемся, Хастингс. Все это ужасно неприятно. Конечно, язычок был у нее довольно резкий, но нигде в Англии не найти друга более преданного, чем мисс Ховард.

В лесок, окаймлявший поместье с одной стороны, уходила тропинка, и мы двинулись по ней в сторону деревни.

На обратном пути возле калитки я увидел симпатичную, похожую на цыганку женщину, которая шла нам навстречу. Она кивнула и улыбнулась.

— Какая прелесть,— сказал я восхищенно.

— Это миссис Райкес.

— Та самая, о которой мисс Ховард...

— Та самая,— резко перебил меня Джон.

Я подумал о седой старушке, затерянной в огромной доме, о миловидном и порочном личике, только что улыбнувшемся нам, и меня наполнило смутное предчувствие чего-то ужасного. Я попытался отогнать эти мысли.

— Действительно, Стайлз — чудесное место,— сказал я Джону.

Он мрачно кивнул.

— Да, отличное приобретение, когда-нибудь оно станет моим, и я выберусь из этой проклятой нищеты. Я бы уже сейчас мог владеть усадьбой, если бы отец составил справедливое завещание.

— Ты на самом деле сильно нуждаешься?

— Милый мой Хастингс, скажу тебе откровенно — я просто с ног сбился в поисках денег.

— А что, брат не может тебе помочь?

— Лоуренс? Да он же все деньги потратил на печатание своих бездарных стишков в экстравагантных

переплетах. Мы с ним действительно в бедственном положении. Я не хочу показаться несправедливым: мать всегда была очень добра к нам, вплоть до самого последнего времени. Однако после замужества...— Он нахмурился и замолчал.

В первый раз я почувствовал, что вместе с Эвелин Ховард что-то неуловимо исчезло из атмосферы дома. Ее присутствие создавало ощущение надежности. Теперь же, казалось, сам воздух наполнился подозрительностью. Перед моими глазами опять проплыло зловещее лицо доктора Бауэрстайна. Внезапно все вокруг стало внушать мне смутное беспокойство, и на мгновение меня охватило предчувствие чего-то ужасного.

Глава 2

16 и 17 июля

Я приехал в Стайлз пятого июля. Теперь речь пойдет о том, что случилось шестнадцатого и семнадцатого. Чтобы сделать свой рассказ по возможности более убедительным, я постараюсь изложить события максимально подробно, не упуская ни малейшей мелочи. Во время следствия все эти детали выявлялись одна за другой с помощью долгих и скучных показаний свидетелей.

Через пару дней после отъезда Эвелин Ховард я получил от нее письмо, в котором она сообщала, что работает медсестрой в большом госпитале в городке Миддинхэм, расположенном милях в пятнадцати от Стайлз. Она очень просила сообщить, проявляет ли миссис Инглторп хоть малейшее желание уладить ссору.

Единственное, что отравляло мое безоблачное существование, было постоянное, и для меня необъяснимое, желание миссис Кавендиш видеть Бауэрстайна. Ума не приложу, что можно было в нем найти, но она все время приглашала его в дом, и они часто совершали длитель-

ные совместные прогулки. Должен признаться, что я не находил в нем ничего привлекательного.

Понедельник, шестнадцатого июля, был очень суматошным днем. В субботу состоялся большой благотворительный базар, а в понедельник вечером в честь его завершения планировался концерт, на котором миссис Инглторп собиралась прочесть стихотворение о войне. Целое утро мы провели в большом деревенском зале, оформляя и подготавливая его к вечернему концерту. Пообедав позднее обычного, мы до вечера отдыхали в саду. Я заметил, что Джон в тот день выглядел странно. Он был очень возбужден и, казалось, не мог найти себе места.

После чая миссис Инглторп решила прилечь перед своим вечерним выступлением, а я предложил миссис Кавендиш партию в теннис.

Примерно без четверти семь миссис Инглторп крикнула нам, что мы рискуем опоздать на ужин, который был раньше обычного.

Все очень торопились, и еще до того, как ужин завершился, к дверям подали автомобиль.

Концерт имел большой успех, а выступление миссис Инглторп вызвало настоящую бурю оваций. Было показано также несколько сценок, в них была занята и Цинция. Подруги, с которыми она участвовала в представлении, пригласили ее на ужин, и она осталась ночевать в деревне.

На следующее утро миссис Инглторп не вставала до самого завтрака, отдыхая после вчерашнего концерта, но уже в 12.30 она появилась в прекрасном настроении и потребовала, чтобы мы с Лоуренсом сопровождали ее на званый обед.

— Это весьма почетно, что миссис Роллстон приглашает нас к себе. Она ведь сестра леди Тэдминстер, ни больше ни меньше. Род Роллстонов один из старейших в Англии, о них упоминается во времена Вильгельма-Завоевателя.

Мэри с нами не поехала, поскольку должна была встретиться с доктором Бауэрстайном.

Обед удался на славу, и, когда мы возвращались домой, Лоуренс предложил заехать к Цинции в Тэдминстер, тем более что госпиталь был всего в миле от нас. Миссис Инглторп нашла эту идею замечательной и предложила подбросить нас до госпиталя. Ей, однако,

надо было написать еще несколько писем, поэтому она сразу уехала, а мы решили дождаться, когда Цинция освободится, и возвратиться в экипаже.

Охранник в госпитале наотрез отказался впустить посторонних, пока не появилась Цинция и не провела нас под свою ответственность. В белом халате она выглядела еще свежей и прелестней! Мы проследовали за девушкой в ее комнату, и она познакомила нас со своей коллегой, довольно величественной дамой, которую, смеясь, представила как «наше светило».

— Господи, сколько здесь склянок! — воскликнул я, оглядывая комнату.— Неужели вы знаете содержимое каждой?

— Ну придумайте вы что-нибудь поновее,— сказала Цинция, вздыхая.— Каждый, кто сюда заходит, произносит эти слова. Мы собираемся присудить приз первому, кто не воскликнет: «Сколько здесь склянок!» Я даже знаю, что вы скажете дальше: «И сколько же народа вы отравили?»

Я улыбнулся, признавая свое поражение.

— Если бы вы все только знали, как легко по ошибке отравить человека, то не шутили бы над этим. Ладно, давайте лучше выпьем чаю. У нас тут в шкафу припрятано множество разных лакомств. Нет, не здесь, Лоуренс, это шкаф с ядами. Я имела в виду вон тот большой шкаф.

Чаепитие прошло очень весело, после чего мы помогли Цинции вымыть посуду. Едва были убраны чайные принадлежности, как в дверь постучали. Лица хозяек сразу сделались строгими и непроницаемыми.

— Войдите,— сказала Цинция резким официальным голосом.

На пороге появилась молоденькая немного испуганная медсестра, которая протянула «светилу» какую-то бутылочку. Та, однако, переадресовала ее Цинции, сказав при этом довольно загадочную фразу: «На самом деле меня сегодня нет в госпитале». Цинция взяла бутылочку и со строгостью судьи начала ее рассматривать.

— Это лекарство должны были отправить еще утром.

— Старшая медсестра просит извинить ее, но она забыла.

— Скажите ей, что надо внимательнее читать правила, вывешенные на дверях.

По лицу медсестры было видно, что она не испытывает ни малейшего желания передавать эти слова старшей медсестре, которую она явно побаивалась.

— Теперь препарат не отправить раньше завтрашнего дня,— добавила Цинция.

— Может быть, вы попытаетесь приготовить его до вечера?

— Ладно, попробуем,— милостиво согласилась Цинция,— хотя мы ужасно заняты и я не уверена, что у нас будет на это время.

Цинция подождала, пока медсестра вышла, затем взяла с полки большую бутыль, наполнила из нее склянку и поставила ее на стол в коридоре. Я рассмеялся: «Дисциплина прежде всего?»

— Вот именно. А теперь прошу на балкон, оттуда видно весь госпиталь.

Я проследовал за Цинцией и ее подругой, и они показали мне расположение корпусов. Лоуренс остался было в комнате, но Цинция сразу же позвала его на балкон, затем она взглянула на часы.

— Ну, что, Светило, есть еще работа на сегодня?

— Нет.

— Ладно, тогда запираем двери и пошли.

В то утро я впервые по-настоящему разглядел Лоуренса. По сравнению с Джоном разобраться в нем было куда труднее. Застенчивый и замкнутый, он почти во всем являлся полной противоположностью брату.

Однако в его манерах чувствовалось внутреннее благородство, и мне казалось, что тот, кто может действительно хорошо узнать Лоуренса, должен испытывать к нему глубокую привязанность. Я не мог отделаться от впечатления, что в его отношении к Цинции чувствовалась сдержанность и что она тоже в присутствии Лоуренса выглядит немного смущенной. Но в то утро они были веселыми и беспрестанно болтали между собой.

Когда мы проезжали через деревню, я вспомнил, что собирался купить несколько марок, и мы заехали на почту.

Выходя, я столкнулся в дверях с каким-то маленьким человечком и начал было извиняться, как вдруг он радостно вскрикнул и, заключив меня в объятия, жарко расцеловал:

— Хастингс, друг мой,— воскликнул он,— неужели это вы?

— Пуаро! — вырвалось у меня.

Мы пошли к экипажу.

— Представляете, мисс Цинция, я только что случайно встретил своего старого друга месье Пуаро, с которым мы не виделись уже много лет.

— Надо же, а ведь мы хорошо знаем месье Пуаро, но мне и в голову не приходило, что вы с ним друзья.

— Да,— серьезно произнес Пуаро,— мы с мадемуазель Цинцией действительно знакомы. Ведь я оказался в этих краях лишь благодаря исключительной доброте миссис Инглтроп.

Я удивленно взглянул на него.

— Да, друг мой, она великодушно пригласила сюда семь моих соотечественников, которые, увы, вынуждены были покинуть пределы своей страны. Мы, бельгийцы, всегда будем вспоминать о ней с благодарностью.

Пуаро обладал весьма необычной внешностью. Ростом он был не выше пяти футов и четырех дюймов, однако держался всегда с огромным достоинством. Свою яйцеобразную голову он обычно клонил немного набок, а пышные усы придавали ему довольно воинственный облик. Внешний вид Пуаро был абсолютно безупречен; казалось, заметь он пятнышко на костюме, оно причинит ему больше страданий, чем пулевое ранение. И в то же время этот изысканный щеголь (который, как я с сожалением отметил, теперь сильно прихрамывал) считался в свое время одним из лучших детективов в бельгийской полиции. Благодаря своему невероятному чутью он блестяще распутывал самые загадочные преступления.

Он показал мне маленький дом, в котором жили все бельгийцы, и я обещал навестить его в самое ближайшее время. Пуаро изящно приподнял свою шляпу, прощаясь с Цинцией, и мы тронулись в путь.

— Какой он милый, этот Пуаро,— сказала Цинция.— Надо же, я и не думала, что вы знакомы.

— Да, Цинция, а вы, значит, сами того не подозревая, общаетесь со знаменитостью! — И весь остаток пути я рассказывал им о былых подвигах моего друга.

В прекрасном настроении мы возвратились домой. На пороге спальни показалась миссис Инглторп. Она была чем-то очень взволнована.

— А, это вы!

— Что-нибудь случилось, тетя Эмили? — спросила Цинция.

— Нет, все в порядке,— сухо ответила миссис Инглторп.— Что у нас может случиться?

Увидев экономку Доркас, которая шла в столовую, она попросила занести ей несколько почтовых марок.

— Слушаюсь, мадам.

Затем, чуть помедлив, Доркас неуверенно добавила: «Может, вам лучше не вставать с кровати: вы выглядите очень усталой».

— Возможно, ты и права, впрочем, нет, мне все-таки надо успеть написать несколько писем до прихода почтальона. Кстати, ты не забыла, что я просила разжечь камин в моей комнате?

— Все сделано, мадам.

— Хорошо. Значит, после ужина я смогу сразу лечь.

Она затворила дверь в спальню, и Цинция в недоумении посмотрела на Лоуренса.

— Ничего не понимаю. Что здесь происходит?

Казалось, он не слышал ее слов. Не проронив ни звука, развернулся и вышел из дома.

Я предложил Цинции поиграть немного в теннис перед ужином. Она согласилась, и я побежал наверх за ракеткой. Навстречу мне спускалась миссис Кавендиш. Возможно, это были мои фантазии, но, похоже, и она выглядела необычайно взволнованной.

— Прогулка с доктором была приятной? — спросил я с наигранной беспечностью.

— Я никуда не ходила,— ответила она резко.— Где миссис Инглторп?

— В своей комнате.

Ее рука стиснула перила, она чуть помедлила, словно собираясь с силами, и, быстро спустившись, прошла через холл в комнату миссис Инглторп, плотно закрыв за собой дверь.

На пути к теннисному корту я проходил мимо окон в спальне Эмили Инглторп, одно было открыто, и, помимо своей воли, я стал свидетелем короткого обрывка их разговора.

— Итак, вы не хотите мне его показать? — спросила Мэри, тщетно пытаясь сохранить спокойный тон.

— Милая Мэри, оно не имеет никакого отношения к тому, о чем ты говоришь,— раздалось в ответ.

— Тогда покажите мне его.

— Да говорю тебе, это совсем не то, что ты думаешь. Ты здесь вообще ни при чем.

На это Мэри воскликнула с растущим раздражением: «Конечно, я и сама должна была догадаться, что вы будете его защищать».

Цинция с нетерпением дожидалась моего прихода.

— Вот видите, я была права! Доркас говорит, что был ужасный скандал.

— Какой скандал?

— Между ним и тетей Эмили. Надеюсь, она его наконец-то вывела на чистую воду.

— Вы хотите сказать, что Доркас была свидетелем ссоры?

— Нет, конечно! Просто она будто бы совершенно случайно оказалась под дверью. Доркас утверждает, что там творилось нечто ужасное. Любопытно, что же все-таки произошло?

Я вспомнил о миссис Райкес и о предостережении мисс Ховард, но на всякий случай промолчал, в то время как Цинция, перебрав все мыслимые варианты, весело заключила:

— Тетя Эмили просто вышвырнет его вон и никогда больше не вспомнит.

Я решил поговорить с Джоном, но он куда-то исчез. Было ясно, что днем произошло что-то весьма серьезное. Мне хотелось забыть тот случайно услышанный разговор, но напрасно: я все время невольно возвращался к нему, пытаясь понять, какое отношение ко всему этому имела Мэри Кавендиш.

Когда я спустился к ужину, мистер Инглторп сидел в гостиной. Лицо Альфреда, как и всегда, было совершенно непроницаемым, и меня вновь поразил его странный отсутствующий вид. Миссис Инглторп вошла последней. Она была по-прежнему чем-то взволнована. Весь ужин за столом царила тишина. Обычно мистер Инглторп постоянно суетился вокруг своей жены, поправлял подушечку и вообще изображал из себя чрезвычайно заботливого мужа. На этот раз он сидел совершенно отрешенный. Сразу после ужина миссис Инглторп снова пошла к себе.

— Мэри, пришли мой кофе сюда. Через пять минут придет почтальон, а я еще не закончила письма,— крикнула она из своей комнаты.

Мы с Цинцией пересели поближе к окну. Мэри подала нам кофе. Она явно нервничала.

— Ну, что, молодежь, включить вам свет или вы предпочитаете полумрак? — спросила Мэри.— Цинция, я налью кофе для миссис Инглторп, а ты отнеси его, пожалуйста, сама.

— Не беспокойтесь, Мэри, я все сделаю,— послышался голос Альфреда.

Он налил кофе и, осторожно держа чашечку, вышел из комнаты. За ним последовал Лоуренс, а Мэри присела рядом с нами.

Некоторое время мы сидели молча. Обмахиваясь пальмовым листом, миссис Кавендиш словно вслушивалась в этот теплый безмятежный вечер.

— Слишком душно. Наверное, будет гроза,— сказала она.

Увы, эти райские мгновения длились недолго — из холла неожиданно послышался знакомый и столь ненавистный мне голос.

— Доктор Бауэрстайн! — воскликнула Цинция.— Что за странное время для визитов?

Я ревниво взглянул на Мэри, она казалась совершенно безучастной.

Через несколько секунд Альфред Инглторп привел доктора в гостиную, хотя тот шутливо отбивался, говоря, что его внешний вид не подходит для визитов. И в самом деле, он был весь вымазан грязью и представлял собой довольно жалкое зрелище.

— Что случилось, доктор? — воскликнула миссис Кавендиш.

— Приношу тысячу извинений за свой наряд, но я не собирался к вам заходить,—ответил тот.—Мистер Инглторп буквально затащил меня в дом.

— Да, доктор, видок у вас замечательный,— произнес Джон, заходя в гостиную.— Выпейте кофе и поведайте нам, что же произошло.

— Благодарю вас.

И доктор принялся весело рассказывать, как он обнаружил редкий вид папоротника, росшего в каком-то труднодоступном месте, и как, пытаясь сорвать его, поскользнулся и свалился в грязную лужу.

— Грязь вскоре высохла на солнце,— добавил он,— однако вид мой по-прежнему ужасен.

В этот момент миссис Инглторп позвала Цинцию в холл.

— Милая, отнеси мою розовую папку в спальню. Я уже собираюсь ложиться.

Дверь в прихожую была широко распахнута, к тому же я встал вместе с Цинцией. Джон тоже стоял рядом со мной. Таким образом, как минимум, мы трое были свидетелями того, что миссис Инглторп сама несла свою чашку с кофе, не сделав к тому моменту ни одного глотка.

Присутствие доктора Бауэрстайна полностью испортило мне весь вечер. Казалось, что этот челоьек никогда не уйдет.

Наконец он встал.

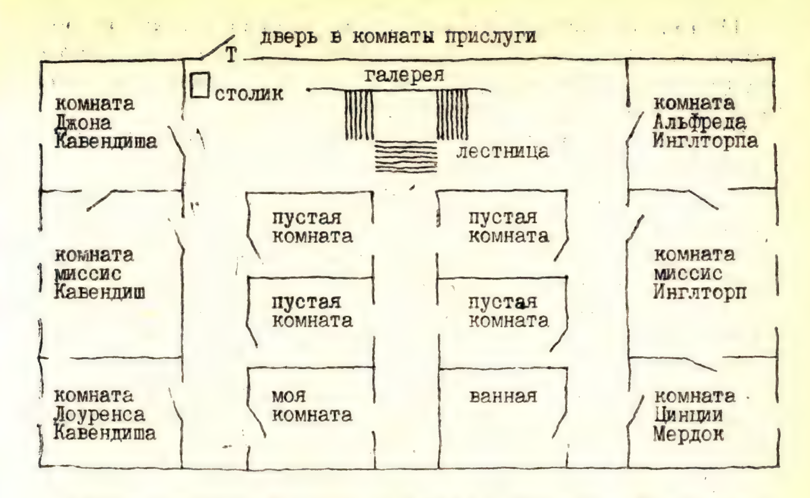
— Я пойду с вами вместе в деревню,— сказал мистер Инглторп.— Мне надо уладить кое-какие хозяйственные вопросы с нашим посредником.

Повернувшись к Джону, он добавил: «Дожидаться меня не надо: я возьму ключи с собой».

Чтобы сделать дальнейшее изложение более понятным, я прилагаю план первого этажа поместья Стайлз.

Дверь Т ведет в комнаты прислуги. Они не соединены с правым крылом, где расположены комнаты Инглторпов.

Около полуночи меня разбудил Лоуренс Кавендиш. Он держал в руке свечу, и по его лицу было сразу видно, что произошло нечто страшное.

— Что случилось? — спросил я, приподнимаясь и пробуя сосредоточиться.

— Маме очень плохо. У нее, похоже, какой-то припадок. И, как назло, она заперлась изнутри.

Спрыгнув с кровати и натянув халат, я прошел вслед за Лоуренсом через коридор в правое крыло дома. К нам подошли Джон и несколько до смерти перепуганных служанок. Лоуренс посмотрел на брата.

— Что будем делать?

«Никогда еще его нерешительность не проявлялась столь явно»,— подумал я. Джон несколько раз сильно дернул дверную ручку. Все было напрасно: дверь заперли изнутри. К этому моменту все обитатели дома были уже на ногах. Из комнаты доносились ужасные звуки. Надо было срочно что-то предпринять.

— Сэр, попытайтесь пройти через комнату мистера Инглторпа,— предложила Доркас.— Боже мой, как она мучается, бедняжка!

Похоже, что среди всех обитателей дома, столпившихся в коридоре, не было видно только Альфреда Инглторпа.

Джон вошел в его комнату. Сначала в темноте ничего нельзя было разобрать, затем на пороге появился Лоуренс, и в тусклом свете свечи нашему взору пред-

стала пустая комната и кровать, в которой явно не спали в ту ночь. Бросившись к двери в комнату миссис Инглторп, мы увидели, что она тоже заперта или закрыта на засов. Положение было отчаянное.

— Господи, что же нам делать, сэр? — воскликнула Доркас.

— Надо взламывать дверь. И вот что — пусть кто-нибудь спустится и разбудит Бэйли, чтобы он срочно бежал за доктором Уилкинсом. Давайте ломать дверь. Нет, постойте. Есть еще же дверь из комнаты Цинции.

— Да, сэр, но она закрыта на засов. Ее никогда не открывают.

— Надо все-таки проверить.

Пробежав по коридору, Джон влетел в комнату Цинции, где увидел Мэри Кавендиш. Она пыталась растолкать девушку, но та, однако, спала чрезвычайно крепко. Через несколько секунд он прибежал обратно в комнату Инглторпа.

— Бесполезно, она заперта на засов. Будем ломать эту дверь, она, кажется, потоньше, чем в коридоре.

Все навалились на эту проклятую дверь. Наконец она поддалась, и мы с оглушительным грохотом влетели в комнату. При свете свечи, которая по-прежнему была в руках у Лоуренса, мы увидели на кровати бьющуюся в конвульсиях миссис Инглторп. Рядом валялся маленький столик, который она, видимо, перевернула во время приступа. С нашим появлением ей стало немного легче, и несчастная опустилась на подушки.

Джон зажег газовую лампу и приказал горничной Анни принести из столовой брэнди. Я открыл засов на двери, ведущей в коридор, а он тем временем побежал к матери. Понимая, что моя помощь больше не понадобится, я вернулся к Лоуренсу и хотел было предложить оставить их. Но слова замерли у меня на устах. Никогда в жизни я не видел более страшного человеческого лица. Свеча дрожала в его трясущейся руке, и воск капал прямо на ковер. Лоуренс был белый как мел, его неподвижный, полный смертельного ужаса взгляд был устремлен куда-то мимо меня на противоположную стену. Он словно оцепенел. Я тоже посмотрел туда, но ничего не заметил.

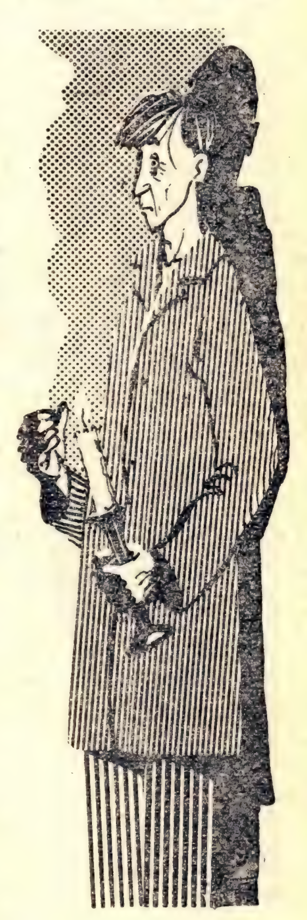
Миссис Инглторп стало, видимо, немного лучше, превозмогая удушье, она прошептала: «Теперь лучше... совершенно внезапно... как глупо... закрывать комнату...»

На кровать упала тень. Я поднял глаза и увидел в дверях Мэри Кавендиш, которая одной рукой поддерживала Цинцию. Лицо девушки было очень красным, она все время зевала и вообще выглядела довольно странно.

— Бедняжка Цинция, она так испугалась,— сказала Мэри тихо.

На миссис Кавендиш был белый халат, в котором она работала на ферме. Это означало, что приближается рассвет. И действительно, тусклый утренний свет уже слегка пробивался сквозь шторы. Часы на камине показывали около пяти.

Удушливый хрип заставил меня вздрогнуть. Было невыносимо видеть, как бедная миссис Инглторп опять начала биться в страшных конвульсиях. Мы стояли возле кровати несчастной не в силах ничем помочь. Тщетно Мэри и Джон пытались влить в нее немного брэнди. В этот момент в комнату уверенной походкой вошел доктор Бауэрстайн. На какое-то мгновение он застыл, пораженный кошмарным зрелищем, а миссис Инглторп, глядя прямо на него, прохрипела: «Альфред! Альфред!» — и, упав на подушки, затихла.

Доктор подбежал к кровати, схватил руки умирающей и начал делать искусственное дыхание. Дав несколько приказаний прислуге, он властным жестом попросил всех отойти. Затаив дыхание, мы ловили каждое его движение, хотя в глубине души каждый из нас догадывался, что состояние миссис Инглторп безнадежно. По лицу доктора я понял — спасти умирающую он не в силах.

Наконец он выпрямился и тяжело вздохнул. В это время в

2 Зак. 1532

коридоре раздались шаги, и в комнату суетливо вбежал небольшого роста толстенький человечек, которого я сразу узнал. Это был доктор Уилкинс, лечащий врач миссис Инглторп.

В нескольких скупых фразах доктор Бауэрстайн рассказал, как он случайно проходил мимо садовых ворот в тот момент, когда оттуда выезжала машина, посланная за доктором, и как, узнав о случившемся, со всех ног бросился в дом. Он грустно взглянул на усопшую.

— Да, печально, весьма печально,— пробормотал доктор Уилкинс,— она всегда так перенапрягалась... несмотря на мои предупреждения, так перенапрягалась... Говорил же я ей: «У вас, миссис Инглторп, сердечко пошаливает, поберегите вы себя...» Да, именно так ей и говорил: «Поберегите вы себя», но нет, ее желание делать добро было слишком велико, да, слишком велико. Вот организм и не выдержал... просто не выдержал...

Я заметил, что Бауэрстайн очень внимательно смотрел на доктора Уилкинса. Пристально глядя ему в глаза, он сказал:

— Характер конвульсий был весьма странным. Жаль, что вы опоздали и не видели. Это было похоже на... столбняк. Я бы хотел поговорить с вами наедине,— сказал Бауэрстайн. Он повернулся к Джону:— Вы не возражаете?

— Конечно, нет.

Все вышли в коридор, оставив их вдвоем. Было слышно, как изнутри заперли дверь. Мы медленно спустились вниз. Я был очень взбудоражен: от моего пытливого взора не ускользнула странность поведе-

ния доктора Бауэрстайна, и это породило в моей разгоряченной голове множество догадок. Мэри Кавендиш взяла меня за руку.

— Что происходит? Почему доктор Бауэрстайн ведет себя так необычно?

Я посмотрел ей в глаза.

— Знаете, что я думаю?

— Что?

— Слушайте.— Я понизил голос до шепота и, убедившись, что рядом никого нет, продолжал: — Я уверен, что ее отравили. Не сомневаюсь, что доктор Бауэрстайн подозревает именно это.

— Что?! — Глаза Мэри округлились от ужаса. Она попятилась к стене и вдруг издала страшный вопль: — Нет! Нет! Нет!!! Этого не может быть!

От неожиданности я вздрогнул. Мэри бросилась вверх по лестнице, я побежал следом, боясь, что она лишится чувств. Когда я догнал ее, миссис Кавендиш стояла, прислонившись к перилам. Лицо ее покрывала смертельная бледность. Отстранившись от меня, она произнесла: «Нет, нет, прошу вас, оставьте меня. Мне надо немного побыть одной и успокоиться. Идите вниз».

Нехотя я подчинился. Спустившись, увидел в столовой Джона и Лоуренса. Некоторое время мы молчали, затем я сказал то, что было, наверное, у всех на уме:

— Где мистер Инглторп?

Джон пожал плечами: «В доме его нет».

Наши глаза встретились. Где был Альфред Инглторп? Его отсутствие было очень

странным. Я вспомнил последние слова миссис Инглторп. Что они означали? Что бы она сказала, если бы умерла несколькими минутами позже?

Наконец сверху послышались шаги. Оба доктора спустились вниз. Доктор Уилкинс был очень взволнован, хотя и пытался скрыть это. Он обратился к Джону с необычайно торжественным и важным видом: «Мистер Кавендиш, мне требуется ваше разрешение на вскрытие».

— Неужели это необходимо? — с дрожью в голосе спросил Джон, и его лицо передернулось.

— Абсолютно необходимо,— сказал Бауэрстайн.

— Вы хотите сказать...

— Что ни я, ни доктор Уилкинс не можем дать заключение о смерти без вскрытия.

Джон опустил голову.

— В таком случае у меня нет другого выбора, как дать согласие.

— Спасибо,— быстро сказал доктор Уилкинс.— Мы предлагаем провести вскрытие завтра или даже лучше сегодня вечером.— Он посмотрел в окно.— Боюсь, что при сложившихся обстоятельствах официальное освидетельствование трупа неизбежно. Но не беспокойтесь: это всего лишь необходимая формальность.

Все замолчали, и доктор Бауэрстайн, вынув из кармана два ключа, протянул их Джону.

— Это ключи от комнат Инглторпов. Я их запер и думаю, что лучше пока туда никого не пускать.

Раскланявшись, оба доктора удалились.

Уже некоторое время я обдумывал одну идею и теперь решил, что пришло время поделиться ею с Джоном. Мне, однако, следовало делать это крайне осторожно, так как Джон до смерти боялся огласки и вообще принадлежал к тому типу беззаботных оптимистов, которые не любят готовиться к несчастью заранее. Его будет нелегко убедить в разумности моего предложения. С другой стороны, вопросы светского приличия куда меньше волновали Лоуренса, и я мог рассчитывать на его поддержку. Настал момент, когда надо было брать бразды правления в свои руки.

— Джон,— сказал я,— мне хочется кое-что предложить тебе.

— Я весь внимание.

— Помнишь, я рассказывал о моем друге Пуаро?

Это тот самый бывший знаменитый бельгийский сыщик, который сейчас живет в Стайлз Сент-Мэри.

— Конечно, помню.

— Так вот, я прошу твоего согласия, чтобы он занялся этим делом.

— Прямо сейчас, до результатов вскрытия?

— Да, нельзя терять ни минуты, если... Если, конечно, здесь что-то нечисто.

— Чепуха! — негодующе воскликнул Лоуренс.— Все это сплошная выдумка Бауэрстайна. Уилкинсу и в голову это не приходило, пока Бауэрстайн не поговорил с ним. Каждый ученый на чем-нибудь помешан. Этот занимается ядами, вот и видит повсюду отравителей.

Признаться, меня удивила эта тирада Лоуренса: он весьма редко проявлял эмоции. Что касается Джона, то он явно колебался. Наконец он сказал:

— Я не согласен с тобой, Лоуренс. Думаю, Хастингс прав, хотя я хотел бы немного подождать с расследованием. Надо во что бы то ни стало избежать огласки.

— Что ты, Джон,— запротестовал я.— Никакой огласки не будет. Пуаро — это сама деликатность.

— В таком случае, поступай, как знаешь.

Часы пробили шесть. Я решил не терять времени, хотя и позволил себе на пять минут задержаться в библиотеке, где отыскал в медицинском справочнике симптомы отравления стрихнином.

Дом, в котором жили бельгийцы, находился недалеко от входа в парк. Чтобы сэкономить время, я пошел наикратчайшим путем, не по основной дороге в деревню, которая слишком петляла, а по тропинке через парк. Я уже почти достиг выхода, как вдруг увидел, что навстречу мне кто-то идет. Это был мистер Инглторп. Где он был?

Как он собирается объяснить свое отсутствие? Увидев меня, он сразу воскликнул: «Боже мой, какое несчастье! Моя бедная жена! Я только что узнал!»

— Где вы были?

— Я вчера задержался у Денби. Когда мы закончили все дела, было уже около часа. Оказалось, я забыл дома ключ и, чтобы не будить вас среди ночи, решил остаться у него.

— Как же вы узнали о случившемся? — спросил я.

— Уилкинс заехал к Денби и все ему рассказал. Бедная моя Эмили... в ней было столько самопожертвования, столько благородства! Она совсем себя не щадила!

Волна отвращения буквально захлестнула меня. Как можно так изощренно лицемерить? Извинившись, я сказал, что спешу, и был очень доволен, что он не спросил, куда я направился.

Через несколько минут я постучался в дверь коттеджа, где жили бельгийцы. Никто не открывал. Я снова нетерпеливо постучал. На этот раз наверху осторожно приоткрылось окно и оттуда выглянул Пуаро и увидел меня.

Он был очень удивлен моему визиту.

— Подождите, друг мой, сейчас я вас впущу и, пока буду одеваться, вы все расскажете.

Через несколько секунд Пуаро открыл дверь, и мы поднялись в его комнату. Я очень подробно рассказал ему о том, что случилось ночью, стараясь не упустить ни малейшей детали. Пуаро тем временем с необыкновенной тщательностью приводил в порядок свой туалет. Я рассказал ему, как меня разбудили, о последних словах миссис Инглторп, о ее ссоре с Мэри, свидетелем которой я случайно стал, о ссоре между миссис Инглторп и мисс Ховард и о нашем с ней разговоре. Пытаясь припомнить каждую мелочь, я поминутно повторялся.

Пуаро добродушно улыбнулся.

— Друг мой, вы очень взволнованы. Успокойтесь, и давайте вместе проанализируем имеющиеся факты. Попробуем выстроить их в определенном порядке. Те, что важны для нас, следует запомнить, а те, что нет,— он надул щеки и комично фыркнул,— п-у-уф... Мы сразу отбросим.

— Все это звучит прекрасно, но как мы узнаем, ка-

кие факты отбрасывать? По-моему, в этом и заключается главная трудность.

Но у Пуаро было другое мнение. Задумчиво поглаживая усы, он произнес:

— Отнюдь нет, друг мой. Судите сами: один факт ведет к другому, получается цепочка, в которой каждое звено связано с предыдущим. Если какой-то факт не связывается с предыдущим, это означает, что надо искать потерянное звено. Может быть, оно окажется какой-то незначительной деталью, но мы обязательно находим ее, восстанавливаем обрыв в цепочке и идем дальше.— Он многозначительно поднял палец.— Вот в этом, друг мой, и заключается главная трудность.

— Д-да, вы правы...

Пуаро, погрозив пальцем, добавил: «И горе тому детективу, который отбрасывает факты, пусть самые ничтожные, если они не связываются с другими. Подобный путь ведет в тупик. Помните, любая мелочь имеет значение!»

— Да-да, вы всегда говорили мне об этом. Вот почему я и старался припомнить все до малейшей детали, хотя некоторые из них не имеют, по-моему, отношения к делу.

— И я доволен вами! У вас хорошая память, и вы действительно рассказали все, что помните. Не будем говорить о достойном сожаления беспорядке, в котором были изложены события. Я это прощаю: вы слишком возбуждены. Прощаю я и то, что не была упомянута одна чрезвычайно важная деталь.

— Какая?

— Вы не сказали, много ли съела миссис Инглторп вчера за ужином.

Я посмотрел с сожалением на своего друга. Война для него не прошла даром: бедняга явно немного тронулся. Пуаро тем временем с величайшей тщательностью чистил пальто и, казалось, был всецело поглощен этим занятием.

— Не помню,— пробормотал я,— и вообще, я не понимаю...

— Вы не понимаете? Это же очень важно.

— Не вижу здесь ничего важного,— сказал я с раздражением.— Мне кажется, она ела совсем немного, ведь миссис Инглторп была сильно расстроена и ей было, видимо, не до еды.

— Да,— задумчиво произнес Пуаро,— ей было не до еды.

Он вынул из бюро небольшой чемоданчик и сказал: «Теперь все готово, и я хотел бы немедленно отправиться в усадьбу, чтобы увидеть все своими глазами... Простите, друг мой, вы одевались в спешке и небрежно завязали галстук. Вот так! Теперь можно идти».

Пройдя через деревню, мы свернули в парк. Пуаро остановился и печально взглянул на тихо покачивающиеся деревья, на траву, в которой еще блестели последние капли росы, и со вздохом сказал: «Здесь все так тихо, так обворожительно, а где-то совсем рядом...»

Пуаро внимательно посмотрел на меня, и я покраснел под его долгим взглядом. Так ли уж близкие миссис Инглторп оплакивают ее кончину? Так ли уж они убиты горем? Нельзя сказать, что окружающие обожали миссис Инглторп. Ее смерть была скорее происшествием, которое всех потрясло, выбило из колеи, но не причинило подлинного страдания. Пуаро как будто прочел мои мысли: он мрачно кивнул и сказал: «Да, вы правы, и чувствуется, что между ними не было кровного родства. Она была очень добра к братьям Кавендишам, но все же она не была для них родной матерью, а главное — это кровь, запомните, друг мой, главное — это кровь».

— Пуаро, мне хотелось бы все-таки узнать, почему вы так заинтересовались аппетитом миссис Инглторп? Я все время думаю об этом и не могу понять, почему это вас так волнует?

Несколько минут Пуаро шел молча. Наконец он сказал:

— Вы знаете, что не в моих правилах что-либо объяснять, пока дело не закончилось, но на этот раз я сделаю исключение. Итак, на данный момент предполагается, что миссис Инглторп была отравлена стрихнином, который подмешали ей в кофе.

— Да.

— Хорошо, в какое время подали кофе?

— Около восьми.

— Следовательно, она выпила кофе между восемью и половиной девятого, не позже. Но стрихнин ведь действует очень быстро, примерно через час. А у миссис

Инглторп симптомы отравления появились в пять утра, то есть через девять часов! Однако если в момент отравления человек плотно поел, то это может отсрочить действие яда, хотя вряд ли так надолго. Вы утверждаете, что она съела за ужином очень мало, а симптомы тем не менее проявляются лишь утром. Все это, друг мой, довольно странно. Возможно, вскрытие что-нибудь и прояснит, а пока запомним этот факт.

Когда мы подошли к усадьбе, Джон вышел нам навстречу. Он выглядел очень утомленным.

— Это ужасно неприятная история, месье Пуаро. Надеюсь, Хастингс сказал вам, что мы хотели бы избежать скандала?

— Я вас прекрасно понимаю.

— Видите ли, пока у нас нет никаких фактов, одни только подозрения.

— Вот именно. Но на всякий случай будем осторожны.

Джон достал из портсигара сигарету и посмотрел на меня.

— Ты знаешь, что этот тип вернулся?

— Да, я встретил его по дороге.

Он бросил спичку в ближайшую клумбу, но Пуаро, который не мог вынести подобного зрелища, нагнулся и тщательно закопал ее.

— Никто не знает, как себя с ним вести.

— Скоро узнаете,— тихо пробормотал Пуаро.

Джон удивленно взглянул на него, не совсем понимая смысл этой загадочной фразы.

Он протянул мне два ключа, которые получил от доктора Бауэрстайна.

— Покажи месье Пуаро все, что его интересует.

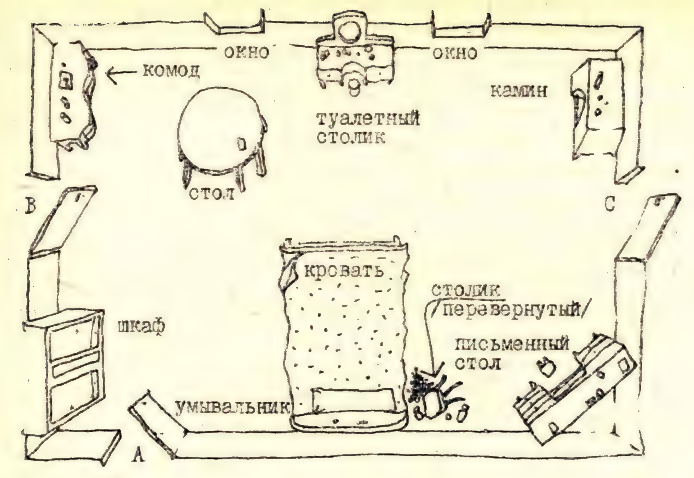
— Разве комнаты заперты?

— Да, доктор Бауэрстайн считал, что это необходимо.

Пуаро задумчиво кивнул.

— Он весьма предусмотрителен. Что ж, это сильно облегчает нашу задачу.

Мы пошли в комнату миссис Инглторп. Для удобства я прилагаю ее план, на котором также помечены основные предметы обстановки.

А — дверь ь коридор.

В — дверь в комнату Альфреда Инглторпа.

С — дверь в комнату Цинции.

Пуаро открыл дверь и приступил к тщательному осмотру комнаты. Словно кузнечик, он перепрыгивал от предмета к предмету, а я топтался у двери, боясь случайно уничтожить какие-нибудь улики. Пуаро, однако, совершенно не оценил мою предусмотрительность.

— Друг мой, что вы там застыли, как изваяние?

Я объяснил ему, что боюсь уничтожить улики, например, следы на полу.

— Следы?! Вот так улика! Здесь же побывала целая толпа народа, а вы говорите про следы. Лучше идите сюда и помогите мне. Так, чемоданчик пока не нужен, отложим его на время.

Он положил чемоданчик на круглый стол возле окна, но тот оказался плохо закрепленным на ножке и наклонился под тяжестью сокровищ Пуаро. Чемоданчик заскользил и свалился на пол.

— Ну и столик! — воскликнул Пуаро.— Вот так, Хастингс, оказывается, можно не иметь комфорта, живя в очень большом доме.

Отпустив это глубокомысленное замечание, мой друг продолжал осмотр комнаты. Его внимание привлекла лежащая на письменном столе небольшая розовая папка. Из ее замочка торчал ключ. Пуаро вынул его и многозначительно передал мне. Я не нашел в нем ни-

чего достойного внимания: это был вполне обыкновенный ключ, надетый на небольшое проволочное кольцо.

Затем мой друг осмотрел раму выломанной двери, дабы убедиться, что она была действительно заперта на засов. Затем он подошел к двери, ведущей в комнату Цинции. Как я уже говорил, она была тоже заперта. Пуаро отодвинул засов и несколько раз осторожно открыл и закрыл дверь, стараясь не произвести при этом ни малейшего шума. Неожиданно что-то привлекло его внимание на самом засове. Мой друг тщательно осмотрел его, затем быстро вынул из своего чемоданчика маленький пинцет и, ловко подцепив какой-то волосок, аккуратно положил его в небольшой конверт.

На комоде стоял поднос со спиртовкой и ковшиком, в котором виднелись остатки коричневой жидкости.

Поразительно, как я не заметил их раньше! Это ведь настоящая улика!

Пуаро обмакнул кончик пальца в коричневую жидкость и осторожно лизнул его. Поморщившись, он сказал:

— Какао... смешанное с ромом.

Теперь Пуаро принялся осматривать осколки, валявшиеся возле перевернутого столика. Рядом с разбитой вдребезги кофейной чашкой валялись спички, книги, связка ключей и настольная лампа.

— Однако это довольно странно,— сказал Пуаро.

— Должен признаться, что не вижу здесь ничего странного.

— Неужели? Посмотрите-ка на лампу — она раскололась на две части, и обе лежат рядом. С другой стороны, чашка раздроблена на сотни маленьких осколков.

— Ну и что? Наверное, кто-то наступил на нее.

— Вот и-мен-но,— как-то странно протянул Пуаро.— Кто-то наступил на нее.

Он встал с колен, подошел к камину и стал что-то обдумывать, машинально поправляя безделушки и выстраивая их в прямую линию — верный признак того, что он очень взволнован.

— Друг мой,— произнес он наконец,— кто-то намеренно наступил на эту чашку, потому что в ней был стрихнин или, и это еще важнее, потому что в ней не было стрихнина!

Я был заинтригован, но, хорошо зная своего друга, решил пока ничего не спрашивать. Пуаро потребова-

лась еще пара минут, чтобы успокоиться и снова приступить к делу. Подняв с пола связку ключей, он тщательно осмотрел их, затем выбрал один, выглядевший новее других, и вставил его в замок розовой папки. Ключ подошел, но, едва приоткрыв папку, Пуаро тотчас же захлопнул ее и снова запер на ключ. Положив связку и ключ в карман, он сказал:

— Пока я не имею права читать эти бумаги, но это должно быть сделано как можно скорее.

Теперь мой друг приступил к осмотру шкафчика над умывальником, после чего подошел к левому окну и склонился над круглым пятном, которое на темно-коричневом ковре было едва различимо. Он скрупулезно осматривал пятно с разных сторон и под конец даже понюхал его.

Закончив с пятном, он налил несколько капель какао в пробирку и плотно закрыл пробку. Затем Пуаро вынул записную книжку и, что-то быстро записав, произнес:

— Таким образом, мы сделали в этой комнате шесть интересных находок. Перечислить их или вы сделаете это сами?

— Нет, лучше вы,— ответил я не задумываясь.

— Хорошо. Итак, первая находка — это кофейная чашка, буквально растертая в порошок, вторая — папка с торчащим из нее ключом, третья — пятно на ковре.

— Возможно, оно уже здесь давно,— перебил я своего друга.

— Нет, оно до сих пор влажное и еще пахнет кофе. Дальше, крошечный кусочек зеленой материи, всего пара ниток, но по ним можно восстановить целое.

— А, так вот что вы положили в конверт! — воскликнул я.

— Да, хотя эти нитки могут оказаться от платья самой миссис Инглторп и в этом случае потеряют для нас интерес. Находка пятая — прошу вас...— и театральным жестом Пуаро указал на большое восковое пятно около письменного стола.— Вчера его еще не было, в противном случае служанка наверняка бы его удалила, прогладив горячим утюгом через промокательную бумагу. Однажды такая же история приключилась с моей лучшей шляпой. Я вам как-нибудь расскажу об этом.

— Видимо, пятно появилось минувшей ночью. Все были так взволнованы! А может быть, свечу уронила сама миссис Инглторп.

— Ночью у вас была с собой только одна свеча?

— Да, у Лоуренса Кавендиша, но он был совершенно невменяем. Бедняга что-то увидел на камине или рядом с ним и буквально оцепенел от этого.

— Очень интересно.— Пуаро внимательно осмотрел всю стену.— Любопытно, любопытно. Однако этот воск не от его свечи, ведь он белый, а свеча месье Кавендиша была из розового воска. Взгляните, она до сих пор стоит на туалетном столике. Между тем в комнате вообще нет ни одного подсвечника: миссис Инглторп пользовалась лампой.

— Что же вы хотите сказать?

Вместо ответа Пуаро раздраженно пробормотал что-то насчет моих извилин.

— Ну, а шестая находка — это, по-видимому, остатки какао?

— Нет,— задумчиво проговорил Пуаро.— Пока я ничего не хочу говорить о номере шесть.

Он еще раз оглядел комнату. «Думаю, здесь больше нет ничего интересного, хотя...» — Пуаро несколько мгновений пристально смотрел на тлеющие в камине угольки, затем медлено произнес: «Огонь еще горит... да, все уничтожено. Однако лучше проверить — вдруг что-то уцелело».

Он встал на четвереньки и начал с величайшей осторожностью выгребать из камина золу. Внезапно Пуаро воскликнул: «Хастингс, пинцет!»

Я протянул своему другу пинцет, и он бережно вытащил из пепла наполовину обуглившийся клочок бумаги.

— Получите, друг мой! — и он протянул мне свою находку.— Что вы об этом думаете?

Я внимательно посмотрел на листок. Вот как он выглядел:

Но главное — бумага была необыкновенно плотная. Внезапно мне в голову пришла идея:

— Пуаро! Это же остаток завещания!

— Естественно.

Я изумленно взглянул на него.

— И вас это не удивляет?

— Нисколько. Я предвидел это.

Взяв у меня листок, Пуаро положил его в чемоданчик. У меня голова шла кругом: что означало это сожженное завещание?.. Кто его уничтожил? Неизвестный, оставивший на полу восковое пятно? Да, это не вызывает сомнений. Но как он проник в комнату?.. Ведь все двери были заперты изнутри.

— Что ж, пойдемте, друг мой,— сказал Пуаро,— я хотел бы задать несколько вопросов экономке. Э-э-э... Доркас. Так ее, кажется, зовут.

Мы перешли в комнату Альфреда Инглторпа, где Пуаро задержался и внимательно все осмотрел. Затем он запер дверь в комнату миссис Инглторп, а когда мы вышли, запер также и дверь в коридор.

Я провел Пуаро в будуар и отправился на поиски Доркас. Возвратившись вместе с ней, я увидел, что будуар пуст.

— Пуаро! — закричал я.— Где вы?

— Я здесь, друг мой.

Он стоял на балконе и восхищенно смотрел вниз на прекрасные цветочные клумбы.

— Какая красота! Вы только взгляните, Хастингс, какая симметрия! Посмотрите на ту клумбу в форме полумесяца или вот на эту, в виде ромба. А как аккуратно и с каким вкусом высажены цветы! Наверное, эти клумбы разбиты недавно.

— Да, кажется, вчера днем. Однако Доркас ждет вас, Пуаро. Идите сюда.

— Иду, друг мой, иду. Дайте мне только еще мгновение насладиться этим совершенством.

— Но время не терпит. К тому же здесь вас ждут дела поважнее.

— Как знать, как знать. Может быть, эти чудные бегонии представляют для нас не меньший интерес.

Я пожал плечами: когда Пуаро вел себя подобным образом, спорить с ним было бесполезно.

— Вы не согласны? Напрасно, всякое бывает... Ладно, давайте поговорим с нашей славной Доркас.

Экономка слушала нас, скрестив руки на груди, ее аккуратно уложенные седые волосы покрывала белоснежная шапочка, и весь облик Доркас являл собой образец идеальной служанки, которую уже редко найдешь в наши дни.

Поначалу в глазах Доркас была некоторая подозрительность, но очень скоро Пуаро сумел завоевать ее расположение. Пододвинув ей стул, мой друг сказал:

— Прошу вас, садитесь, мадемуазель.

— Благодарю вас, сэр.

— Если не ошибаюсь, вы служили у миссис Инглторп много лет?

— Десять лет, сэр.

— О, это немалый срок! Вы были к ней весьма привязаны, не так ли?

— Она была ко мне очень добра, сэр.

— Тогда, думаю, вы согласитесь ответить на несколько моих вопросов. Естественно, я задаю их с полного одобрения мистера Кавендиша.

— Да, сэр, конечно.

— Тогда начнем с того, что произошло вчера днём. Кажется, здесь был какой-то скандал?

— Да, сэр. Однако не знаю, есть ли у меня право...— Доркас запнулась.

— Милая Доркас, мне совершенно необходимо знать, что произошло, причем в мельчайших подробностях. И не думайте, что вы выдаете секреты вашей хозяйки: она мертва, и никто уже не вернет ее к жизни. С другой стороны, если в этой смерти кто-то виноват, то наш долг привлечь преступника к суду. Но для этого мне надо знать все!

— И да поможет вам господь! — торжественно добавила Доркас.— Хорошо. Не называя никого по имени, я скажу, что среди обитателей усадьбы есть человек, которого мы все ненавидим. Будь проклят тот день, когда он переступил порог нашего дома!

Пуаро выждал, пока негодование Доркас стихнет, и спокойно сказал:

— Но вернемся ко вчерашней ссоре, Доркас. С чего все началось?

— Видите ли, сэр, я совершенно случайно проходила в этот момент через холл...

— Во сколько это было?

— Точно не скажу, сэр, часа в четыре или чуть

позже, во всяком случае, до чая было еще далеко. И вот, значит, я проходила через холл, как вдруг услыхала крики из-за двери. Я не собиралась, конечно, подслушивать, но как-то само собой получилось, что я задержалась. Дверь была закрыта, однако хозяйка говорила так громко, что я слышала каждое слово. Она крикнула: «Ты лгал, бессовестно лгал мне!» Я не разобрала, что ответил мистер Инглторп, он говорил гораздо тише хозяйки, но ее слова я слышала отчетливо: «Да как ты мог? Я отдала тебе свой дом, кормила тебя, одевала, всем, что у тебя есть, ты обязан только мне! И вот она, благодарность! Это же позор и бесчестье для всей семьи!» Я снова не расслышала, что он сказал, а хозяйка продолжала: «Меня не интересует, что ты скажешь. Все решено, и ничто, даже страх перед публичным скандалом, не остановит меня!» Мне показалось, что они подошли к двери, и я выбежала из холла.

— Вы уверены, что это был голос Инглторпа?

— Конечно, сэр, чей же еще?

— Ладно. Что было дальше?

— Позже я еще раз зашла в холл, но все было тихо. В пять часов я услышала звон колокольчика, и хозяйка попросила принести ей чай, только чай, без всякой еды. Миссис Инглторп была ужасно бледна. «Доркас,— сказала она,— у меня большие неприятности».— «Мне больно это слышать, мадам,— ответила я.— Надеюсь, после чашки хорошего чая вам станет получше». Она что-то держала в руке, я не разглядела, письмо это или просто листок бумаги. Но там было что-то написано, и хозяйка все время рассматривала его, словно не могла поверить собственным глазам. Позабыв, что я рядом, она прошептала: «Всего несколько слов, а перевернули всю мою жизнь». Затем она посмотрела на меня и добавила: «Доркас, никогда не доверяйте мужчинам, они не стоят этого». Я побежала за чаем, а когда вернулась, миссис Инглторп сказала, что после хорошего крепкого чая наверняка будет чувствовать себя получше. «Не знаю, что и делать,— добавила она.— Скандал между мужем и женой — это всегда позор. Может быть, попробовать все замять...» Она замолчала, потому что в этот момент в комнату вошла миссис Кавендиш.

— Хозяйка по-прежнему держала этот листок?

— Да, сэр.

— Как вы думаете, что она собиралась с ним делать?

— Право, не знаю, сэр. Возможно, она положила его в свою розовую папку.

— Что, она обычно хранила там важные бумаги?

— Да, каждое утро она спускалась к завтраку с этой папкой и вечером уносила ее с собой.

— Когда был потерян ключ от папки?

— Вчера, до обеда или сразу после. Хозяйка была очень расстроена и просила меня обязательно найти его.

— Но у нее же был дубликат?

— Да, сэр.

Доркас удивленно уставилась на Пуаро. Пуаро улыбнулся.

— Нечего удивляться, Доркас, это моя работа — знать то, чего не знают другие. Вы искали этот ключ? — И Пуаро достал из кармана ключ, который он вынул из замка розовой папки. Доркас была крайне поражена.

— Да, сэр! Но где вы его нашли? Я же обыскала весь дом?

— В том-то и дело, что вчера ключ был совсем не там, где я нашел его сегодня. Ладно, перейдем теперь к другому вопросу. Скажите, имелось ли в гардеробе хозяйки темно-зеленое платье?

Доркас была удивлена неожиданным вопросом.

— Нет, сэр.

— Вы уверены?

— Да, сэр, вполне.

— А у кого в доме есть зеленое платье?

Доркас немного подумала.

— У мисс Цинции есть зеленое вечернее платье.

— Темно-зеленое?

— Нет, сэр, светло-зеленое.

— Нет, это не то... И что же, больше ни у кого в доме нет зеленого платья?

— Насколько я знаю, нет, сэр.

По лицу Пуаро нельзя было понять, огорчил его ответ Доркас или, наоборот, обрадовал.

— Ладно, оставим это и двинемся дальше. Есть ли у вас основания предполагать, что миссис Инглторп принимала вчера снотворное?

— Нет, вчера она не принимала, я точно знаю, сэр.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Потому что снотворное у нее кончилось. Два дня назад она приняла последний порошок.

— Вы это точно знаете?

— Да, сэр.

— Что ж, ситуация проясняется. Кстати, хозяйка не просила вас вчера подписать какую-нибудь бумагу?

— Подписать бумагу? Нет, сэр.

— Мистер Хастингс утверждает, что, когда он возвращался вчера домой, миссис Инглторп писала какие-то письма. Может быть, вы знаете, кому они были адресованы?

— Не знаю, сэр. Меня здесь вчера вечером не было. Возможно, Анни знает. Хотя она так небрежно ко всему относится! Вчера вот даже забыла убрать кофейные чашки. Стоит мне ненадолго отлучиться, как все в доме начинает идти шиворот-навыворот.

Нетерпеливым жестом Пуаро остановил излияния Доркас.

— Пожалуйста, не убирайте ничего, пока я не осмотрю чашки.

— Хорошо, сэр.

— Когда вы вчера ушли из дома?

— Около шести, сэр.

— Спасибо, Доркас, это все, что я хотел спросить у вас.

Он встал и подошел к окну.

— Эти прекрасные клумбы восхищают меня! Сколько у вас, интересно, садовников?

— Только трое, сэр. Вот когда-то, до войны, у нас было пять. В то время эту усадьбу еще содержали так, как подобает месту, в котором живут джентльмены. Здесь действительно было чем похвастаться, жаль, что вы не приехали к нам тогда. А что теперь? Теперь у нас остались только старый Манинг, мальчишка Вильям и еще эта новая садовница — ходит, знаете, вся расфуфыренная, бриджи и все такое. Господи, что за времена настали!

— Ничего, Доркас, когда-нибудь опять придут старые добрые времена, по крайней мере, я надеюсь на это. А теперь пришлите мне, пожалуйста, Анни.

— Да, сэр. Благодарю вас, сэр.

Я сгорал от любопытства и, как только Доркас вышла, сразу воскликнул:

— Как вы узнали, что миссис Инглторп принимала снотворное? И что это за история с ключом и дубликатом?

— Не все сразу, друг мой. Что касается снотворного, то взгляните на это...— и Пуаро показал мне небольшую коробку, в которой обычно продаются порошки.

— Где вы ее взяли?

— В шкафчике над умывальником. Это как раз и был номер шесть.

— Думается мне, что это не очень ценная находка, так как последний порошок был принят два дня назад.

— Возможно, однако вам тут ничего не кажется странным?

Я тщательно осмотрел «номер шесть».

— Да нет, коробка как коробка.

— Взгляните на этикетку.

Я старательно прочел ее вслух: «Принимать по назначению врача. Один порошок перед сном. Миссис Инглторп». Все как полагается!

— Нет, друг мой, полагается еще имя аптекаря.

— Гм, это действительно странно.

— Вы видели когда-нибудь, чтобы аптекарь продавал лекарство и не указывал при этом свою фамилию?

— Нет.

Я был заинтригован, но Пуаро быстро охладил мой пыл, бросив небрежно:

— Успокойтесь, этот забавный факт объясняется очень просто.

Послышались шаги, возвещавшие приход Анни, и я не успел достойно возразить своему другу.

Анни была красивой, рослой девушкой. Я сразу заметил в ее глазах испуг, смешанный, однако, с каким-то радостным возбуждением.

Пуаро тотчас приступил к делу.

— Я послал за вами, так как надеялся, что вы что-нибудь знаете о письмах, которые вчера вечером писала миссис Инглторп. Может быть, вы помните, сколько их было и кому они предназначались?

Немного подумав, Анни сказала:

— Было четыре письма, сэр. Одно для мисс Ховард, другое для нотариуса Уэллса, а про оставшиеся два я не помню, хотя, одну минуту... Да, третье письмо было адресовано Россу в Тэдминстер, он нам поставлял продукты. А вот кому было четвертое письмо — хоть убейте, не помню.

— Постарайтесь вспомнить, Анни.

Девушка наморщила лоб и попыталась сосредоточиться.

— Нет, сэр. Я, кажется, и не успела рассмотреть адрес на последнем письме.

— Ладно, не расстраивайтесь. Это не имеет большого значения,— сказал Пуаро, и в его голосе я не заметил ни тени разочарования.— Теперь я хочу вас спросить по поводу ковшика с какао, который стоял в комнате миссис Инглторп. Она пила какао каждый вечер?

— Да, сэр, какао ей подавалось ежедневно, и хозяйка сама его подогревала ночью, когда хотела пить.

— Это было обычное какао?

— Да, сэр, обыкновенное — молоко, ложка сахара и две ложки рома.

— Кто приносил какао в ее комнату?

— Я, сэр.

— Всегда?

— Да, сэр.

— В какое время?

— Обычно когда я поднималась наверх, чтобы задернуть шторы.

— Вы брали какао на кухне?

— Нет, сэр. Кухарка заранее делала какао. Я ставила какао на столик возле двери и после ужина относила его хозяйке.

— Вы имеете в виду дверь в левом крыле?

— Да, сэр.

— А столик находится с этой стороны двери или в коридоре, на половине прислуги?

— С этой стороны, сэр.

— Когда вы вчера поставили какао на столик?

— Примерно в четверть восьмого, сэр.

— А когда отнесли его наверх?

— Около восьми. Миссис Инглторп легла в кровать еще до того, как я успела задернуть все шторы.

— Таким образом, с четверти восьмого до восьми чашка стояла на столике возле двери?

— Да, сэр,— Анни сильно покраснела и неожиданно выпалила: — А если там была соль, то извините — это не моя вина. Я никогда не ставлю соль даже рядом с подносом.

— С чего вы взяли, что там была соль?

— Я видела ее на подносе.

— На подносе была рассыпана соль?

— Да, сэр, такая крупная, грубого помола. Я ее не видела, когда забирала поднос с кухни, но когда понесла его наверх, сразу заметила соль и даже хотела вернуться, чтобы кухарка сварила новое какао, но я очень торопилась, Доркас же куда-то ушла. Вот я и решила, что само какао в порядке, а соль попала только на поднос. Поэтому я смахнула ее передником и отнесла какао хозяйке.

С большим трудом мне удавалось сдерживать свое волнение: ведь сама того не подозревая, Анни сообщила нам ценнейшие сведения. Хотел бы я на нее посмотреть, если бы она узнала, что «соль грубого помола» была на самом деле стрихнином, одним из самых страшных ядов, известных людям! Я восхищался самообладанием Пуаро, ну и выдержка у моего друга! Я с нетерепением ожидал, какой же будет следующий вопрос, но он разочаровал меня: «Когда вы зашли в комнату миссис Инглторп, дверь в комнату мисс Цинции была заперта на засов?»

— Да, сэр, как обычно. Ее ведь никогда не открывают.

— А дверь в комнату мистера Инглторпа? Вы уверены, что и она была заперта на засов?

Анни задумалась.

— Не могу точно сказать, сэр. Она была заперта, но на засов или на ключ — этого я не помню.

— Когда вы вышли из комнаты, миссис Инглторп закрыла дверь на засов?

— Нет, сэр, но потом, наверное, закрыла — обычно на ночь она запирала дверь в коридор.

— Когда вы вчера убирали комнату, на ковре было большое восковое пятно?

— Нет, сэр. Да в комнате и не было никаких свечей; миссис Инглторп пользовалась лампой.

— Вы хотите сказать, что, если бы на полу было большое восковое пятно, вы бы его обязательно заметили?

— Да, сэр. Я бы непременно его удалила, прогладив горячим утюгом через промокательную бумагу.

Затем Пуаро задал Анни тот же вопрос, что и Доркас: «У вашей хозяйки имелось зеленое платье?»

— Нет, сэр.

— Может быть, какая-нибудь накидка, или плащ, или... э-э... как это у вас называется... куртка?

— Нет, сэр. Ничего зеленого у нее не было.

— А у кого из обитателей дома было?

— Ни у кого, сэр,— ответила Анни, немного подумав.

— Вы уверены в этом?

— Да, вполне, сэр.

— Хорошо. Это все, что я хотел узнать. Весьма вам признателен.

Анни поклонилась и с каким-то странным нервным смешком вышла из комнаты. Мое ликование вырвалось наконец наружу:

— Пуаро, поздравляю! Это меняет все дело!

— Что вы имеете в виду, Хастингс?

— Как это что? То, что яд был не в кофе, а в какао! Теперь ясно, почему яд подействовал так поздно: ведь миссис Инглторп пила какао уже под утро.

— Итак, Хастингс, вы считаете, что в какао — будьте внимательны! — в какао содержался стрихнин?

— Без сомнения! Что же, по-вашему, если не стрихнин, было рассыпано на подносе?

— Это могла быть обычная соль,— спокойно ответил Пуаро.

Я пожал плечами. Когда Пуаро говорил в таком тоне, спорить с ним было бесполезно. Уже не в первый раз я подумал о том, что мой друг, увы, стареет. Какое счастье, что рядом с ним находится человек, способный трезво оценивать факты!

Пуаро лукаво взглянул на меня.

— Хастингс, вы считаете, что я не прав?

— Дорогой Пуаро,— сказал я довольно холодно,— не мне вас учить. Вы имеете право думать все, что вам угодно. Равно как и я.

— Прекрасно сказано, Хастингс! — воскликнул Пуаро, вставая.— В этой комнате нам делать больше нечего. Кстати, чье это бюро в углу?

— Мистера Инглторпа.

— Ах, вот как! — Он подергал верхнюю крышку.— Закрыто. Может быть, подойдет какой-нибудь ключ из связки?

После нескольких безуспешных попыток открыть бюро Пуаро торжествующе воскликнул:

— Подходит! Этот ключ, конечно, не отсюда, но он все-таки подходит.

Крышка легко скользнула вверх, но Пуаро, бегло взглянув на аккуратные стопки бумаг, сразу закрыл бюро и задумчиво пробормотал:

— А он любит порядок, этот мистер Инглторп.

Я знал, что в устах Пуаро это был самый большой комплимент. «Он даже не посмотрел бумаги,— подумал я.— Да, это, безусловно, старость». Следующие слова Пуаро только подтвердили мои грустные мысли:

— В бюро не было почтовых марок, но они могли там быть. Как вы думаете, друг мой, они же могли там быть, правда? — Он еще раз обвел глазами будуар: — Больше здесь делать нечего. Да, немного нам дала эта комната. Только вот это.— Он вынул из кармана смятый конверт и протянул его мне. Это был довольно странный документ. Старый, грязный конверт, на котором было криво нацарапано несколько слов. Вот как он выглядел.

— Где это вы нашли? — спросил я, сгорая от любопытства.

— В корзине для бумаг. Вы узнаете почерк?

— Да, это рука миссис Инглторп. Но что все это значит?

— Пока точно не знаю, но у меня есть одно предположение.

Неожиданно мне в голову пришло оригинальное объяснение — а вдруг миссис Инглторп была не в своем уме? Вдруг ее преследовали фантастические видения и она верила, что ее близкие или даже она сама обладают возможностью общаться с потусторонним миром? А ес-

ли это так, то вполне можно допустить, что она могла добровольно уйти из этого мира. Слова Пуаро прервали ход моих мыслей. Как раз в тот момент, когда я уже собирался поделиться с ним своей догадкой, он сказал:

— Пойдемте, друг мой, надо осмотреть кофейные чашки.

— Господи, Пуаро, на что они нам сдались, если установлено, что яд был подмешан в какао?

— Ох уж это злополучное какао!

Он рассмеялся и шутливо воздел руки к небу. Раньше я не замечал за моим другом склонности к подобному фиглярству.

— Раз миссис Инглторп взяла свой кофе наверх,— сказал я раздраженно,— то непонятно, что вы ожидаете найти в этих чашках? Может быть, пакетик стрихнина, услужливо оставленный на подносе.

— Полноте, друг мой. Не надо дуться. Дайте мне удовлетворить мое любопытство и посмотреть кофейные чашки, а я обязуюсь впредь уважать ваши интересы, связанные с какао. По рукам?

Все это прозвучало в устах Пуаро настолько забавно, что я невольно рассмеялся. Мы направились в гостиную, где на подносе увидели неубранные вчерашние чашки.

Пуаро попросил меня подробно описать, что происходило накануне в этой комнате, и педантично проверил местоположение всех чашек.

— Значит, миссис Кавендиш стояла около подноса и разливала. Так. Потом она подошла к окну и села рядом с мадемуазель Цинцией. Так. Вот эти три чашки. А из той чашки на камине, должно быть, пил мистер Лоуренс Кавендиш. Там даже еще остался кофе. А чья чашка стоит на подносе?

— Джона Кавендиша. Я видел, как он ее сюда поставил.

— Хорошо. Вот все пять чашек, а где же чашка мистера Инглторпа?

— Он не пил кофе.

— В таком случае кое-что становится понятным. Одну минутку, Хастингс.— И он аккуратно налил из каждой чашки по несколько капель в пробирки. Выражение его лица было несколько странным: с одной стороны, мой друг освободился от каких-то подозрений, а с другой — был явно чем-то озадачен.

— Да, да, именно так,— наконец произнес Пуаро,— безусловно, я ошибался, да, все именно так и происходило... Однако это весьма забавно... Ладно, разберемся.

И в одно мгновение он словно выбросил из головы все, что его смущало. Ох, как мне хотелось в эту минуту сказать, что все произошло точь-в-точь как я ему подсказывал, и что нечего было суетиться вокруг этих чашек, все и так ясно. Однако я сдержался: грешно смеяться над стареющей знаменитостью, ведь он действительно был когда-то совсем неплох и пользовался заслуженной славой.

— Завтрак готов,— сказал Джон Кавендиш, входя в холл,— вы с нами позавтракаете, месье Пуаро?

Пуаро согласился, хотя без энтузиазма. Я взглянул на Джона. Видимо, вчерашнее событие ненадолго выбило его из колеи, и он уже успел обрести свою обычную невозмутимость. В отличие от своего брата Джон не страдал излишней возбудимостью.

С самого утра он был весь в делах — не слишком веселых, но неизбежных для всякого, кто потерял близкого человека, давал объявления в газеты, улаживал необходимые формальности и рассылал телеграммы, причем одна из первых была адресована Эвелин Ховард.

— Я хотел бы узнать, как продвигаются ваши дела,— спросил Джон,— расследование подтвердило, что моя мать умерла естественной смертью или... или мы должны быть готовы к худшему?

— Мистер Кавендиш,— печально ответил Пуаро,— боюсь, что вам не следует себя слишком обнадеживать. А что думают по этому поводу другие члены семьи?

— Мой брат Лоуренс уверен, что мы попусту тратим время. Он утверждает, что это был обычный сердечный приступ.

— Вот как, он действительно так считает? Это очень интересно,— пробормотал Пуаро.— А что говорит миссис Кавендиш?

Джон нахмурился.

— Не имею понятия, что думает об этом моя жена.

Вслед за этим наступило долгое неестественное молчание, которое Джон попытался разрядить, спросив: «Не помню, говорил ли я вам, что приехал мистер Инглторп?»

Пуаро кивнул:

— Это создало очень неприятную ситуацию. Мы, конечно, должны вести себя с ним как обычно, но, черт возьми, нам придется сидеть за одним столом с предполагаемым убийцей, всех просто тошнит от этого.

Пуаро понимающе покивал головой.

— Да, я вам сочувствую, мистер Кавендиш, ситуация не из приятных. Но все-таки я хочу задать один вопрос. Мистер Инглторп объяснил свое решение остаться ночевать в деревне тем, что забыл ключ от входной двери, не так ли?

— Да.

— Надеюсь, вы проверили, что он действительно забыл его?

— Н-нет... мне это не пришло в голову. Ключ обычно лежит в шкафчике в холле. Сейчас я сбегаю и посмотрю, на месте ли он.

Пуаро взял его за руку и улыбнулся.

— Поздно, сейчас ключ наверняка там. Даже если у мистера Инглторпа и был с собой ключ, я уверен, что он уже положил его на место.

— Вы так думаете...

— Я ничего не думаю, просто если бы кто-то до его прихода потрудился проверить, что ключ действительно на месте, это было бы сильным аргументом в пользу мистера Инглторпа. Вот и все.

Джон был совершенно сбит с толку.

— Не беспокойтесь,— мягко сказал Пуаро,— мы можем обойтись и без этого. И вообще, раз уж вы меня пригласили, пойдемте лучше завтракать.

В столовой собрались все обитатели дома. При сложившихся обстоятельствах мы, конечно, представляли из себя не слишком веселое общество. Люди всегда мучительно переживают подобные события. Естественно, правила приличия требовали, чтобы внешне все выглядело, как всегда, благопристойно, но я несколько раз спрашивал себя: «Так ли уж трудно собравшимся сохранять спокойствие?» Что-то не видно было ни заплаканных глаз, ни особо тяжелых вздохов. Да, видимо, я был прав, сильнее всех переживает кончину миссис Инглторп ее служанка Доркас.

Когда я проходил мимо Альфреда Иглторпа, меня вновь охватило чувство омерзения от того лицемерия, с которым он разыгрывал из себя безутешного вдовца.

Интересно, знал ли Инглторп, что мы его подозреваем? Он, конечно, должен был догадаться, даже если бы мы скрывали свои чувства более тщательно. Что же испытывал этот человек?.. Тайный страх перед разоблачением или уверенность в собственной безнаказанности? Во всяком случае, витавшая в воздухе подозрительность должна была его насторожить.

Однако все ли подозревали мистера Инглторпа? Например, миссис Кавендиш? Я взглянул на Мэри — она сидела во главе стола, как всегда, величественная, спокойная и таинственная. В этом нежно-сером платье с белыми оборками, наполовину прикрывавшими ее тонкие кисти, она была удивительно красива. Но стоило ей только захотеть, и ее лицо становилось загадочным и непроницаемым, как у древнего сфинкса. За весь завтрак Мэри произнесла лишь несколько слов, однако чувствовалось, что одним своим присутствием она подавляет собравшихся.

А юная Цинция? Подозревает ли она Альфреда? Девушка выглядела очень усталой и болезненной, ее слабость сразу бросалась в глаза. Я спросил мисс Мердок, не заболела ли она.

— Да, возможно, у меня страшная головная боль,— откровенно призналась Цинция.

— Может быть, налить вам еще чашечку кофе, мадемуазель,— галантно предложил Пуаро.— Он вернет вас к жизни. Нет лучшего средства от головной боли, чем чашечка хорошего кофе.

Он встал, взял ее чашку и потянулся за сахарными щипцами.

— Не надо, я пью без сахара.

— Без сахара? Это что, тоже режим военного времени?

— Что вы, я и раньше не пила кофе с сахаром.

— Черт побери,— тихо пробормотал Пуаро, наполняя чашечку Цинции.

Никто больше не слышал этих слов моего друга: он старался не выдать своего волнения, но я заметил, что его глаза, как обычно в такие минуты, сделались зелеными, словно у кошки. Несомненно, он увидел или услышал что-то экстраординарное, но что же?

Обычно мне трудно отказать в сообразительности, но признаюсь, что в данном случае я просто терялся в догадках.

В это время в столовую вошла Доркас.

— Сэр, вас хочет видеть мистер Уэллс,— сказала она Джону.

Я вспомнил, что это был тот самый нотариус, которому миссис Инглторп писала накануне вечером. Джон немедленно встал из-за стола и сказал: «Пусть он пройдет ко мне в кабинет», затем, повернувшись к нам с Пуаро, он добавил:

— Это нотариус моей матери и... и местный следователь. Может быть, вы хотите пойти со мной?

Мы вышли из столовой вслед за Джоном. Он шел немного впереди, и я успел шепнуть Пуаро:

— Это означает, что все-таки будет следствие?

Он рассеянно кивнул. Мой друг был всецело погружен в какие-то мысли, что еще больше подстегнуло мое любопытство.

— Что с вами, Пуаро? Вы, кажется, сильно взволнованы?

— Да, меня беспокоит один факт.

— Какой же?

— Мне очень не нравится, что мадемуазель Цинция пьет кофе без сахара.

— Что?! Вы шутите?

— Нисколько. Я более чем серьезен. Что-то здесь не так, и интуиция меня не подвела.

— В чем?

— В том, что я настоял на осмотре кофейных чашек. Но ни слова больше!

Мы зашли в кабинет Джона, и он запер дверь.

Мистер Уэллс был человеком средних лет с приятным лицом и проницательными глазами. Джон представил нас, пояснив, что мы помогаем расследованию.

— Вы, конечно, понимаете, мистер Уэллс, что мы не хотим лишнего шума, так как все еще надеемся избежать следствия.

— Я понимаю,— мягко произнес мистер Уэллс,— и хотел бы избавить вас от неприятностей, связанных с официальным дознанием. Боюсь, однако, что оно стало неизбежным, ведь у нас нет медицинского заключения.

— Увы, я так и думал.

— Какая умница доктор Бауэрстайн, к тому же, говорят, крупнейший токсиколог.

— Да,— сухо подтвердил Джон. Затем он неуверенно спросил:

— Вы думаете, всем нам придется выступать в качестве свидетелей?

— Во всяком случае, вам и э-э... мистеру Инглторпу.

Возникла небольшая пауза, и мистер Уэллс мягко добавил: «Показания остальных свидетелей будут просто небольшой формальностью».

— Да, я понимаю.

Мне показалось, что Джон облегченно вздохнул, что было странно, так как в словах мистера Уэллса я не услышал ничего обнадеживающего.

— Если вы не против,— продолжал юрист,— я хотел бы назначить дознание на пятницу. Мы уже будем знать результаты вскрытия, ведь оно состоится, кажется, сегодня вечером?

— Да.

— Итак, вы не возражаете против пятницы?

— Нет, нисколько.

— Думаю, нет нужды говорить вам, дорогой мистер Кавендиш, как тяжело я сам переживаю эту трагедию.

— В таком случае, месье, я уверен, что вы поможете нам в расследовании.— Это были первые слова, произнесенные Пуаро с момента, как мы зашли в кабинет.

— Я?

— Да, мы слышали, что миссис Инглторп написала вам вчера вечером письмо. Вы должны были его получить сегодня утром.

— Так и есть, но вряд ли оно вам поможет. Это обыкновенная записка, в которой миссис Инглторп просила меня зайти сегодня утром, чтобы посоветоваться по поводу какого-то очень важного дела.

— А она не намекнула, что это за дело?

— К сожалению, нет.

— Жаль, очень жаль,— мрачно согласился Пуаро.

Мой друг о чем-то задумался, и наступила долгая пауза. Наконец он взглянул на нотариуса и сказал:

— Мистер Уэллс, я хотел бы задать вам один вопрос, конечно, если это позволительно с точки зрения профессиональной этики. Словом, кто является наследником миссис Инглторп?

Немного помедлив, мистер Уэллс произнес:

— Это все равно будет скоро официально объявлено, поэтому, если мистер Кавендиш не возражает...

— Нет, нет, я не против...

— ...то я не вижу причин скрывать имя наследника.

Согласно последнему завещанию миссис Кавендиш, датированному августом прошлого года, все состояние, за вычетом небольшой суммы в пользу прислуги, наследуется ее приемным сыном мистером Джоном Кавендишем.

— Не считаете ли вы,— простите мой бестактный вопрос, мистер Кавендиш,— что это несправедливо по отношению к ее другому приемному сыну, мистеру Лоуренсу Кавендишу?

— Не думаю. Видите ли, согласно завещанию их отца, в случае смерти миссис Инглторп Джон наследует всю недвижимость, в то время как Лоуренс получает весьма крупную сумму денег. Зная, что мистер Джон Кавендиш должен будет содержать поместье, миссис Инглторп оставила свое состояние ему. На мой взгляд, это справедливое и мудрое решение.

Пуаро задумчиво кивнул.

— Согласен, но мне кажется, что по вашим английским законам это завещание было автоматически аннулировано, когда миссис Кавендиш вторично вышла замуж и стала зваться миссис Инглторп.

— Да, я как раз собирался сказать, что оно теперь не имеет силы.

— Вот так! — Пуаро на мгновение задумался и спросил: — А миссис Инглторп знала об этом?

— Точно утверждать не могу.

— Зато я могу точно утверждать, что она знала. Только вчера мы обсуждали с ней условия завещания, аннулированного замужеством,— неожиданно произнес Джон.

— Еще один вопрос, мистер Уэллс. Вы говорили о ее последнем завещании. Означает ли это, что до него миссис Инглторп составила еще несколько?

— В среднем каждый год она составляла по крайней мере одно новое завещание,— спокойно ответил мистер Уэллс.— Она часто меняла свои пристрастия и составляла завещания попеременно то в пользу одного, то в пользу другого члена семьи.

— Предположим, что, не ставя вас в известность, она составила завещание в пользу лица, вообще не являющегося членом этой семьи, ну, например, в пользу миссис Ховард. Вас бы это удивило?

— Нисколько.

— Так, так.— Кажется, у Пуаро больше не было вопросов.

Пока Джон обсуждал с юристом что-то по поводу просмотра бумаг покойной, я наклонился к Пуаро и тихо спросил:

— Вы думаете, миссис Инглторп составила новое завещание в пользу мисс Ховард?

Пуаро улыбнулся.

— Нет.

— Тогда зачем же вы спрашивали об этом?

— Тише!

Джон повернулся в нашу сторону.

— Месье Пуаро, мы собираемся немедленно заняться разбором маминых бумаг. Не хотите ли вы присутствовать при этом? Мистер Инглторп поручил это нам, так что его не будет.

— Что значительно облегчает дело,— пробормотал мистер Уэллс.— Хотя формально он, конечно, должен был...— он не закончил фразу, а Джон тем временем сказал Пуаро:

— Прежде всего мы осмотрим письменный стол в будуаре, а затем поднимемся в мамину спальню. Самые важные бумаги она обычно держала в розовой папке, поэтому ее надо просмотреть с особой тщательностью.

— Да,— подтвердил мистер Уэллс,— возможно, там обнаружится завещание более позднее, чем то, которое хранится у меня.

— Там действительно есть более позднее завещание,— произнес Пуаро.

— Что?! — хором воскликнули Джон и мистер Уэллс.

— Точнее, оно там было,— невозмутимо добавил мой друг.

— Что вы имеете в виду? Где оно сейчас?

— Оно сожжено.

— Сожжено?

— Да. Вот, взгляните.— И Пуаро показал им обугившийся клочок бумаги, найденный в камине спальни миссис Инглторп, и в двух словах рассказал, как он попал к нему.

— Но может быть, это старое завещание?

— Не думаю. Более того, я уверен, что оно составлено вчера.

— Что?! Это невозможно,— снова хором воскликнули наши собеседники.

Пуаро повернулся к Джону.

— Если вы позовете садовника, я смогу это доказать.

— Да, конечно, но я не понимаю, при чем тут...

— Сделайте то, что я говорю, а потом я отвечу на все ваши вопросы,— перебил его Пуаро.

— Хорошо.

Он позвонил в колокольчик, и в дверях появилась Доркас.

— Доркас, мне надо поговорить с Манингом, пусть он зайдет сюда.

— Да, сэр,— ответила Доркас и вышла.

Наступила напряженная тишина, один лишь Пуаро сохранял полное спокойствие. Он обнаружил островок пыли на стекле книжного шкафа и рассеянно стирал его.

Вскоре за окном послышался скрип гравия под тяжелыми, подбитыми гвоздями сапогами. Это был Манинг. Джон взглянул на Пуаро, тот кивнул.

— Заходи, Манинг, я хочу с тобой поговорить.

Садовник медленно зашел в комнату и нерешительно остановился у двери. Сняв шапку, он нервно мял ее в руках. Спина у Манинга была очень сгорбленная, и поэтому он выглядел старше, чем был на самом деле, зато умные живые глаза никак не вязались с его неуклюжей речью.

— Манинг, я хочу, чтобы ты ответил на несколько вопросов, которые задаст этот джентльмен.

— Ясно, сэр.

Пуаро шагнул вперед, и садовник смерил его с головы до ног несколько презрительным взглядом.

— Вчера вы сажали бегонии с южной стороны дома, не так ли, Манинг?

— Точно, сэр, еще Вильям мне помогал.
— И миссис Инглторп вас позвала из окна, так?
— Верно, хозяйка нас звала.
— Расскажите, что произошло потом.
— Так ничего особенного не произошло, сэр. Хозяйка первым делом попросила Вильяма, чтобы он сгонял на велосипеде в деревню и купил, знаете, такую форму для завещания, бланк, что ли, не знаю точно, как называется, она все на листке записала.
— И что же?
— Ну он, понятное дело, привез что нужно.
— И что было дальше?
— А дальше, сэр, мы опять занялись бегониями.
— Потом миссис Инглторп позвала вас еще раз? Так?
— Верно, сэр. Хозяйка опять позвала нас с Вильямом.
— Зачем?
— Она велела подняться к ней и дала подписать какую-то длиннющую бумагу, под которой уже стояла ее подпись.
— Вы видели, что там было написано? — резко спросил Пуаро.
— Нет, сэр, на ней промокашка лежала, и ничего было не увидать.
— И вы подписали, где она велела?
— Да, сэр, сперва я, потом Вильям.
— Что она сделала с этой бумагой?
— Положила в большой конверт и засунула его в такую розовую папку, которая лежала у нее на столе.
— Во сколько она вас позвала в первый раз?
— Да где-то около четырех, сэр.
— Может, раньше? Это не могло быть в половине четвертого?
— Нет, сэр, скорее даже после четырех.
— Спасибо, Манинг, можете идти.
Садовник взглянул на своего хозяина, тот кивнул, и Манинг попятился из комнаты.
— Господи,— пробормотал Джон,— что за странное совпадение.
— Какое совпадение?
— Странно, что мама решила составить новое завещание как раз в день смерти!
Мистер Уэллс откашлялся и сухо спросил:

— А вы уверены, что это просто совпадение, мистер Кавендиш?

— Что вы имеете в виду?

— Вы говорили, что вчера днем у вашей матери был крупный скандал с... с одним из обитателей дома.

— Вы хотите сказать...— Джон запнулся на полуслове и страшно побледнел.

— Вследствие этого скандала ваша мать в спешке составляет новое завещание, причем его содержание мы так никогда и не узнаем. Она никому не сообщает об этом. Сегодня она, без сомнения, собиралась проконсультироваться со мной по поводу этого документа... собиралась, но не смогла. Завещание исчезает, и она уносит его тайну в могилу. Мистер Кавендиш, боюсь, что все это мало похоже на цепь случайностей. Месье Пуаро, думаю, вы согласитесь со мной, что все эти факты наводят на определенные мысли.

— Наводят или не наводят,— перебил его Джон,— но надо поблагодарить месье Пуаро за то, что он нам помог. Если бы не он, мы бы не подозревали, что существовало еще одно завещание. Месье Пуаро, позвольте спросить, что натолкнуло вас на эту мысль?

Пуаро улыбнулся и сказал:

— Старый исписанный конверт и засеянная вчера клумба бегоний.

Похоже, Джон был не совсем удовлетворен таким ответом и собирался задать следующий вопрос, но в этот момент послышался звук подъехавшего автомобиля, и мы подошли к окну.

— Эви! — воскликнул Джон.— Простите меня, мистер Уэллс, я сейчас вернусь.— И Джон торопливо выбежал из комнаты.

Пуаро вопросительно взглянул на меня.

— Это мисс Ховард,— пояснил я.

— Чудесно. Я рад, что она вернулась. Эта женщина, Хастингс, обладает двумя редкими качествами — у нее светлая голова и доброе сердце, но, увы, бог не дал ей красоты.

Я вышел в холл и увидел мисс Ховард, пытавшуюся выпутаться из доброй дюжины вуалей, которые покрывали ее лицо. Когда наши глаза встретились, я ощутил острое и мучительное чувство вины, ведь эта женщина предупреждала меня о приближающейся трагедии, а я так легкомысленно отнесся к ее словам. Как быстро я

забыл наш последний разговор! Теперь, когда ее правота подтвердилась, я ощутил и свою долю вины в том, что произошло это страшное событие. Лишь она одна до конца понимала, на что способен Альфред Инглторп. Кто знает, останься мисс Ховард в Стайлз, возможно, Инглторп испугался бы ее всевидящего ока и несчастная миссис Инглторп была бы сейчас жива.

Она пожала мне руку (как хорошо я помню это сильное мужское рукопожатие!), и у меня немного отлегло от сердца. Ее опухшие от слез глаза были печальны, но они не смотрели на меня укоризненно. Нет, мисс Ховард говорила в своей обычной грубоватой и немного резкой манере.

— Выехала, как только получила телеграмму. Как раз вернулась с ночной смены. Наняла автомобиль. Быстрее сюда не доберешься.

— Вы что-нибудь ели сегодня? — спросил Джон.

— Нет.

— Так я и думал. Пойдемте в столовую, завтрак еще не убрали, вас накормят и принесут свежий чай.

Он повернулся ко мне.

— Хастингс, пожалуйста, позаботьтесь о ней. Меня ждет Уэллс... А, вот и месье Пуаро. Знаете, Эви, он помогает нам в этом деле.

Мисс Ховард обменялась с Пуаро рукопожатием, но подозрительно спросила у Джона:

— Что значит «помогает»?

— Месье Пуаро помогает нам разобраться в том, что произошло.

— Нечего тут разбираться! Его разве еще не упекли в тюрьму?

— Кого?

— То есть как кого? Альфреда Инглторпа?

— Милая Эви, не надо торопить события. Лоуренс, например, уверен, что мама умерла от сердечного приступа.

— Ну и дурень! Нет никакого сомнения, что бедная Эмили была отравлена Альфредом. Я вас давно об этом предупреждала!

— Эви, ну не надо так кричать. Что бы мы ни предполагали, лучше пока об этом не говорить вслух. Дознание назначено на пятницу, и до этого...

— Какой вздор! — взвизгнула мисс Ховард. — Вы тут все с ума посходили! До пятницы Инглторп преспо-

койно улизнет из Англии. Он же не идиот, чтобы сидеть и дожидаться, пока его повесят!

Джон Кавендиш беспомощно посмотрел на Эви.

— Знаю я, в чем дело,— воскликнула она,— вы больше докторов слушайте! Что они понимают? Ни черта! То есть ровно столько, чтобы их стоило опасаться. Уж я-то знаю: мой собственный отец был врачом. Большего болвана, чем этот коротышка Уилкинс, я в жизни не видывала! Сердечный приступ! Да он же больше ничего и не знает! А любому, у кого на плечах голова, а не репа, сразу ясно — Эмили отравил ее муженек. Я же всегда говорила, что он ее, бедняжку, прикончит прямо в постели. Так и произошло. И даже теперь вы несете какую-то околесицу. Сердечный приступ! Следствие, назначенное на пятницу! Стыдно, Джон Кавендиш, стыдно!

— А что я, по-вашему, должен делать? Я же не могу отвести его за шиворот в полицию,— сказал Джон и чуть заметно улыбнулся.

— Надо все-таки что-то предпринять. Выясните, как он ее отравил. Этот Инглторп — хитрая бестия. Всякое мог придумать. Узнайте у кухарки, не пропало ли что-нибудь с кухни.

Я подумал, что Джону сейчас не позавидуешь: приютить под одной крышей Альфреда и Эви да еще сохранить при этом мир в доме — такое под силу не каждому. По лицу Джона было видно, что и он это прекрасно понимает.

Доркас внесла свежий чай. Пуаро, который на протяжении всего разговора стоял в дверях, дождался, пока она вышла в сад, и сел напротив мисс Ховард.

— Мадемуазель,— печально начал Пуаро,— я хотел бы вас кое о чем спросить.

— Спрашивайте,— ответила Эви довольно сухо.

— Я очень надеюсь на вашу помощь.

— Я сделаю все, что смогу, чтобы «милого Альфреда» отправили на виселицу,— сказала она резко.— Это для него даже слишком большая честь. Таких надо топить или четвертовать, как в добрые старые времена.

— Значит, мы заодно. Я тоже хочу повесить убийцу.

— Альфреда Инглторпа?

— Его или кого-то другого.

— Какого еще другого? Бедная Эмили была бы сейчас жива, не появись он в этом доме. Ее окружали аку-

лы. Но они интересовались только ее кошельком. Жизнь Эмили была вне опасности. Но появляется мистер Инглторп, и вот, пожалуйста, не проходит и двух месяцев, как она мертва!

— Поверьте, мисс Ховард,— твердо сказал Пуаро,— если мистер Инглторп убийца, то он не ускользнет от меня. Уж кто-кто, а я-то обеспечу ему виселицу не ниже, чем у Амана *.

— Так-то лучше,— сказала Эви, несколько успокоившись.

— Но я хочу, чтобы вы мне доверяли. Ваше содействие для меня просто незаменимо. И я скажу почему: во всем этом доме, погруженном в траур, только один человек искренне оплакивает усопшую. Это вы!

Мисс Ховард опустила глаза, и в ее голосе появились новые нотки.

— Вы хотите сказать, что я ее любила? Да, это так. Знаете, Эмили была большая эгоистка. Она, конечно, делала людям много добра. Но не бескорыстно: всегда требовала благодарность. Она никому не позволяла забывать, как его облагодетельствовала. Поэтому ее не очень любили. Но, кажется, она этого не чувствовала. Со мной — другое дело. Я с самого начала все поставила на свои места. Вы мне платите столько-то фунтов в неделю, и все. Никаких подарков мне не надо — ни перчаток, ни театральных билетов. Она это не понимала. Даже иногда обижалась. Говорила, что я слишком горда. Я ей пыталась объяснить, но без толку. Зато совесть моя была чиста. Думаю, из всего ее окружения привязана к Эмили была только я. Присматривала за ней, сохраняла ее деньги. Но вот появляется этот бойкий проходимец, и в одно мгновение все мои многолетние старания оказываются напрасными.

Пуаро сочувственно кивнул.

— Мадемуазель, я прекрасно понимаю ваши чувства, но вы напрасно думаете, что мы лениво топчемся на месте. Уверяю, что это не так.

В этот момент появился Джон и, сообщив, что осмотр бумаг в будуаре закончен, пригласил меня с Пуаро в комнату миссис Инглторп.

---

* Согласно Библии, Аман, визирь персидского царя Артаксеркса, готовил заговор против своего повелителя. Царь, предупрежденный женой Эсфирью, разоблачил Амана и построил для него виселицу высотой в 50 локтей.

Поднимаясь по лестнице, он оглянулся и тихо сказал:
— Даже не представляю, что произойдет, когда они встретятся.
Я беспомощно развел руками.
— Я просил Мэри, чтобы она постаралась держать их подальше друг от друга.
— Но как это сделать?
— Не знаю. В одном лишь я уверен — Инглторп не испытывает особого желания показываться ей на глаза.
Когда мы подошли к дверям комнаты миссис Инглторп, я спросил:
— Пуаро, ключи все еще у вас?
Взяв у него ключи, Джон открыл дверь, и мы зашли в комнату. Мистер Уэллс и Джон сразу направились к письменному столу.
— Обычно мама держала самые важные бумаги в этой папке,— сказал Джон.
Пуаро вынул небольшую связку ключей.
— Разрешите мне. Утром я ее на всякий случай закрыл на замок.
— Но она открыта!
— Не может быть!
— Взгляните,— и Джон раскрыл папку.
— Черт побери! — воскликнул пораженный Пуаро.— Как это случилось? Ведь оба ключа у меня!
Он наклонился и начал рассматривать замок. Вдруг снова воскликнул:
— Ну и дела! Даже замок взломали!
— Что!?
Пуаро показал нам сломанный замок.
— Но кто это сделал? Зачем? Когда? Дверь же была закрыта! — выпалили мы, перебивая друг друга.
Пуаро уверенно и спокойно ответил нам:
— Кто? Пока неизвестно. Зачем? Я тоже хотел бы это знать! Когда? После того как я покинул эту комнату час назад. Что касается закрытой двери, то и это не проблема: к такому незамысловатому замку подходит, наверное, ключ от любой двери в коридоре.
Мы тупо уставились друг на друга. Пуаро подошел к камину и стал машинально выравнивать стоявшие на нем безделушки. Внешне он был совершенно спокоен, но я-то сразу заметил, как у него дрожали руки.
— Слушайте,— произнес он наконец,— вот как это произошло: в папке находилась какая-то улика, воз-

можно, совсем незначительная, но достаточная, чтобы навести нас на след преступника. Для него было чрезвычайно важно успеть уничтожить эту улику до того, как мы ее обнаружим. Поэтому он пошел на огромный риск и проник в комнату. Обнаружив, что папка заперта, преступник вынужден был взломать замок, тем самым выдав свой приход. Он сильно рисковал, следовательно, улика казалась убийце очень важной.

— Но что это было?

— Откуда я знаю! — раздраженно воскликнул Пуаро.— Без сомнения, какой-то документ. Может быть, листок, который Доркас видела в руках у миссис Инглторп. Но я-то хорош! — с бешенством прокричал Пуаро.— Старый кретин! Ни о чем не подозревал! Как последний идиот, оставил папку здесь вместо того, чтобы забрать ее с собой! И вот результат — документ украден и уничтожен... хотя, может быть, у нас пока есть шанс.. вдруг документ еще цел? Надо перерыть весь дом!

Словно безумный, мой друг выскочил из комнаты. Я был слишком потрясен случившимся, и прошло несколько секунд, пока я пришел в себя и бросился вслед за Пуаро, но он уже исчез. На площадке, от которой лестница разветвлялась на две, стояла миссис Кавендиш и удивленно смотрела вниз.

— Что стряслось с вашим другом, мистер Хастингс? Он пронесся мимо меня, как сумасшедший.

— Он чем-то сильно взволнован,— ответил я уклончиво, поскольку не знал, до какой степени можно было посвящать Мэри в наши дела.

Заметив легкую усмешку на устах миссис Кавендиш, я попытался перевести разговор на другую тему.

— Они еще не видели друг друга?

— Кто?

— Мистер Инглторп и мисс Ховард.

Мэри на секунду задумалась и сказала:

— А так ли уж плохо, если они встретятся?

Я даже опешил.

— Конечно! Неужели вы сомневаетесь в этом?

Она спокойно улыбнулась.

— А я бы не прочь устроить небольшой скандал. Это разрядит атмосферу. Пока что мы слишком много думаем и слишком мало говорим вслух.

— Джон считает иначе. Он хотел бы избежать стычки.

— Так ведь это Джон!

Мне не понравилось, как она это сказала, и я запальчиво воскликнул:

— Джон очень разумный и хороший человек!

Мэри с любопытством посмотрела на меня.

— Вы мне нравитесь, Хастингс: вы настоящий друг.

— И вы мой настоящий друг!

— Нет, я плохой друг.

— Не говорите так, Мэри.

— Но это правда. Сегодня я влюблена в своих друзей, завтра я о них забываю.

Меня больно задели ее слова, и неожиданно для самого себя я довольно бестактно возразил:

— Однако ваше отношение к доктору Бауэрстайну отличается завидным постоянством.

И сразу же пожалел о сказанном. Лицо Мэри сделалось непроницаемым, словно какая-то завеса скрыла живые черты женщины. Она молча повернулась и быстро пошла наверх.

Снизу послышался шум. Это Пуаро, бегая из комнаты в комнату, громко объяснял каждому встречному, что он разыскивает.

«Выходит, моя осторожность в разговоре с Мэри была излишней,— подумал я раздраженно.— Пуаро поднял на ноги весь дом, и это, на мой взгляд, было не самым разумным решением. Что делать, мой друг в минуты волнения совершенно теряет голову!» Я быстро спустился вниз. Едва увидев меня, Пуаро мгновенно успокоился. Отведя его в сторону, я сказал:

— Пуаро, дорогой, что вы творите? Весь дом в курсе ваших дел, а следовательно, и убийца тоже!

— Вы считаете, что я не прав?

— Я уверен в этом.

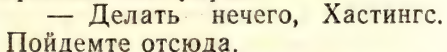
— Что ж, друг мой, впредь присматривайте за мной, чтобы я не наделал чего-нибудь лишнего.

— Ладно. Но боюсь, что сегодня я уже опоздал.

— Увы, это так.

Пуаро выглядел таким смущенным и пристыженным, что мне даже стало его жаль, но я все равно считал, что он заслужил мой справедливый упрек.

— Делать нечего, Хастингс. Пойдемте отсюда.

— Вы уже осмотрели все, что хотели?

— На данный момент да. Вы проводите меня до деревни?

— С удовольствием.

Он взял свой чемоданчик, и мы вышли из дома через открытую дверь в гостиной. Навстречу шла Цинция, и Пуаро, галантно уступив ей дорогу, обратился к девушке:

— Простите, мадемуазель, можно вас на минуту?

— Да, конечно,— ответила она немного удивленно.

— Скажите, вы когда-нибудь изготовляли лекарства для миссис Инглторп?

Цинция слегка покраснела.

— Нет.

В ее голосе чувствовалась какая-то скованность.

— Значит, вы делали для нее только порошки?

— Ах, да! Однажды я действительно приготовила снотворное для тети Эмили.

— Это?

И Пуаро показал ей пустую коробку из-под порошков.

Девушка кивнула.

— Не могли бы вы сказать, что здесь было? Сульфонал? Или, может быть, веронал?

— Нет, обычный бромид.

— Спасибо, мадемуазель. Всего хорошего.

Мы быстро двинулись в сторону деревни, и я несколько раз украдкой посматривал на Пуаро. Как я уже неоднократно говорил, в минуты волнения его глаза становились зелеными, как у кошки. Так было и на этот раз.

— Друг мой,— прервал он затянувшееся молчание,— у меня есть одна гипотеза, очень странная, я бы даже сказал, невероятная, но она объясняет все факты.

Я пожал плечами. Мне всегда казалось, что Пуаро питает слабость к различного рода невероятным предположениям. Вот и сейчас он остался верен себе, хотя случай был совершенно ясным.

— Итак, мы знаем, почему на коробке не было фамилии аптекаря,— сказал я.— Действительно, все объясняется очень просто, странно, что мне самому это не пришло в голову.

Пуаро словно не слышал моих слов.

— А ведь там еще кое-что обнаружили,— сказал он, кивнув в сторону усадьбы.— Когда мы поднимались по лестнице, мистер Уэллс сообщил мне об этом.

— И что же?

— Помните письменный стол в будуаре? Так вот, там обнаружилось завещание миссис Инглторп, составленное еще до замужества. По нему наследником объявлялся мистер Инглторп. По-видимому, оно было составлено в период их помолвки и явилось полной неожиданностью для мистера Уэллса, равно как и для Джона Кавендиша. Оно составлено на стандартном бланке для завещаний и засвидетельствовано двумя лицами из числа прислуги. Кстати, подписи Доркас под документом нет.

— Мистер Инглторп знал об этом завещании?

— От утверждает, что нет.

— Мне что-то не очень в это верится,— сказал я.— Ну и путаница со всеми этими завещаниями! Кстати, как те несколько слов на измятом конверте подсказали вам, что вчера днем было составлено еще одно завещание?

Пуаро улыбнулся.

— Друг мой, случалось ли вам во время составле-

ния какого-нибудь документа сомневаться в правописании того или иного слова?

— Да, и весьма часто. Думаю, это свойственно каждому.

— Вот именно. А не пытались ли вы в подобных случаях по-разному написать это слово на клочке бумаги, чтобы на глаз определить, какой из вариантов правильный? Ведь именно так и поступила миссис Инглторп. Вы заметили, что в первый раз она написала слово «обладаю» через «о», а затем через «а» и, чтобы окончательно убедиться в том, что это правильно, посмотрела, как оно выглядит в предложении «я обладаю». Отсюда я сделал вывод, что миссис Инглторп вчера днем хотела написать слово «обладаю», и, помня о клочке бумаги, найденном в камине, я сразу подумал о завещании, в котором почти наверняка должно было встретиться это слово. Мое предположение подтверждал и тот факт, что будуар на следующее утро не подметали — в сложившейся ситуации прислуге было не до этого,— и я обнаружил возле письменного стола крупные следы, причем земля была коричневого цвета и очень рыхлой. В последние дни стояла прекрасная погода, поэтому на обычных ботинках не могло налипнуть столько грязи.

Я подошел к окну и сразу заметил свежие клумбы с бегониями, причем земля была точно такой же, как и та, что я обнаружил в будуаре. Узнав от вас, что клумбы действительно были разбиты вчера, я уже не сомневался, что садовник, а скорее всего, оба садовника (поскольку в будуаре было два ряда следов) заходили в комнату. Ясно, что, если бы миссис Инглторп хотела просто с ними поговорить, она могла бы подозвать их к окну, а не приглашать в комнату. У меня уже не осталось никаких сомнений в том, что она составила новое завещание и просила садовников засвидетельствовать ее подпись. Дальнейшие события доказали, что я был прав.

— Пуаро, вы великолепны! — вырвалось у меня.— Должен признаться, что по поводу исписанного конверта у меня были совсем другие предположения.

Он улыбнулся.

— Вы даете слишком большую волю воображению. Оно хороший попутчик, но плохой проводник. Обычно правильным оказывается самое простое объяснение.

— Еще один вопрос. Как вы узнали, что был потерян ключ от папки?

— Я не был уверен в этом, просто моя догадка подтвердилась. Помните, ключ был с обрывком проволоки? Я сразу заподозрил, что это остаток проволочного кольца, на котором висела вся связка. Однако, если бы миссис Инглторп позже нашла потерянный ключ, она сразу присоединила бы его к остальным ключам, но там, как вы помните, был совершенно новенький, явно запасной. Это навело меня на мысль, что не миссис Инглторп, а кто-то другой открывал папку ключом, который был вставлен в замок.

— Не кто иной, как мистер Инглторп.

Пуаро с удивлением взглянул на меня.

— Вы абсолютно уверены, что он убийца?

— Конечно! Все факты свидетельствуют против него.

— Почему же? — тихо проговорил Пуаро.— Есть несколько сильных аргументов в пользу невиновности мистера Инглторпа.

— Вы шутите?!

— Я вполне серьезен.

— Я вижу только один такой аргумент.

— Интересно, какой же?

— То, что в ночь убийства его не было дома.

— Как говорят у вас в Англии, мимо цели! Вы выбрали как раз тот факт, который говорит против него.

— Почему?

— Потому что, если мистер Инглторп знал, что его жена будет отравлена, он бы непременно ночевал в другом месте, что и было сделано, причем под явно надуманным предлогом. Это может объясняться двояко: либо ему действительно было известно, что должно случиться, либо у него была своя причина для отсутствия.

— И какая же? — скептически спросил я.

Пуаро пожал плечами.

— Откуда я знаю? Без сомнения, нечто, что не делает ему чести. Этот Инглторп, похоже, порядочный подлец, но это еще не означает, что он убийца.

Я в сомнении покачал головой.

— Вы снова проявляете самостоятельность в суждениях? — спросил Пуаро.— Что ж, оставим это. Время покажет, кто из нас прав. Давайте теперь обсудим другие детали этого дела. Как вы объясняете тот факт, что все двери в спальню были заперты изнутри?

— Тут надо...— неуверенно начал я,— тут надо привлечь на помощь логику.

— Несомненно.

— Думаю, дело обстояло так: двери действительно были заперты (мы это видели собственными глазами), однако восковое пятно на ковре и уничтоженное завещание говорят о том, что ночью в комнате был еще кто-то. Так?

— Пока все верно. Продолжайте.

— Следовательно,— сказал я, приободрившись,— если этот человек не влетел в окно и не проник в комнату с помощью нечистой силы, то остается допустить, что миссис Инглторп сама открыла ему дверь. А кому, как не собственному мужу, могла она открыть? Следовательно, подтверждается мое предположение, что ночью в комнате побывал мистер Инглторп!

Пуаро покачал головой.

— Как раз наоборот. С какой стати миссис Инглторп станет впускать своего мужа, если за несколько часов до этого у них был страшный скандал и она сама, вопреки обыкновению, заперла дверь в его комнату? Нет, кого-кого, а уж его она бы не впустила!

— Но вы согласны, что она сама открыла дверь?

— Есть еще одно объяснение. Возможно, она попросту забыла закрыть на засов дверь в коридор, а потом, вспомнив об этом, встала и закрыла ее уже под утро.

— Пуаро, неужели вы действительно так считаете?

— Я не говорил этого, но вполне возможно, что дело происходило именно так. Теперь обратимся еще к одному факту. Что вы думаете об услышанном вами обрывке разговора между миссис Инглторп и ее невесткой?

— А ведь я о нем совсем забыл. Да, это загадка. Непонятно, как сдержанная и гордая Мэри Кавендиш могла столь беспардонно вмешиваться в дела, ее не касающиеся.

— Вот именно. Для женщины ее воспитания это более чем странно.

— Да, странно. Впрочем, это не имеет отношения к делу, и не стоит ломать голову над их разговором.

Пуаро тяжело вздохнул.

— Сколько раз вам надо повторять, что любая мелочь должна иметь свое объяснение. Если какой-то факт не согласуется с нашей гипотезой, то тем хуже для гипотезы.

— Ладно, время покажет, кто из нас прав,— раздраженно проговорил я.

— Да, время покажет.

Между тем мы подошли к коттеджу Листвэйз, и Пуаро пригласил меня подняться к нему в комнату. Он предложил мне одну из тех изысканных русских папирос, которые мой друг иногда позволял себе. Было очень забавно наблюдать, как Пуаро аккуратно опускает горелые спички в маленькую фарфоровую пепельницу, и мое раздражение постепенно исчезло. Пуаро поставил оба наших стула возле открытого окна, выходившего на улицу. Неожиданно я увидел довольно невзрачного на вид молодого человека, торопливо идущего по улице. Сразу бросилось в глаза необычное выражение его лица — странная смесь возбуждения и страха.

— Пуаро, взгляните,— произнес я.

Он посмотрел в окно.

— Это мистер Мэйс, помощник аптекаря. Уверен, что он направляется сюда.

Молодой человек остановился возле нашего дома и после некоторого колебания решительно постучал в дверь.

— Одну минуту,— крикнул в окно Пуаро,— я сейчас спущусь.

Он пригласил меня жестом следовать за собой и, быстро сбежав по лестнице, открыл дверь.

Прямо с порога мистер Мэйс выпалил:

— Извините за непрошеный визит, месье Пуаро, но говорят, что вы только что возвратились из Стайлз?

— Да, мы действительно недавно пришли оттуда.

Молодой человек нервно облизнул губы. Его лицо выдавало сильное волнение.

— Вся деревня только и говорит о неожиданной смерти миссис Инглторп. Знаете, ходят слухи,— он снизил голос до шепота,— что ее отравили.

На лице Пуаро не дрогнул ни один мускул.

— Это могут сказать только врачи.

— Да, да, конечно...— Юноша помедлил, затем, не в силах справиться с волнением, схватил Пуаро за рукав и прошептал: «Мистер Пуаро, скажите мне только, это был не стрихнин, ведь правда, это был не стрихнин?»

Пуаро тихо пробормотал в ответ что-то маловразумительное. Юноша вышел, и мой друг, печально кивая головой, сказал:

— К сожалению, во время судебного разбирательства он даст показания.

Пуаро стал медленно подниматься по лестнице. Увидев, что я собираюсь задать очередной вопрос, он раздраженно махнул рукой.

— Не сейчас, Хастингс, не сейчас. Мне надо сосредоточиться. У меня в голове полная неразбериха, а я терпеть этого не могу.

Минут десять Пуаро сидел совершенно неподвижно. Наконец от глубоко вздохнул.

— Вот так. Теперь все в порядке. У каждого факта есть свое объяснение. Путаницы быть не должно. Конечно, кое-что еще остается непонятным: ведь это очень сложное дело. Сложное даже для меня, Эркюля Пуаро! Итак, есть два обстоятельства, на которые надо обратить особое внимание.

— Какие?

— Во-первых, очень важно, какая погода была вчера.

— Пуаро, вчера был чудесный день! — воскликнул я.— Вы просто разыгрываете меня!

— Нисколько! Термометр показывал 27 градусов в тени. Постарайтесь не забывать об этом: тут кроется ключ к разгадке.

— А какое второе обстоятельство?

— Очень важно, что мистер Инглторп одевается крайне необычно, носит очки, и все это в сочетании с черной бородой придает ему довольно экзотический вид.

— Пуаро, я не верю, что вы говорите серьезно.

— Уверяю вас, друг мой, я абсолютно серьезен.

— Но то, что вы говорите, совершенно не относится к делу.

— Напротив, это факты первостепенной важности.

— А если допустить, что присяжные обвинят Альфреда Инглторпа в преднамеренном убийстве, что станет тогда с вашими теориями?

— Если двенадцать ослов совершат ошибку, это еще не значит, что я не прав. К тому же этого не случится. Во-первых, местные присяжные не будут особо стремиться брать на себя такую ответственность: ведь мистер Инглторп пользуется тут большим влиянием, во-вторых,— добавил он спокойно,— я не позволю им это!

— То есть как это не позволите?

— Очень просто, не позволю, и все!

Я взглянул на него со смешанным чувством удивления

и раздражения: как можно быть таким самоуверенным!

Словно прочтя мои мысли, Пуаро кивнул и тихо повторил:

— Да, друг мой, я не позволю им этого.

Он встал и положил руку мне на плечо. Лицо Пуаро было печально, и в глазах блестели слезы.

— Знаете, я все время думаю о несчастной миссис Инглторп. Она, конечно, не пользовалась всеобщей любовью, но к нам, бельгийцам, покойная была исключительно добра. Я в долгу перед ней.

Я хотел перебить его, но Пуаро продолжал:

— Хастингс, думаю, она не простила бы мне, если я позволил бы арестовать мистера Инглторпа *сейчас*, когда одно лишь мое слово может спасти его.

За время, которое оставалось до пятницы, Пуаро успел сделать множество дел. К примеру, он дважды совещался с мистером Уэллсом и несколько раз совершал длительные прогулки в окрестностях Стайлз Сент-Мэри. Я обижался, что мой друг ни разу не взял меня с собой, тем более что я мучился от любопытства, не понимая, что было у него на уме. Мне показалось, что он особенно интересовался фермой Райкеса, поэтому в среду вечером, зайдя в Листвэйз и не обнаружив там Пуаро, я направился через поле в сторону фермы, надеясь встретить его по дороге. Я дошел почти до самой фермы, так и не обнаружив Пуаро, и повернул назад. По пути мне повстречался старый крестьянин, который как-то хитро взглянул на меня и спросил:

— Вы вроде из усадьбы, мистер?

— Да, я ищу своего друга. Он должен был идти по этой тропинке.

— Такого коротышку, который все руками размахивает, когда говорит? Он, кажись, из бельгийцев, которые живут в деревне.

— Да, да! Вы его встречали?

— Встречал, и не раз. Небось, друг ваш? Да, много ваших здесь бывает!

И он лукаво подмигнул мне.

— Вы хотите сказать, что здесь часто можно встретить обитателей усадьбы? — спросил я нарочито беспечно.

Он хитро улыбнулся.

— Уж один-то, по крайней мере, частенько сюда наведывается. Кстати, очень щедрый господин. Но что-то я разболтался. Мне пора, прощайте, сэр.

Я шел по тропинке и думал, что, видимо, Эвелин Ховард была права. Меня переполняло чувство омерзения, когда я представлял, как баззастенчиво Альфред Инглторп транжирил чужие деньги. Неужели он совершил убийство из-за этого милого цыганского личика? Или основной причиной были все-таки деньги? Скорее всего, правда была где-то посредине.

К одному обстоятельству Пуаро проявлял особое внимание. Он несколько раз подчеркивал, что Доркас, наверное, ошибается, утверждая, что ссора между Инглторпами произошла в четыре часа. Мой друг настойчиво пытался ее убедить, что скандал произошел в четыре тридцать.

Однако Доркас настаивала, что с момента, как услышала перебранку, до пяти часов, когда она принесла хозяйке чай, прошел добрый час, а может быть, и больше.

Дознание состоялось в пятницу в здании местного суда. Мы с Пуаро сидели рядом, ничем не отличаясь от большинства присутствующих, поскольку от нас не потребовали выступить в качестве свидетелей.

После предварительных формальностей присяжные осмотрели тело покойной, и Джон Кавендиш официально подтвердил, что это была Эмили Инглторп.

Отвечая на дальнейшие вопросы, Джон рассказал о том, как он проснулся среди ночи, и о последующих обстоятельствах кончины своей матери.

После этого судья попросил огласить медицинское заключение. В зале воцарилась напряженная тишина, все глаза были устремлены на нашего знаменитого лон-

донского специалиста, одного из крупнейших экспертов в области токсикологии.

В нескольких скупых фразах он сообщил результаты вскрытия; опуская медицинские термины и технические подробности, скажу, что, по его словам, вскрытие полностью подтвердило факт отравления стрихнином. Согласно результатам лабораторного анализа, в организме миссис Инглторп содержалось от $^3/_4$ до 1 грана яда*.

— Могла ли миссис Инглторп случайно принять яд? — спросил судья.

— Думаю, это крайне маловероятно. В отличие от некоторых других ядов, стрихнин не используется в домашнем хозяйстве. К тому же на его продажу наложены некоторые ограничения.

— Можете ли вы теперь, зная результаты вскрытия, определить, каким образом был принят яд?

— Нет.

— Вы, кажется, оказались в Стайлз раньше доктора Уилкинса?

— Да, я встретил автомобиль, выезжавший из садовых ворот, и, узнав о случившемся, со всех ног бросился в усадьбу.

— Не могли бы вы подробно рассказать, что произошло дальше?

— Когда я зашел в комнату, миссис Инглторп билась в конвульсиях. Увидев меня, она прохрипела: «Альфред... Альфред».

— Скажите, мог стрихнин содержаться в кофе, который ей отнес мистер Инглторп?

— Это маловероятно, поскольку стрихнин очень быстродействующий яд. Симптомы отравления обычно проявляются уже через час или два. При некоторых условиях, ни одно из которых в данном случае обнаружено не было, его действие может быть замедлено. Миссис Инглторп выпила кофе примерно в восемь вечера, но признаки отравления появились лишь под утро. Это доказывает, что яд попал в организм гораздо позже восьми часов.

— Миссис Инглторп обычно выпивала каждую ночь чашку какао. Не мог ли стрихнин быть подмешан туда?

— Нет, я лично сделал анализ остатков какао. Никакого стрихнина там не было.

---

* 1 гран — 0,65 г.

При этих словах Пуаро удовлетворенно улыбнулся.

— Как вы догадались? — спросил я шепотом.

— Слушайте дальше.

— Смею заметить,— продолжал доктор,— что если бы экспертиза дала иной результат, то я бы очень удивился.

— Почему?

— Потому что у стрихнина чрезвычайно горький вкус. Его можно почувствовать даже в растворе 1 к 70000. Чтобы замаскировать такую горечь, нужна жидкость с очень резким вкусом. Какао для этого совершенно не годится.

Один из присяжных поинтересовался, может ли кофе замаскировать привкус яда.

— Весьма возможно, поскольку у самого кофе чрезвычайно горький вкус.

— Таким образом, вы предполагаете, что яд был подсыпан в кофе, но по каким-то причинам его действие было замедлено.

— Да, но так как кофейная чашка вдребезги разбита, мы не можем сделать анализ ее содержимого.

На этом доктор Бауэрстайн закончил свои показания. Доктор Уилкинс был во всем согласен со своим коллегой. Он начисто отверг возможность самоубийства, которое предположил один из присяжных. У покойной было больное сердце, сказал он, но состояние ее здоровья не внушало опасений. Она обладала уравновешенным характером и поражала всех своей огромной энергией. Нет, миссис Инглторп не могла покончить с собой!

Следующим был вызван Лоуренс Кавендиш. В его выступлении не было ничего нового, он почти слово в слово повторил показания брата. Заканчивая выступление, он вдруг смущенно сказал:

— Если можно, я хотел бы высказать одно предположение.

Лоуренс посмотрел на судью, который сразу воскликнул:

— Конечно, мистер Кавендиш, мы здесь для того и собрались, чтобы выслушать все, что поможет узнать правду об этом деле.

— Это только мое предположение,— пояснил Лоуренс,— и оно может оказаться ошибочным, но мне до сих пор кажется, что мама могла умереть естественной смертью.

— Как это возможно, мистер Кавендиш?

— Дело в том, что она уже некоторое время принимала лекарство, в котором содержался стрихнин.

— Вот так новость! — воскликнул судья.

Присяжные были явно заинтригованы.

— Известны случаи,— продолжал Лоуренс,— когда происходило постепенное накопление яда в организме больного и это в конце концов вызывало смерть. К тому же мама могла по ошибке принять слишком большую дозу лекарства.

— Мы в первый раз слышим, что миссис Инглторп принимала лекарство, содержащее стрихнин. Это весьма ценное свидетельство, и мы вам очень благодарны, мистер Кавендиш.

Выступавший следующим доктор Уилкинс категорически отверг предположение Лоуренса.

— То, что сказал мистер Кавендиш, не выдерживает никакой критики. Любой врач вам скажет то же самое. Стрихнин действительно может накапливаться в организме больного, но при этом исключается такая агония и внезапная смерть, как в данном случае. Когда яд накапливается в организме, это сопровождается длительным хроническим заболеванием, симптомы которого я бы уже давно заметил. Поэтому я считаю предположение мистера Кавендиша совершенно необоснованным.

— А что вы думаете по поводу его второго высказывания? Могла ли миссис Инглторп случайно принять слишком большую дозу лекарства?

— Даже три или четыре дозы не могут вызвать летальный исход. У миссис Инглторп имелся, правда, большой запас этой микстуры, она получала ее из аптеки Кута в Тэдминстере. Но чтобы в организм попало столько стрихнина, сколько было обнаружено при вскрытии, она должна была выпить целую бутыль.

— Итак, вы считаете, что эта микстура не могла явиться причиной смерти миссис Инглторп?

— Несомненно. Подобное предположение просто смехотворно.

Присяжный, задавший предыдущий вопрос, спросил у доктора Уилкинса, не мог ли фармацевт, изготовлявший лекарство, допустить ошибку.

— Это, конечно, возможно,— ответил доктор.

Однако Доркас, дававшая показания вслед за Уилкинсом, начисто отвергла это предположение, поскольку

лекарство было изготовлено довольно давно, она даже помнила, что в день смерти миссис Инглторп приняла последнюю дозу.

Таким образом, подозрения по поводу лекарства рассеялись, и судья попросил Доркас рассказать все с самого начала. Она сообщила, что проснулась от громкого звона колокольчика и сразу подняла тревогу в доме. Затем ее попросили рассказать о ссоре, случившейся накануне.

Доркас почти дословно повторила то, что уже говорила нам с Пуаро, поэтому я не буду здесь приводить ее показания.

Следующей свидетельницей была Мэри Кавендиш. Гордо подняв голову, она отвечала тихим и уверенным голосом. Мэри рассказала, что она встала, как обычно, в 4.30 и, одеваясь, услышала вдруг какой-то грохот, словно упало что-то очень тяжелое.

— Видимо, это был столик, стоявший около кровати,— предположил судья.

— Я открыла дверь и прислушалась,— продолжала Мэри.— Через несколько мгновений раздался неистовый звон колокольчика. Прибежавшая Доркас разбудила моего мужа, и мы направились в комнату миссис Инглторп, но дверь оказалась запертой изнутри.

На этом месте судья прервал выступление миссис Кавендиш.

— Думаю, не стоит утруждать вас изложением дальнейших событий, поскольку мы неоднократно слышали, что произошло потом. Но я буду вам весьма признателен, если вы расскажете присутствующим все, что касается ссоры, которую вы нечаянно подслушали накануне.

— Я?

В голосе Мэри звучало плохо скрытое высокомерие. Она неторопливо поправила воротничок платья, и я внезапно подумал: «А ведь она пытается выиграть время!»

— Да. Насколько я понимаю,— осторожно произнес судья,— вы читали книгу, сидя на скамейке рядом с окном в будуар. Не так ли?

Для меня это была новость, и, взглянув на Пуаро, я понял, что он тоже не знал об этом.

Чуть-чуть помедлив, Мэри ответила:

— Да, вы правы.

— И окно в будуар было открыто?

Я заметил, что лицо Мэри слегка побледнело.

— Да.

— В таком случае, вы не могли не слышать голосов, доносившихся из комнаты. К тому же там говорили на повышенных тонах, и с вашего места их можно было услышать даже лучше, чем из холла.

— Возможно.

— Не могли бы вы рассказать нам, что вы слышали?

— Уверяю вас, что я ничего не слышала.

— Вы хотите сказать, что не слышали никаких голосов?

— Я слышала голоса, но я не вслушивалась в них.

Она слегка покраснела.

— У меня нет привычки подслушивать интимные разговоры!

Однако судья продолжал упорствовать.

— Неужели вы ничего не поняли, миссис Кавендиш, ни единого слова? Может быть, какую-нибудь фразу, из которой вы поняли, что разговор был действительно интимным.

Оставаясь внешне совершенно спокойной, Мэри задумалась на несколько секунд и затем сказала:

— Я, кажется, припоминаю слова миссис Инглторп по поводу скандала между мужем и женой.

— Прекрасно! — Судья удовлетворенно откинулся в кресле.— Это совпадает с тем, что слышала Доркас. Простите, миссис Кавендиш, но хотя вы и поняли, что разговор был сугубо личный, тем не менее вы остались сидеть на том же месте возле открытого окна. Не так ли?

Я заметил, как на мгновение вспыхнули ее темные глаза. В ту секунду она, кажется, могла разорвать судью на куски, но, взяв себя в руки, Мэри спокойно ответила:

— Просто там было очень удобно. Я постаралась сосредоточиться на книге.

— Это все, что вы нам можете рассказать?

— Да.

Мэри Кавендиш возвратилась на место. Я взглянул на судью. Вряд ли он был полностью удовлетворен показаниями миссис Кавендиш. Чувствовалось, она чего-то недоговаривала.

Следующей давала показания продавщица Эми Хилл. Она подтвердила, что семнадцатого июля продала бланк

для завещания Уильяму Эрлу, помощнику садовника в Стайлз.

Затем выступили Уильям Эрл и Манинг. Они рассказали, что подписались под каким-то документом. Манинг утверждал, что это было в 4.30, Уильям же считал, что это произошло немного раньше.

После них была вызвана Цинция Мердок. Ей почти нечего было добавить к предыдущим показаниям, поскольку до того, как ее разбудила Мэри Кавендиш, девушка вообще не подозревала о случившемся.

— Вы даже не слышали, как упал столик?

— Нет, я спала очень крепко.

Судья улыбнулся.

— Люди с чистой совестью всегда спят крепко. Спасибо, мисс Мердок, у нас больше нет вопросов.

Следующей выступала мисс Ховард.

Она показала письмо, которое миссис Инглторп послала ей вечером 17 июля. Мы с Пуаро уже видели его раньше. В нем не содержалось ничего нового. Ниже я привожу текст письма.

17 июля — *Стайлз Корт*
Эссекс

Дорогая Эвелин,
конечно, трудно забыть все, что Вы наговорили тогда о моем любимом муже, но я стара и очень привязана к Вам, поэтому мне бы хотелось поскорее восстановить наши былые отношения.

С наилучшим пожеланием — Эмили Инглторп.

Письмо было передано присяжным, которые внимательно прочитали его.

— Боюсь, что пользы от этого документа немного,— со вздохом сказал судья.— Здесь нет даже упоминания о событиях, происходивших в тот день.

— Все и так предельно ясно,— произнесла мисс Ховард.— Из письма видно, что бедняжка Эмили в тот день впервые поняла, что ее водят за нос.

— Но в письме нет ни единого слова об этом,— возразил судья.

— Потому что Эмили была не тем человеком, который может признать себя неправым. Но я-то ее знаю. Она желала моего возвращения. Но признать, что я бы-

ла права, не могла. Большинство людей страдает этим недостатком. Я сама, например.

Мистер Уэллс и несколько присяжных усмехнулись. Да, безусловно, мисс Ховард умела общаться с людьми.

— Я только не пойму, к чему вся эта канитель? Пустая трата времени, да и только! — сказала мисс Ховард и негодующе посмотрела на присяжных.— Слова, слова, слова, хотя все мы прекрасно знаем, что...

Судья торопливо перебил ее.

— Спасибо, мисс Ховард, спасибо. Вы можете идти.

Мне показалось, что он даже облегченно вздохнул, когда Эви села на место.

Теперь настала очередь рассказать о подлинной сенсации, случившейся в тот день.

Судья вызвал Альберта Мэйса, помощника аптекаря. Это был тот самый взволнованный юноша, который приходил к Пуаро. В ответ на первый вопрос судьи молодой человек рассказал, что он дипломированный фармацевт, но в здешней аптеке работает недавно, сменив своего предшественника, которого призвали в армию.

Закончив с предварительными формальностями, судья перешел к делу.

— Скажите, мистер Мэйс, в последнее время вы продавали стрихнин кому-нибудь, кто не имел на это специального разрешения?

— Да, сэр.

— Когда это было?

— В понедельник вечером.

— Вы уверены, что в понедельник, а не во вторник?

— Да, сэр, в понедельник, шестнадцатого числа.

— И кому же вы продали стрихнин?

Весь зал замер в напряжении.

— Мистеру Инглторпу.

Словно по команде, все головы повернулись в сторону Альфреда Инглторпа. Он сидел совершенно неподвижно, хотя в тот момент, когда юноша произнес свои убийственные слова, он слегка вздрогнул и, казалось, хотел подняться, однако остался сидеть, и только хорошо разыгранное выражение удивления появилось у него на лице.

— Вы уверены в своих словах?

— Да, сэр, абсолютно уверен.

— Скажите, а на старом месте вы тоже продавали стрихнин любому желающему?

Юноша, и без того выглядевший довольно тщедушным, совсем обмяк под строгим судейским взором.

— Нет, нет, что вы, сэр! Я никогда так не поступал! Но это же был сам мистер Инглторп из Стайлз, и я подумал, что ничего не случится, если я продам ему то, что он просит. Мистер Инглторп сказал, что ему надо усыпить собаку.

Я хорошо понимал чувства, которыми руководствовался юноша. Бедняге так хотелось угодить одному из обитателей усадьбы, тем более что это могло помочь ему попасть из захолустной аптеки в лучшее местное общество.

— При продаже яда покупатель обычно расписывался в регистрационном журнале.

— Да, сэр. Мистер Инглторп сделал это.

— Журнал у вас с собой?

— Да, сэр.

Журнал был передан присяжным, затем судья произнес еще несколько грозных слов по поводу безответственности некоторых аптекарей, после чего отпустил до смерти перепуганного мистера Мэйса.

И вот наконец настала очередь Альфреда Инглторпа. Зал замер. «Интересно,— подумал я,— понимает ли Альфред, что находится в двух шагах от виселицы?»

Судья сразу перешел к делу.

— В понедельник вечером вы покупали стрихнин, чтобы усыпить собаку?

— Нет, в усадьбе вообще нет собак, за исключением дворовой овчарки, которая совершенно здорова,— спокойно ответил Инглторп.

— Вы категорически отрицаете, что в понедельник покупали стрихнин у Альберта Мэйса?

— Да.

— Это вы тоже отрицаете?

И судья показал Альфреду регистрационный журнал с его подписью.

— Конечно. Почерк абсолютно не похож на мой, вы можете в этом убедиться сами.

Он вынул из кармана старый конверт, расписался на нем и передал присяжным. Действительно, почерк был совершенно другим.

— В таком случае, как вы объясните показания мистера Мэйса?

— Думаю, он ошибается,— невозмутимо ответил Инглторп.

Судья выдержал паузу и спросил:

— Мистер Инглторп, не сочтите за труд, скажите, где вы находились вечером в понедельник шестнадцатого июля?

— Честно говоря, не помню.

— Это звучит неубедительно, мистер Инглторп,— резко сказал судья.— Попытайтесь все-таки вспомнить.

Инглторп пожал плечами.

— Я точно не помню, но, кажется, в тот вечер я вышел прогуляться.

— В каком направлении?

— Этого уж я совсем не помню.

Лицо судьи стало еще более хмурым.

— Вы гуляли один?

— Да.

— Кто-нибудь повстречался вам по дороге?

— Нет.

— Жаль,— сухо сказал судья,— я вынужден констатировать, что вы отказываетесь сказать, где находились в то время, когда, согласно показаниям мистера Мэйса, покупали у него стрихнин.

— Как вам будет угодно.

— Вы играете с огнем, мистер Инглторп.

«Черт побери,— пробормотал Пуаро,— он что, хочет, чтобы его арестовали?»

Действительно, показания Инглторпа звучали крайне неубедительно. Его словам не поверил бы даже ребенок, однако судья быстро перешел к следующему вопросу, и Пуаро облегченно вздохнул.

— Во вторник утром у вас была ссора с женой?
— Простите, но вас неверно информировали. Никакой ссоры с женой у меня не было. Вся эта история выдумана от начала до конца. В то утро меня вообще не было дома.
— Кто-нибудь может подтвердить ваши слова?
— А что, моих слов вам не достаточно? — заносчиво спросил Инглторп.
Судья промолчал.
— Двое свидетелей утверждают, что слышали скандал между вами и миссис Инглторп.
— Они ошибаются.
Меня поражало, с какой уверенностью держался Инглторп. Я взглянул на Пуаро. Его лицо выдавало крайнее возбуждение, причина которого оставалась для меня загадкой. Неужели он поверил наконец в виновность Альфреда Инглторпа?
— Мистер Инглторп,— обратился к нему судья,— из показаний свидетелей мы знаем предсмертные слова вашей жены. Вы можете их объяснить?
— Конечно, могу.
— Сделайте милость.
— По-моему, все и так понятно. Во-первых, комната была плохо освещена, во-вторых, доктор Бауэрстайн примерно такого же роста, как и я, и тоже носит бороду. Моя несчастная жена, находясь в полуобморочном состоянии, просто приняла его за меня.
— Ого! — услышал я голос Пуаро.— А ведь это идея.
— Вы ему верите? — спросил я шепотом.
— Я не говорил этого, но объяснение мистера Инглторпа я нахожу весьма любопытным.
— Вы восприняли последние слова моей жены,— продолжал Инглторп,— как обвинение, а они на самом деле были призывом о помощи.
Судья задумался на несколько минут, затем спросил:
— Мистер Инглторп, правда ли, что это вы налили кофе в чашку, которую затем собственноручно отнесли вашей жене?
— Я действительно налил кофе, но не отнес его Эмили, а только собирался это сделать. Как раз в этот момент мне сказали, что кто-то пришел, и я вышел из дома, поставив чашку на столик в холле. Когда через

несколько минут я возвратился, ее там уже не было.

«Даже. если последние утверждения Инглторпа правда,— подумал я,— это нисколько не облегчает его участи. Все равно у него было достаточно времени, чтобы подсыпать яд».

Пуаро прервал мои размышления, указав на двух незнакомых мне мужчин, сидевших у двери. Один был высокий и светловолосый, другой — небольшого роста подвижный брюнет с лицом, напоминающим мордочку хорька.

Я вопрошающе взглянул на Пуаро.

— Вы знаете, кто этот невысокий господин? — спросил он тихо.

Я покачал головой.

— Это инспектор Джеймс Джепп из Скотленд-Ярда. Его сосед тоже из полиции. Так-то, друг мой, события развиваются стремительно.

Я внимательно посмотрел на них и подумал, что эти двое совершенно не похожи на полицейских. Трудно было поверить, что они являются представителями власти.

Неожиданно я вздрогнул: судья огласил вердикт присяжных — преднамеренное убийство, совершенное неизвестным лицом или группой лиц.

Глава 6

Пуаро платит долги

Когда мы вышли из зала суда, Пуаро отвел меня в сторону. Я сразу понял, что он хочет подождать своих знакомых из Скотленд-Ярда. Через несколько минут они вышли, и Пуаро подошел к тому, что был пониже ростом.

— Боюсь, что вы не узнаете меня, инспектор Джепп?

— Это я-то не узнаю мистера Пуаро? — воскликнул Джепп. Он повернулся к своему коллеге.— Помните, я вам рассказывал о нем? В 1904 году мы работали

вместе в Брюсселе, там был арестован знаменитый фальшивомонетчик Аберкромби. Да, месье, славное было время! А помните дело Альтара? Вот это был пройдоха! Половина европейской полиции гонялась за ним, и все без результата. В конце концов мы его схватили в Антверпене, и то лишь благодаря усилиям месье Пуаро.

Я тем временем подошел ближе, и Пуаро представил меня мистеру Джеппу, который в свою очередь познакомил нас со своим спутником, лейтенантом Саммерхэем.

— Джентльмены, думается, нет нужды спрашивать, зачем вы появились в наших краях,— сказал Пуаро.

— Вы правы, однако дело не стоит и выеденного яйца.

— Я не согласен с вами.

— Полноте! — вступил в разговор Саммерхэй.— Дело совершенно ясное: этому Инглторпу и сказать-то нечего. Я только удивляюсь, как можно быть таким ослом.

Джепп взглянул на Пуаро, затем, улыбаясь, обратился к своему коллеге:

— Умерьте ваш пыл, Саммерхэй. Я работал с месье Пуаро и знаю, что он слов на ветер не бросает. Почти уверен, что он может поведать нам что-то любопытное. Не так ли, месье?

Пуаро улыбнулся.

— Да, у меня есть некоторые соображения по поводу этого дела.

Саммерхэй скептически улыбнулся, однако Джепп внимательно смотрел на Пуаро.

— В том-то и состоит наш недостаток в делах подобного рода,— сказал он,— что Скотленд-Ярд находится слишком далеко, мы познакомились с обстоятельствами убийства только во время дознания, а очень важно сразу оказаться на месте преступления. Тут мистер Пуаро нас опередил. Мистер Пуаро был здесь с самого начала, и, видимо, он выяснил что-то интересное. Из показаний свидетелей совершенно очевидно, что мистер Инглторп отравил свою жену, и, если бы в этом сомневался не мистер Пуаро, а кто-то другой, я бы просто поднял на смех этого человека. Более того, меня удивило, что присяжным понадобилось столько време-

ни, чтобы вынести свой вердикт. Если бы не судья, они это давно бы уже сделали: он, похоже, оттягивал окончательное решение.

— Возможно,— сказал Пуаро,— впрочем, не сомневаюсь, что у вас с собой ордер на арест Инглторпа.

Лицо Джеппа мгновенно сделалось непроницаемым.

— Возможно,— бросил он сухо.

Пуаро задумчиво посмотрел на инспектора.

— Господа, мне очень нужно, чтобы он пока оставался на свободе.

— Ну и запросы у вас,— пробормотал Саммерхэй.

Джепп обескураженно посмотрел на Пуаро.

— Мистер Пуаро, может быть, вы нам все-таки что-то расскажете? Ваши сведения сейчас на вес золота. Я очень уважаю ваше мнение, но Скотленд-Ярд не любит совершать ошибок, вы же знаете.

Пуаро задумчиво кивнул.

— Так я и думал. Что ж, я предупреждаю, что если даже вы и арестуете мистера Инглторпа, то это ничего вам не даст: на суде его все равно сразу оправдают. Вот так! — и он выразительно щелкнул пальцами.

Джепп мрачно молчал, а его коллега снова скептически усмехнулся. Затем инспектор вынул платок и вытер пот со лба.

— Будь моя воля, мистер Пуаро, я бы выполнил ваше пожелание, но у меня есть начальство, которое потребует объяснения подобных фокусов. Намекните хотя бы, что вам удалось узнать.

Пуаро на мгновение задумался, затем сказал:

— Хорошо, но признаюсь, что делаю это неохотно,— не люблю раньше времени раскрывать карты. Я хотел бы сначала сам довести это дело до конца, но вы, конечно, правы — одного лишь слова бывшего бельгийского полицейского явно недостаточно. Однако Альфред Инглторп должен оставаться на свободе. Я поклялся в этом моему другу Хастингсу, поэтому предлагаю вам, дорогой Джепп, немедленно отправиться в Стайлз.

— Мы пойдем туда через полчаса. А сейчас нам надо встретиться с судьей и с доктором.

— Хорошо. Вы будете проходить мимо моего дома — вон тот, в конце улицы,— зайдите за мной, мы вместе отправимся в Стайлз. Там мистер Инглторп даст вам такие сведения, что станет очевидной полная бессмыс-

ленность его ареста. Если же он откажется, что вполне вероятно, я это сделаю за него. Договорились?

— Договорились! — воодушевленно проговорил Джепп.— От имени Скотленд-Ярда я благодарю вас за помощь, только я лично не вижу в свидетельских показаниях никаких изъянов. Но вы ведь всегда умели творить чудеса! Итак, до скорого, месье.

Полицейские удалились, причем на лице у Саммерхэя была по-прежнему скептическая ухмылка.

— Что вы обо всем этом думаете, друг мой? — спросил Пуаро до того, как я успел промолвить хотя бы слово.— Ну и переволновался я во время дознания. Господи, я и не подозревал, что Инглторп может быть настолько недальновиден, чтобы не сказать вообще ни единого слова. Так ведут себя только сумасшедшие!

— Почему же, его действия становятся понятными, если допустить, что Инглторп все-таки виновен. В этом случае ему остается только молчать, поскольку сказать он ничего не может.

— Как это не может? Будь я на его месте, я бы уже придумал десяток версий, одна убедительнее другой, во всяком случае, убедительнее, чем его упрямое молчание!

Я рассмеялся.

— Дорогой Пуаро, я не сомневаюсь, что вы в состоянии придумать и сотню таких версий, но скажите, неужели вы и сейчас продолжаете верить в невиновность Альфреда Инглторпа?

— А почему бы и нет? По-моему, ничего не изменилось.

— Но свидетельские показания были очень убедительными.

— Да, я бы даже сказал, что они слишком убедительны.

— Вот именно — слишком убедительны!

Мы подошли к Листвэйз и поднялись по знакомой лестнице.

— В том-то и дело, что они слишком убедительны,— пробормотал Пуаро.— Настоящие свидетельские показания всегда немного расплывчаты и убедительны не до конца. Их надо скрупулезно изучать, отсеивать лишнее. А в нашем случае эта работа уже проделана, и все факты выстроены в стройном порядке. Нет, друг мой, кто-

то здесь тщательно поработал, причем настолько тщательно, что выдал себя этим.

— Чем вы это объясняете?

— Тем, что, если бы показания против него были запутаны и противоречивы, их было бы трудно опровергнуть. Но сейчас, когда преступник уже почти затянул петлю на шее Инглторпа, ее с легкостью можно скинуть.

Я молча слушал своего друга.

Пуаро продолжал:

— Давайте рассуждать здраво. Допустим, есть человек, который хочет отравить собственную жену. Он не богат, но ухитряется постоянно обеспечивать себя деньгами. Поэтому надо предположить, что хитрости ему не занимать. И как же он осуществляет свой замысел? Он спокойно идет в ближайшую аптеку, покупает стрихнин, ставит свою подпись в журнале и сочиняет при этом глупейшую историю про несуществующую собаку. Но в этот вечер он не использует яд, нет, он ждет, пока произойдет скандал с женой, о котором знает весь дом, и, следовательно, навлекает на себя еще большее подозрение. Он не пытается защитить себя, не представляет даже мало-мальски правдоподобных алиби, хотя знает, что помощник аптекаря непременно выступит с показаниями... Нет, друг мой, не пытайтесь меня убедить, что на свете существуют подобные идиоты. Только сумасшедший, решивший покончить счеты с жизнью, может вести себя подобным образом.

— Но тогда я не понимаю...— начал я.

— Я тоже не понимаю! Я, Эркюль Пуаро!

— Но если вы уверены, что Инглторп невиновен, скажите зачем же ему было покупать стрихнин?

— А он его и не покупал!

— Но Мэйс узнал его!

— Простите, друг мой, но Мэйс видел всего лишь человека с черной бородой, как у мистера Инглторпа, в очках, как у мистера Инглторпа, и одетого в экстравагантные наряды мистера Инглторпа. Он при всем желании не мог бы узнать человека, которого ни разу не видел вблизи, ведь он всего две недели как поселился в Стайлз Сент-Мэри, к тому же миссис Инглторп имела дело в основном с аптекой Кута в Тэдминстере.

— Вы хотите сказать...

— Друг мой, помните те два факта, на которые я

просил вас обратить внимание? Первый пока оставим, а какой был второй?

— То, что Альфред Инглторп одевается крайне необычно, имеет черную бороду и носит очки,— процитировал я по памяти.

— Правильно. А теперь предположим, что кто-то хочет, чтобы его приняли за Джона или Лоуренса Кавендиша. Как вы думаете, легко это сделать?

— Н-нет,— пролепетал я удивленно.— Хотя, конечно, актер...

Но Пуаро резко перебил меня.

— А почему это трудно? Да потому, друг мой, что оба они гладко выбриты. Чтобы среди бела дня кого-нибудь приняли за Лоуренса или Джона, надо быть гениальным актером и обладать при этом определенным природным сходством. Но в случае Альфреда Инглторпа все гораздо проще. Его одежда, борода, очки, скрывающие глаза,— все это легко узнаваемо. А какое первое желание преступника? Отвести от себя подозрение! Как это проще всего сделать? Конечно, заставить подозревать кого-нибудь другого! Мистер Инглторп очень подходил для этой роли. В глазах обитателей дома Альфред Инглторп всегда был человеком, способным на любую подлость. Такое предвзятое отношение и привело к тому, что он сразу попал под подозрение. Но чтобы погубить его наверняка, требовался какой-нибудь неопровержимый факт, скажем, то, что он собственноручно купил стрихнин. Учитывая его характерную внешность, организовать это было совсем нетрудно. Не забывайте, мистер Мэйс никогда по-настоящему не общался с Альфредом Инглторпом, как же он мог догадаться, что человек в одежде мистера Инглторпа, в его очках и с его бородой не был мистером Инглторпом?

— Возможно, это и так,— согласился я, сраженный красноречием своего друга,— но почему в таком случае Альфред не сказал, где он находился в шесть вечера в понедельник?

— Действительно, почему? — тихо спросил Пуаро.— Наверное, если его арестуют, он скажет это, но я не могу доводить дело до ареста. Мой долг в том, чтобы Инглторп понял, какая над ним нависла угроза. Конечно, молчит он неспроста, наверняка есть какая-то мерзость, которую он хочет скрыть. Хотя Инглторп и не

убивал свою жену, он все равно останется негодяем, которому есть что скрывать.

— Что же это может быть? — пробормотал я, побежденный доводами Пуаро. Однако в глубине души я все еще питал слабую надежду на то, что первоначальная ясная схема, в которую укладывались все свидетельские показания, окажется в конце концов верной.

— А вы сами не догадываетесь? — спросил Пуаро улыбаясь.

— Нет.

— А мне вот недавно пришла в голову одна идея, которая теперь полностью подтвердилась.

— Вы мне не говорили об этом,— сказал я с упреком.

Пуаро развел руками.

— Простите, друг мой, но вы сами держали меня на некотором отдалении. Скажите, Хастингс, я убедил вас, что он не должен быть арестован?

— Отчасти,— нерешительно произнес я, будучи совершенно равнодушен к судьба Инглторпа и полагая, что припугнуть его будет нелишне.

Пуаро внимательно посмотрел на меня и вздохнул.

— Ладно, друг мой, скажите мне лучше, что вы думаете о фактах, которые всплыли во время дознания?

— По-моему, мы не услышали ничего нового.

— Неужели вас ничто не удивило?

Я сразу подумал о показаниях Мэри Кавендиш.

— Что, например?

— Ну, скажем, выступление Лоуренса Кавендиша.

У меня стало легче на душе.

— А, вы говорите о Лоуренсе? Но ведь он всегда отличался излишней впечатлительностью.

— И тем не менее вам не показалось странным его предположение, что причиной смерти миссис Инглторп могло быть лекарство, которое она принимала?

— Нет. Хоть врачи и отвергли такую возможность, но для человека неискушенного подобное предположение было вполне естественным.

— Но месье Лоуренса трудно назвать неискушенным, вы же сами говорили, что он изучал медицину и даже имеет врачебный диплом.

— А ведь действительно! Мне это не приходило в голову. В таком случае, его слова действительно кажутся странными.

Пуаро кивнул.

— С самого начала в его поведении есть что-то непонятное. Из всех обитателей дома он единственный должен был сразу распознать симптомы отравления стрихнином, но случилось наоборот — лишь он один до сих пор допускает возможность естественной смерти; если бы это предположение выдвинул Джон, я бы не удивился. Он не специалист и к тому же немного тугодум по натуре. Но Лоуренс — это совсем другое дело. Тем не менее он выдвинул предположение, абсурдность которого должен был понимать лучше других. Друг мой, тут есть над чем подумать!

— Да, странно.

— А миссис Кавендиш! Она ведь тоже не рассказывает всего, что знает. Как вы это расцениваете?

— Для меня ее поведение совершенно непонятно. Не может же она выгораживать Инглторпа? Хотя внешне это выглядит именно так...

Пуаро задумчиво кивнул.

— Согласен. В одном лишь я не сомневаюсь. Сидя у раскрытого окна, миссис Кавендиш слышала гораздо больше, чем те несколько фраз, о которых она говорила.

— И в то же время трудно поверить, что Мэри могла намеренно подслушивать чужой разговор.

— Правильно. Но ее показания все-таки дали мне кое-что. Я ошибался, Хастингс, и Доркас была права, ссора действительно произошла около четырех.

Я удивленно взглянул на Пуаро — дались ему эти полчаса!

— Да, сегодня выяснилось много странных фактов,— продолжал мой друг.— К примеру, доктор Бауэрстайн, что он делал среди ночи возле усадьбы? Странно, что никого это не удивляет.

— Может быть, у него бессонница,— предположил я неуверенно.

— Если вы правы, то это только осложнит наше расследование.

— Что еще не понравилось моему другу во время дознания? — спросил я с улыбкой.

— Хастингс,— хмуро ответил Пуаро,— если вы обнаруживаете, что люди говорят неправду, будьте осторожны. Либо я очень сильно заблуждаюсь, либо из всех выступавших лишь один, от силы два человека рассказали все, что они знают.

— Пуаро, вы увлекаетесь! Допустим, что Лоуренс и миссис Кавендиш не были до конца искренни, но уж Джон и мисс Ховард, без сомнения, говорили только правду.

— Оба? Ошибаетесь, друг мой, только один из них!

Я даже вздрогнул от этих слов. Мисс Ховард, хотя и говорила всего пару минут, произвела на меня такое сильное впечатление, что я бы никогда не усомнился в ее искренности. С другой стороны, я очень уважал мнение Пуаро, за исключением, правда, тех случаев, когда он проявлял свое ослиное упрямство.

— Вы так думаете? Странно, мне мисс Ховард всегда казалась на редкость честной и бескомпромиссной, порой даже чересчур.

Пуаро бросил на меня какой-то странный взгляд, значение которого я так и не понял. Он хотел что-то сказать, но передумал.

— А мисс Мердок,— продолжал я,— уверен, что и она ничего не скрывала.

— А вам не кажется странным, что она не слышала, как в соседней комнате с грохотом упал столик, в то время как миссис Кавендиш в другом крыле здания слышала это отчетливо?

— Видимо, она очень крепко спала.

— С такими способностями, Хастингс, надо выступать в цирке!

Я не успел ответить на эту бесцеремонную реплику, поскольку в этот момент во входную дверь постучали, и, выглянув в окно, мы увидели, что двое детективов поджидают нас внизу.

Пуаро взял шляпу, лихо завернул кончики усов и смахнул с рукавов несуществующие пылинки, после чего мы спустились вниз и вместе с детективами отправились в Стайлз.

Появление полицейских из Скотленд-Ярда вызвало некоторое замешательство среди обитателей усадьбы. Особенно это касалось Джона.

По дороге Пуаро о чем-то тихо беседовал с Джеппом, и, как только мы оказались в усадьбе, инспектор потребовал, чтобы все обитатели дома, за исключением прислуги, собрались в гостиной. Я сразу понял, в чем дело: Пуаро всегда был неравнодушен к внешним эффектам.

Меня мучили сомнения по поводу того, что затеял

мой друг,— он может сколько угодно утверждать, что Инглторп невиновен, но Саммерхэй не из тех, кто поверит ему на слово, и я опасался, что Пуаро не сможет предоставить достаточно веские доказательства.

Через некоторое время все наконец собрались в гостиной, и Джепп плотно прикрыл дверь. Пуаро суетился, усаживая собравшихся, в то время как в центре внимания были, естественно, люди из Скотленд-Ярда. Думаю, только сейчас все окончательно поняли, что это был не кошмарный сон, нет, жестокое убийство произошло на самом деле, и мы сами были участниками событий, о которых раньше читали только в книгах. Завтра, наверное, все газеты Англии выйдут с сенсационными заголовками:

Загадочное убийство в Эссексе!!!
Отравление богатой леди!!!

Появятся фотографии Стайлз и родственников, выходящих из зала суда (местный фотограф не терял времени даром). Прошло несколько минут, и мои размышления были прерваны: слово взял Пуаро.

Думаю, все были несколько удивлены, что он, а не представитель Скотленд-Ярда будет говорить первым.

— Мадам, месье,— произнес Пуаро, низко поклонившись, как некая знаменитость перед началом публичной лекции,— я созвал вас сюда не случайно. Дело касается мистера Альфреда Инглторпа.

Инглторп сидел немного в стороне; наверное, каждый инстинктивно стремился сесть подальше от предполагаемого убийцы. Альфред чуть заметно вздрогнул, когда Пуаро произнес его имя.

— Мистер Инглторп,— обратился к нему Пуаро,— над этим домом нависла мрачная тень, тень убийства.

Инглторп печально кивнул и пробормотал:

— Моя несчастная жена... бедняжка... как это ужасно!

— Я полагаю, месье, вы даже не подозреваете, насколько это ужасно для вас!

Инглторп никак не отреагировал на эти слова, и Пуаро продолжал:

— Мистер Инглторп, вы находитесь в большой опасности.

Оба детектива нервно заерзали в своих креслах. Мне казалось, что Саммерхэй уже готов был произнести официальную преамбулу: «Все, что вы скажете, может быть использовано против вас».

Пуаро снова обратился к Инглторпу.

— Вы меня понимаете, месье?

— Нет. О какой опасности вы говорите?

— Я говорю о том,— отчетливо произнес Пуаро,— что вы подозреваетесь в убийстве собственной жены.

При этих словах многие из присутствующих нервно вздрогнули.

— Боже мой,— воскликнул Инглторп,— что за чудовищное предположение! Я убил несчастную Эмили!

Мой друг пристально взглянул на него.

— Мне кажется, вы не совсем понимаете, в каком невыгодном свете вы предстали во время дознания. Итак, учитывая то, что я сейчас сказал, вы по-прежнему отказываетесь сказать, где вы находились в шесть часов вечера в понедельник?

Инглторп застонал, опустил голову и закрыл лицо ладонями. Пуаро подошел к нему вплотную и вдруг угрожающе крикнул:

— Говорите!

Инглторп медленно поднял глаза и отрицательно покачал головой.

— Вы не будете говорить?

— Нет. Я не верю, что меня можно обвинить в таком чудовищном преступлении.

Пуаро задумчиво кивнул, словно решаясь на что-то.

— Будь по-вашему... тогда я скажу это сам!

Инглторп снова вздрогнул.

— Вы?! Откуда вы можете знать? Я же...— он неожиданно замолчал.

Пуаро повернулся к собравшимся.

— Мадам, месье. Говорить буду я, Эркюль Пуаро! Я утверждаю, что человек, покупавший стрихнин в 6 часов вечера в понедельник, не был мистером Инглторпом, так как в это время он провожал домой миссис Райкес, возвращавшуюся с соседней фермы. Есть по меньшей мере пять свидетелей, видевших их вместе в шесть и даже немного позже. Как известно, Эбби Фарм, дом миссис Райкес, расположен в двух милях от Стайлз Сент-Мэри, поэтому алиби мистера Инглторпа сомнений не вызывает.

На мгновение все замерли, потрясенные словами моего друга. Первым нарушил молчание Джепп, видимо, меньше других склонный к эмоциям.

— Потрясающе! Вы просто великолепны, мистер Пуаро, надеюсь, ваши свидетели надежны?

— Конечно. Вот список с их именами. Вы можете встретиться с каждым из них лично. Но, уверяю вас, я отвечаю за свои слова!

— Не сомневаюсь в этом.— Джепп понизил голос.— Весьма благодарен вам, месье Пуаро. Действительно, арест Инглторпа был бы величайшей глупостью.

Он повернулся к Инглторпу.

— Сэр, почему же вы не могли сказать об этом во время дознания?

— Я вам отвечу, почему,— перебил его Пуаро.— Кое-кто распускает слухи, что...

— Все эти слухи — газетная клевета! — возмущенно воскликнул Инглторп.

— Понятно, что мистер Инглторп не хотел сейчас еще и второго скандала. Я прав?

— Вы совершенно правы. Сейчас, когда Эмили еще не предали земле, я делал все возможное, чтобы не дать пищу для этих оскорбительных и лживых слухов.

— Сэр,— сказал Джепп,— честно говоря, я бы предпочитал несправедливые слухи несправедливому аресту по обвинению в убийстве. Уверен, что будь миссис Инглторп жива, она бы вам сказала то же самое. Не окажись здесь вовремя месье Пуаро, вас бы наверняка арестовали!

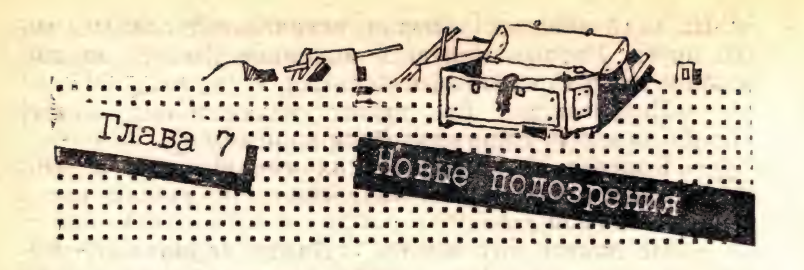
— Да, я вел себя глупо,— пробормотал Инглторп,— но, инспектор, если бы вы только знали, до какой степени оклеветали и опозорили мое честное имя.

И он злобно посмотрел в сторону Эвелин Ховард.

— Сэр,— обратился инспектор к Джону Кавендишу,— я бы хотел осмотреть спальню вашей матери и после этого, если позволите, немного побеседовать с прислугой. Мистер Пуаро проводит меня, так что вы можете заниматься своими делами.

Все вышли из комнаты, и Пуаро кивнул мне, чтобы я следовал за ним наверх. На лестнице он тихо сказал:

— Быстро идите в противоположное крыло. Встаньте возле занавешенной двери и никуда не уходите, пока я не приду.

Он быстро догнал детективов и начал обсуждать с ними какие-то вопросы.

Я тем временем встал возле двери, недоумевая, зачем это могло понадобиться моему другу.

И почему надо охранять именно эту дверь? Но, кажется, я все-таки догадался, в чем дело: за исключением комнаты Цинции Мердок, все остальные комнаты находились в левом крыле. Видимо, мне надо было следить за теми, кто появится в коридоре. Я бдительно нес свою вахту, но проходила минута за минутой, а в коридоре было пусто.

Примерно через двадцать минут появился Пуаро.

— Вы никуда не отлучались отсюда?

— Нет, я был неподвижен, как скала, но ничего так и не произошло.

— Так-так.

Непонятно, был ли Пуаро разочарован или наоборот.

— Значит, вы ничего не видели?

— Нет.

— Может быть, вы что-нибудь слышали, скажем, какой-нибудь шум? Вспомните, Хастингс.

— Нет, все было тихо.

— Странно. Знаете, я так зол на себя: меня ведь нельзя назвать неуклюжим, но на этот раз я сделал неосторожное движение рукой (знаю я эти неосторожные движения своего друга!), и столик, стоявший возле кровати, рухнул на пол.

Пуаро выглядел таким расстроенным, что я поспешил его успокоить.

— Ничего страшного, старина, просто вас немного взбудоражил триумф с Инглторпом. Ведь все буквально опешили от того, что вы сказали. В отношениях

Альфреда и миссис Райкес наверняка есть нечто, что заставляет его так упорно молчать. Пуаро, что вы собираетесь предпринять сейчас? И кстати, где люди из Скотленд-Ярда?

— Они спустились вниз, чтобы поговорить с прислугой. Я показал им все наши находки, но Джепп разочаровал меня — в его действиях нет системы.

— Принимайте гостей,— сказал я, взглянув в окно.— Смотрите, доктор Бауэрстайн, собственной персоной. Видимо, вы правы по поводу этого человека, мне он тоже не нравится.

— Однако он умен,— задумчиво произнес мой друг.

— Ну и что с того? Все равно он очень неприятный тип. Признаюсь, то, что произошло с ним во вторник, доставило мне истинное удовольствие. Вы даже не представляете, что это было за зрелище!

Я рассказал Пуаро историю, происшедшую с доктором Бауэрстайном.

— Клянусь, он выглядел как настоящее чучело — весь, с головы до ног, в грязи.

— Так вы видели его?

— Да, сразу после обеда. Он, конечно, не хотел заходить, но мистер Инглторп буквально силой затащил его в дом.

— Что?! — Пуаро порывисто схватил меня за плечи.— Доктор Бауэрстайн был здесь во вторник, и вы мне ничего не сказали?! Почему вы не сказали раньше? Почему?! — Он был совершенно вне себя.

— Пуаро, дорогой,— попытался я успокоить своего друга,— у меня и в мыслях не было, что это может вас заинтересовать. Эпизод казался мне настолько незначительным...

— Незначительным?! Да это же меняет все дело! Ведь доктор Бауэрстайн был здесь во вторник вечером, то есть непосредственно перед убийством. Вы понимаете это, Хастингс, или нет? Как же вы могли не сказать раньше?

Я никогда не видел Пуаро таким расстроенным.

Однако через несколько минут, взяв себя в руки, он пробормотал:

— Да, несомненно, это меняет все дело.

Неожиданно ему в голову пришла какая-то мысль.

— Пойдемте. Нельзя терять ни минуты. Где мистер Кавендиш?

Мы нашли Джона в курительной. Пуаро быстро подошел к нему и сказал:

— Мистер Кавендиш, мне срочно нужно в Тэдминстер. Возможно, я обнаружу новые улики. Разрешите воспользоваться вашим автомобилем?

— Конечно. Он вам нужен прямо сейчас?

— Да, если позволите.

Джон позвонил в колокольчик и приказал завести машину.

Через 10 минут мы уже были в пути в Тэдминстер.

— Пуаро,— робко начал я,— может быть, вы объясните мне, что происходит?

— Друг мой, о многом вы можете догадаться сами. Понятно, что теперь, когда мистер Инглторп оказался вне подозрения, положение сильно изменилось. Сейчас перед нами совершенно иная ситуация. Мы выяснили, что он не покупал стрихнин. Мы обнаружили сфабрикованные улики. Теперь надо найти настоящие. В принципе, любой из обитателей усадьбы, кроме миссис Кавендиш, игравшей в тот вечер с вами в теннис, мог попытаться выдать себя за мистера Инглторпа. Далее, он утверждает, что оставил кофе в холле. Во время дознания никто не обратил внимания на эти слова, но сейчас они приобрели первостепенное значение. Следует выяснить, кто отнес кофе миссис Инглторп и кто проходил через холл, пока чашка находилась там. Из ваших слов следует, что только двое были достаточно далеко — миссис Кавендиш и мадемуазель Цинция.

— Совершенно верно.

Я почувствовал глубокое облегчение — миссис Кавендиш выходила из числа подозреваемых.

— Снимая подозрения с Альфреда Инглторпа, я был вынужден раскрыть свои карты раньше, чем хотел бы. Пока я создавал видимость, что подозреваю Инглторпа, преступник, вероятно, не проявлял особой бдительности. Теперь же он будет вдвойне осторожен. Да, да — вдвойне.

Пуаро посмотрел мне в глаза.

— Скажите, Хастингс, вы лично кого-нибудь подозреваете?

Я помедлил, не зная, говорить ли Пуаро об одной необычной мысли, пришедшей мне в голову еще утром. Идея показалась мне совершенно абсурдной, и я по-

пытался забыть о ней, но нет, мысль эта не давала мне покоя.

— Я бы не назвал это подозрением, поскольку мое предположение выглядит очень странно.

— Говорите не стесняясь,— подбодрил меня Пуаро,— надо доверять своему чутью.

— Хорошо, я скажу. Пусть это звучит дико, но я подозреваю, что мисс Ховард не говорит всего, что знает.

— Мисс Ховард?

— Да, вы будете смеяться надо мной, но...

— Почему же я должен смеяться над вами?

— Мне кажется,— сказал я,— что мы автоматически исключаем мисс Ховард из числа подозреваемых лишь на том основании, что ее не было в Стайлз. Но, если разобраться, Эви находилась в каких-то 15 милях отсюда. Это полчаса езды на машине. Можем ли мы с уверенностью утверждать, что в ночь убийства ее здесь не было?

— Да, друг мой,— неожиданно произнес Пуаро,— мы можем это утверждать. Одним из моих первых действий был звонок в госпиталь, где она работала.

— И что вы узнали?

— Я выяснил, что мисс Ховард работала во вторник в вечернюю смену. В конце ее дежурства привезли много раненых, и она благородно предложила остаться и помочь ночной смене. Ее предложение было с благодарностью принято. Так что здесь все чисто, Хастингс.

— Вот как,— растерянно пробормотал я,— честно говоря, именно ненависть, которую она испытывает к Инглторпу, и заставила меня подозревать Эви. Такой человек способен на все. Вот я и подумал, что она может что-то знать по поводу сожженного завещания. Кстати, мисс Ховард сама могла сжечь новое завещание, ошибочно приняв его за то, в котором наследником объявлялся Альфред Инглторп. Ведь она его так ненавидит!

— Вы находите ее ненависть неестественной?

— Да, Эви прямо вся дрожит при виде Альфреда. Боюсь, как бы она вообще не помешалась на этой почве.

Пуаро покачал головой.

— Что вы, друг мой, мисс Ховард прекрасно владеет собой. Для меня она является образцом истинно анг-

лийской невозмутимости. Поверьте, Хастингс, вы на ложном пути.

— Тем не менее ее ненависть к Инглторпу переходит все границы. Мне в голову пришла мысль — довольно странная, не спорю,— что она собиралась отравить Альфреда, но яд по ошибке попал к миссис Инглторп. Хотя я не представляю, как это случилось. Да, Пуаро, нелегко будет распутать этот клубок.

— И все же вы правы в одном. Снять подозрение с человека можно лишь тогда, когда вы сами, перед лицом неопровержимых доказательств, убедитесь в его невиновности. А какие у нас есть доказательства, что мисс Ховард не могла собственноручно отравить миссис Инглторп?

— Но она же была так ей предана!

— Ну-у, друг мой,— недовольно проворчал Пуаро,— вы рассуждаете, как ребенок. Если она могла отравить миссис Инглторп, она, без сомнения, могла инсценировать и безграничную преданность. Вы совершенно правы, утверждая, что ее ненависть к Альфреду Инглторпу выглядит несколько неестественно, но вы сделали из этого совершенно неверные выводы. Я сделал другие, надеюсь, что правильные, но предпочел бы пока не говорить о них.

Пуаро немного помолчал, потом с уверенностью добавил:

— Есть обстоятельство, заставляющее усомниться в виновности мисс Ховард.

— Какое?

— Я не вижу, что она выигрывает от смерти миссис Инглторп. А убийств без причины не бывает!

Я задумался.

— А не могла миссис Инглторп составить завещание в ее пользу?

Пуаро покачал головой.

— И все же миссис Инглторп могла составить такое завещание. Скажем, ее предсмертное завещание, неизвестно, кто...

Мой друг так энергично запротестовал, что я осекся.

— Нет, Хастингс, у меня есть определенные соображения по поводу этого завещания. Уверяю вас, оно было не в пользу мисс Ховард.

Я поверил своему другу, хотя не понимал, как он мог говорить с такой уверенностью.

— Что ж,— сказал я со вздохом,— с мисс Ховард подозрения снимаются. Сказать по правде, я и подозревать-то ее начал благодаря вам. Помните, что вы сказали по поводу ее показаний на дознании?

— Нет, не помню. А что я сказал?

— Неужели забыли? Я еще говорил, что она и Джон вне подозрений, а вы...

— Ах, да!

Пуаро немного смутился, но быстро обрел свою обычную невозмутимость.

— Кстати, Хастингс, мне нужна ваша помощь.

— В чем?

— Когда вы окажетесь наедине с Лоуренсом Кавендишем, скажите, что я просил передать ему следующее: «Найдите еще одну кофейную чашку, и все будет нормально». Ни слова меньше, ни слова больше.

— Найдите еще одну кофейную чашку, и все будет нормально? — переспросил я удивленно.

— Совершенно верно.

— Что это означает?

— А это уж догадайтесь сами. Вы знаете все факты. Итак, Хастингс, просто скажите ему эти слова и посмотрите, как он прореагирует.

— Хорошо, я скажу, хотя и не понимаю, что это значит.

Тем временем мы приехали в Тэдминстер, и Пуаро остановился около здания с вывеской «Химическая лаборатория».

Мой друг быстро выскочил из автомобиля и вошел в лабораторию. Через несколько минут он возвратился.

— Все в порядке, Хастингс.

— Что вы там делали?

— Оставил им кое-что для анализа.

Я был весьма заинтригован.

— А вы не можете сказать, что именно?

— Остатки какао, которые мы обнаружили в спальне.

— Но результат этого анализа уже известен! — воскликнул я удивленно.— Доктор Бауэрстайн собственноручно сделал его, и, помнится, вы сами смеялись над предположением, что там может быть стрихнин.

— Да, анализ сделан именно Бауэрстайном,— тихо проговорил Пуаро.

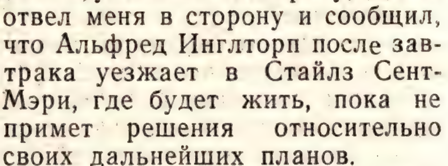
— Так в чем же дело?

— Хастингс, мне бы хотелось повторить его.

Пуаро замолчал, и мне больше не удалось вытянуть из него ни слова. Честно говоря, я терялся в догадках, зачем понадобился еще один анализ. Но, как бы то ни было, я верил в интуицию своего друга. А ведь еще совсем недавно мне казалось, что время его прошло, но теперь, когда невиновность Инглторпа подтвердилась, он снова стал для меня непререкаемым авторитетом.

На следующий день состоялись похороны миссис Инглторп.

В понедельник, когда я спустился к завтраку, Джон отвел меня в сторону и сообщил, что Альфред Инглторп после завтрака уезжает в Стайлз Сент-Мэри, где будет жить, пока не примет решения относительно своих дальнейших планов.

— Сказать по правде, Хастингс, это большое облегчение для всех,— добавил Джон.— Присутствие Инглторпа в доме очень тяготило нас и раньше, когда он подозревался в убийстве, теперь же, как ни странно, оно стало просто невыносимо — нам стыдно взглянуть Альфреду в глаза. Конечно, все улики были против него и нас трудно упрекнуть в предвзятости, однако Инглторп оказался невиновен, и теперь мы должны как-то загладить свою вину. Это стало настоящей пыткой для всех обитателей дома, поскольку и сейчас особо теплых чувств к Альфреду никто не испытывает. Словом, мы попали в чертовски затруднительное положение. Я рад, что у него хватило такта уехать отсюда. Хорошо, что хоть усадьба нам досталась. Мне даже представить страшно, что этот тип мог стать хозяином Стайлз! Хватит с него маминых денег!

— Надеюсь, у тебя хватит средств на содержание усадьбы?

— Я тоже надеюсь на это. Похороны, конечно, влетят в копеечку, но все-таки мне причитается половина отцовского состояния, да и Лоуренс пока собирается жить здесь, так что я могу рассчитывать на его долю. Сначала, правда, придется вести хозяйство очень экономно, ведь я тебе уже говорил, что мои личные финансовые дела находятся в плачевном состоянии. Но нас ждут, пойдем, Хастингс.

Весть об отъезде Инглторпа так всех обрадовала, что завтрак получился самым приятным и непринужденным за все время после смерти миссис Инглторп. Цинция вновь обрела былое очарование, и все мы, за исключением Лоуренса, который был по-прежнему мрачен, предавались радужным мечтам о будущем.

Газеты тем временем оживленно обсуждали ход расследования.

Кричащие заголовки и биографии всех без исключения обитателей усадьбы соседствовали рядом с самыми невероятными предположениями. Появились слухи, что полиция уже напала на след убийцы. На фронте наступило временное затишье, и газеты, казалось, целиком переключились на обсуждение «Таинственного происшествия в Стайлз». Словом, мы неожиданно оказались в центре внимания, что было очень тягостно для братьев Кавендишей.

Толпы репортеров, которым было запрещено входить в дом, шныряли вокруг усадьбы, пытаясь сфотографировать какого-нибудь зазевавшегося обитателя Стайлз.

Все это, конечно, очень осложняло наше существование, тем более что детективы из Скотленд-Ярда тоже не сидели на месте — они постоянно что-то осматривали, допрашивали свидетелей и ходили с чрезвычайно загадочным видом. Но напали они на след убийцы, или преступление так и останется нераскрытым — этого мы не знали: полицейские наотрез отказались отвечать на вопросы.

После завтрака ко мне подошла Доркас и взволнованным голосом сказала, что хочет кое-что сообщить.

— Слушаю вас, Доркас.

— Сэр, я вот по какому делу. Вы сегодня увидите бельгийского джентльмена?

Я утвердительно кивнул.

— Так вот, помните, он спрашивал, у кого есть зеленое платье?

— Конечно, помню! Неужели вы нашли его?!

— Не совсем, сэр. Просто я вдруг вспомнила про сундук, который молодые хозяева (Джон и Лоуренс для Доркас были все еще молодые хозяева) называют маскарадным. Он на чердаке стоит, большой такой сундук со всяким барахлом. Вот я и подумала, что там может отыскаться какое-нибудь зеленое платье. Поэтому, если вы сможете найти бельгийского джентльмена...

— Я его обязательно найду, Доркас.

— Спасибо, сэр. Он мне так нравится, не то что эти двое из Скотленд-Ярда, которые повсюду суют свой нос и пристают с глупыми расспросами. Я не очень-то люблю иностранцев, но этот бельгиец — совсем другое дело. Газеты о нем очень хорошо пишут, да я сама вижу — он такой вежливый, такой учтивый.

Милая Доркас! Я смотрел на ее открытое, честное лицо и с грустью думал, что в старые времена подобную экономку можно было встретить в любом доме, теперь же, увы, их почти не осталось.

Я решил срочно разыскать Пуаро и отправился к нему в Листвэйз, но на полпути встретил своего друга, который как раз шел в усадьбу. Я рассказал ему о предположении Доркас.

— Славная Доркас! — воскликнул Пуаро.— Какая она умница! Может быть, этот сундук преподнесет сюрприз. Надо взглянуть, что там находится.

Когда мы зашли в дом, в прихожей никого не было, и мы сразу отправились на чердак.

Там действительно стоял старинный, обитый медными гвоздями сундук, до краев наполненный ненужным хламом.

Пуаро начал аккуратно выкладывать его содержимое на пол. Среди прочего мы увидели два зеленых платья, но моего друга не устроил их цвет. Неторопливо, словно уверовав в безрезультатность наших поисков, Пуаро продолжал рыться в сундуке. Неожиданно он воскликнул:

— А это что такое? Взгляните, Хастингс!

На две сундука лежала огромная черная борода!

— Вот это да! — проговорил Пуаро, рассматривая свою находку.— К тому же она совсем новая.

Немного поколебавшись, он положил бороду обратно

в сундук, снова наполнил его старьем, валявшимся на полу, и мы быстро спустились вниз.

Мой друг сразу направился в кладовую, где мы увидели Доркас, чистящую столовое серебро.

— Доброе утро, Доркас. Я вам весьма признателен за то, что вы вспомнили о существовании сундука. Мы только что осмотрели его содержимое. Господи, сколько там всякого барахла! Неужели его кто-нибудь надевает?

— Как вам сказать, сэр. Носить мы это не носим, но, знаете, время от времени молодежь устраивает маскарады, и тогда весь этот хлам извлекается на белый свет. Если бы вы только видели, как весело проходят эти вечера! Все так наряжаются, что порой и не узнать друг друга. Особенно мистера Лоуренса, он же настоящий артист! Даже вы бы его не узнали, сэр. Помню, однажды он нарядился персидским шахом, подбежал ко мне с картонным мечом да как закричит: «Берегись, Доркас! Мой ятаган не знает пощады! В момент отрублю тебе голову, если будешь перечить своему хозяину!» А мисс Цинция! Она нарядилась этим... как его, апашем, знаете, такие разбойники французские? Вы бы ее тоже ни за что не узнали. Кто бы мог подумать, что прекрасная юная леди может выглядеть как заправский головорез!

— Да, я представляю, как это было весело,— сказал Пуаро, — Кстати, когда мистер Лоуренс наряжался персидским шахом, он использовал черную бороду, которую мы нашли в сундуке?

— Конечно, у него была борода,— смеясь, ответила Доркас.— Уж мне-то ее не знать! Ведь чтобы ее сделать, мистер Лоуренс взял у меня два мотка черной пряжи. Клянусь вам, сэр, она издали выглядела точь-в-точь как настоящая. Но я не знала, что в сундуке есть есть еще одна борода. Она там, видимо, недавно. Вот рыжий парик я помню, а про бороду так в первый раз слышу. Обычно они разрисовывали лицо жженой пробкой, хотя отмывать ее морока. Мисс Цинция как-то нарядилась негром, так мы потом ее лицо битый час скребли, чтобы она снова превратилась в белую леди.

Когда мы вышли в холл, Пуаро задумчиво произнес:

— Итак, Доркас ничего не знает про бороду.

— Вы думаете, это и есть т а с а м а я? — спросил я с надеждой.

Пуаро кивнул.

— Уверен. Вы заметили, что ее подравнивали ножницами?

— Нет.

— А я вот заметил. Она выглядела точь-в-точь как борода мистера Инглторпа. Я даже нашел на дне сундука несколько состриженных волосков. Да, Хастингс, это очень непростое дело.

— Интересно, кто же положил ее в сундук?

— Тот, кто обладает чертовской хитростью,— сухо ответил Пуаро.— Обратите внимание, чтобы спрятать бороду, он выбрал самое надежное место во всем доме. Но нам надо быть еще хитрее. Нам надо быть настолько хитрыми, чтобы преступник не заподозрил, что мы вообще можем схитрить.

Я молча согласился.

— И в этом, друг мой, мне очень понадобится ваша помощь.

Я был польщен доверием Пуаро. Сказать по правде, мне всегда казалось, что он не в полной мере использует мои способности.

— Да,— задумчиво добавил Пуаро, глядя мне в глаза,— ваша помощь будет просто неоценима.

Я снисходительно улыбнулся, но следующие слова моего друга оказались не столь приятными.

— Хастингс, мне нужен помощник из числа живущих в усадьбе.

— Но разве я вам не помогаю?

— Помогаете, но мне этого недостаточно.

Увидев, что я обижен его словами, Пуаро поспешно добавил:

— Вы меня не поняли. Все знают, что мы работаем вместе, а мне нужен человек, сотрудничество которого с нами оставалось бы тайной.

— А, понятно! Может быть, Джон?

— Нет, не подходит.

— Да, возможно, он не слишком сообразителен.

— Смотрите, Хастингс, сюда идет мисс Ховард. Она как нельзя лучше подходит для нашей цели. Правда, Эви зла на меня за то, что я снял подозрения с мистера Инглторпа, но все же попробуем.

Пуаро попросил мисс Ховард задержаться на несколько минут, на что она ответила более чем сдержанным кивком.

Мы зашли в небольшую беседку, и Пуаро плотно закрыл дверь.

— Ну, месье Пуаро, выкладывайте, что там у вас,— нетерпеливо сказала мисс Ховард.— Только быстро, я очень занята.

— Мадемуазель, помните, я как-то обратился к вам за помощью?

— Помню. Я ответила, что с удовольствием помогу вам — повесить Альфреда Инглторпа.

— Да-да,— Пуаро взглянул на Эви.— Мисс Ховард, я хотел бы задать вам один вопрос. Очень прошу вас ответить на него откровенно.

— Не имею привычки врать.

— Я знаю. Тогда скажите, вы до сих пор уверены, что миссис Инглторп была отравлена своим мужем?

— А что, ваши речи должны были убедить меня в обратном? Да, я могу допустить, что стрихнин был куплен не Инглторпом. Ну и что? Я же вас предупреждала, что он хитрая лиса.

— Похоже, что это был не стрихнин, а мышьяк,— тихо произнес Пуаро.

— Какая разница? Бедной Эмили безразлично, мышьяком ее прикончили или стрихнином. Если уж я убеждена, что Инглторп убил ее, мне совершенно наплевать, как он это сделал.

— Вот именно. Весь вопрос в том, насколько вы убеждены в его виновности. Я задам свой вопрос иначе.

Неужели в глубине души вы никогда не сомневались, что он отравил миссис Инглторп?

— Боже упаси! — воскликнула мисс Ховард.— Не я ли вам всегда говорила, что он отъявленный негодяй? Не я ли говорила, что он прикончит Эмили прямо в кровати? Я его ненавидела с самого начала.

— То-то и оно. Это как раз подтверждает мою мысль,— сказал Пуаро.

— Какую мысль?

— Мисс Ховард, вы помните разговор, происшедший в день приезда Хастингса в Стайлз? По его словам, вы бросили фразу, которая меня очень заинтересовала. Я имею в виду утверждение, что если бы убили близкого вам человека, то вы бы наверняка почувствовали, кто это сделал, даже не располагая при этом необходимыми уликами.

— Не отрекаюсь от своих слов. Хотя вы, наверное, считаете их пустой болтовней.

— Отнюдь нет, мисс Ховард.

— Почему же вы не доверяете моему чутью в отношении Альфреда Инглторпа?

— Да потому, что интуиция подсказывает вам совсем другое имя.

— Что?!

— Вы искренне хотите поверить, что Инглторп убийца. Вы знаете, что он способен на преступление. Но интуиция подсказывает вам, что Альфред невиновен. Более того, вы уверены, что... мне продолжать?

Удивленно глядя на Пуаро, мисс Ховард кивнула.

— Сказать, почему вы так ненавидите мистера Инглторпа? Потому что вы пытаетесь поверить в то, во что хотите верить. Но у вас на уме совсем другое имя, и от этого никуда не деться.

— Нет, нет, нет! — вскрикнула мисс Ховард, заламывая руки.— Замолчите! Ни слова больше! Этого не может быть! Сама не знаю, как я могла даже подумать такое! Боже, какой ужас!

— Значит, я прав? — спросил Пуаро.

— Да, но как вы догадались? В этом есть что-то сверхъестественное.

Мисс Ховард замолчала и вдруг снова воскликнула:

— Нет, не может быть! Подобное предположение слишком чудовищно! Убийцей должен быть Альфред Инглторп!

Пуаро покачал головой.

— Не спрашивайте меня ни о чем,— продолжала мисс Ховард.— Мне даже самой себе страшно признаться в подобной мысли. Господи, наверное, я схожу с ума!

Похоже, Пуаро был удовлетворен тем, что услышал.

— Я ни о чем не буду вас спрашивать. Достаточно того, что моя догадка подтвердилась. Ведь и у меня есть чутье! Мы будем работать вместе.

— Не просите меня о помощи. Я не хочу, чтобы... чтобы...

Эви замолчала.

— Вы поможете мне, даже не желая этого. Хватит и того, что вы будете моим союзником. Я прошу только об одном.

— О чем?

— Внимательно наблюдать за происходящим.

— Я и так только этим и занимаюсь! Сопоставляю, наблюдаю, снова сопоставляю и все пытаюсь убедить себя, что я ошибаюсь.

— Если окажется, что мы ошиблись, то никто не обрадуется этому больше, чем я. Но если мы правы, что тогда? На чьей вы будете стороне, мисс Ховард?

— Не знаю.

— И все-таки?

— В таком случае, надо будет замять дело.

— Нет, мы не имеем права.

— Но ведь сама Эмили...

Она снова запнулась.

— Мисс Ховард,— мрачно промолвил Пуаро,— я не узнаю вас.

Эви гордо подняла голову и сказала тихим, но уверенным голосом:

— Я сама себя не узнаю, точнее, не узнавала. А теперь перед вами прежняя Эвелин Ховард.— Она еще выше вскинула голову.— А Эвелин Ховард всегда на стороне закона! Чего бы это ни стоило!

С этими словами она вышла из беседки.

— Иметь такого союзника — большая удача,— произнес Пуаро, глядя вслед удаляющейся Эви.— Она очень умна и при этом способна испытывать нормальные человеческие чувства. Уверяю вас, Хастингс, это редкое сочетание!

Я промолчал.

— Странная все-таки вещь — интуиция,— продолжал Пуаро,— отмахнуться от нее нельзя, и объяснить невозможно.

— Видимо, вы с мисс Ховард прекрасно понимали друг друга,— проворчал я раздраженно,— но не мешало бы и меня, как-никак тоже союзника, ввести в курс дела. Я так и не понял, о ком шла речь.

— Друг мой, неужели?

Я раздраженно молчал.

— Да скажите же наконец, кого вы имели в виду?

Несколько секунд Пуаро внимательно смотрел мне в глаза, затем отрицательно покачал головой.

— Не могу.

— Да почему же, Пуаро?

— Если секрет знают больше, чем двое, то это уже не секрет.

— Я считаю вопиющей несправедливостью скрывать от меня какие-то факты.

— Я ничего от вас не скрываю. Все, что известно мне,— известно и вам. Можете делать свои собственные выводы. В этом и состоит искусство детектива.

— Но я бы хотел услышать и ваши соображения.

Пуаро снова внимательно взглянул на меня и покачал головой.

— Хастингс,— грустно сказал мой друг,— к сожалению, у вас нет чутья.

— Но ведь только что вы требовали от меня лишь сообразительности.

— Трудно представить себе одно без другого.

Последняя фраза показалась мне настолько бестактной, что я даже не потрудился на нее ответить. Но про себя решил: если мне удастся сделать какое-нибудь интересное открытие (в отличие от Пуаро я не сомневался в собственных способностях!), то он ничего об этом не узнает и я сам доведу расследование до конца. Представляю, какая у него будет кислая физиономия!

Глава 8

Доктор Бауэрстайн

Я все никак не мог передать Лоуренсу послание Пуаро. Но вот, проходя как-то по лужайке возле дома, я увидел Лоуренса, державшего в руках старый молоток для игры в крокет. Он бесцельно бил по еще более старым шарам. Я подумал, что это очень удобный случай, чтобы передать послание Пуаро (хотя в моей душе все еще пылала обида на бесцеремонного сыщика). Однако я боялся, что он может, чего доброго, освободить меня от этой миссии. Не совсем понимая смысл слов, которые мне надлежало передать, я тешил себя надеждой, что их значение станет понятным из ответа Лоуренса, а также из его реакции на еще несколько вопросов, которые я тщательно подготовил по собственной инициативе.

Обдумав план разговора, я подошел к Лоуренсу.

— А ведь я вас ищу,— произнес я нарочно беспечно.

— Правда?.. А в чем дело?

— Мне надо передать послание Пуаро.

— Какое послание?

— Он просил выбрать момент, когда мы будем наедине,— сказал я, многозначительно понизив голос, и, прищурившись, наблюдал за своим собеседником. Мне льстила собственная способность создавать нужную атмосферу для разговора.

— И что же?

Печальное выражение лица Лоуренса нисколько не изменилось. Интересно, подозревает ли он, что я собираюсь сказать?

— Пуаро просил передать следующее,— произнес я почти шепотом.— Найдите еще одну кофейную чашку, и все будет нормально.

— Что?! Какую еще чашку?

Лоуренс уставился на меня в неподдельном изумлении.

— Неужели вы сами не понимаете?

— Конечно, нет. А вы?

Я промолчал.

— О какой кофейной чашке идет речь?

— Честно говоря, не знаю.

— Пусть лучше ваш друг поговорит с Доркас или с другими служанками. Это их дело — следить за посудой. Я чашками не интересуюсь! Знаю только, что у нас есть дорогой старинный кофейный сервиз, которым никогда не пользуются. Если бы вы его видели, Хастингс! Настоящая вустерская работа! Вы любите старинные вещи?

Я пожал плечами.

— О, вы столького себя лишаете! Нет ничего приятней, чем держать в руках старинную фарфоровую чашку. Даже смотреть на нее наслаждение!

— И все-таки что мне сказать Пуаро?

— Передайте ему, что я не имею ни малейшего понятия, о чем он говорит.

— Хорошо, я так и скажу.

Попрощавшись, я пошел в сторону дома, как вдруг Лоуренс окликнул меня:

— Подождите, Хастингс! Повторите, пожалуйста, еще конец фразы. Нет, лучше даже всю целиком.

— Найдите еще одну кофейную чашку, и все будет в порядке. Вы по-прежнему не понимаете, о чем идет речь? — спросил я, снова прищурившись.

Лоуренс пожал плечами.

— Нет, но я бы хотел это понять.

Из дома раздался звон колокольчика, возвещавшего приближение обеда, и мы с Лоуренсом отправились в усадьбу. Пуаро, которого Джон пригласил остаться на обед, уже сидел за столом.

Во время застольной беседы все тщательно избегали упоминания о недавней трагедии.

Мы обсуждали ход военных действий и прочие нейтральные темы. Но когда Доркас, подав сыр и бисквит, вышла из комнаты, Пуаро неожиданно обратился к миссис Кавендиш:

— Простите, мадам, что вновь напоминаю о страшном несчастье, постигшем вашу семью, но мне в голову пришла одна небольшая идея (вступление по поводу «небольшой идеи» было излюбленным приемом моего друга!), и я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Мне? Что ж, извольте.

— Благодарю, мадам. Меня интересует следующее: вы утверждаете, что дверь, ведущая в комнату миссис Инглторп из комнаты мадемуазель Цинции, была закрыта на засов, не так ли?

— Да, она действительно была закрыта,— удивленно сказала Мэри.— Я уже говорила об этом на дознании.

— Закрыта на засов?

— Д-да,— произнесла Мэри теперь уже неуверенно.

— Вы точно знаете, что она была закрыта на засов, а не просто заперта?

— Ах, вот о чем вы! Нет, в этом я не уверена. Просто я хотела сказать, что дверь не открывалась. Но, кажется, все двери были заперты на засов. Зайдя в комнату миссис Инглторп, мы это увидели сами.

— И все же, именно эта дверь могла быть просто заперта на ключ?

— Возможно. Я не знаю точно.

— Оказавшись в комнате миссис Инглторп, вы лично не обратили внимание, как она была закрыта?

— Мне кажется... да, мне кажется, она была закрыта на засов.

— Ну, тогда все в порядке.

Несмотря на свою последнюю реплику, Пуаро выглядел несколько обескураженно. Честно говоря, я был даже доволен тем, что одна из его «небольших идей» оказалась ложной.

После обеда Пуаро попросил меня проводить его до дома. Я холодно согласился.

— Вы злитесь на меня? — спросил он, когда мы вошли в парк.

— Нисколько,— процедил я сквозь зубы.

— Вот и хорошо. А то я очень боялся, что ненароком обидел вас.

Я ожидал услышать не это, ведь холодная сдержанность моего ответа была совершенно очевидной. Но дружелюбие и искренность его слов сделали свое дело, и мое раздражение вскоре прошло.

— Я передал Лоуренсу то, что вы просили.

— И что он сказал? Наверное, был очень удивлен?

— Да. Я уверен, что он даже не понял, о чем идет речь.

Я ожидал, что Пуаро будет разочарован, но он, напротив, очень обрадовался моим словам и сказал,

что надеялся именно на такую реакцию Лоуренса.

Гордость не позволяла мне задавать никаких вопросов, а Пуаро тем временем переключился на другую тему.

— Почему мадемуазель Цинция отсутствовала сегодня за обедом?

— Она в госпитале. С сегодняшнего дня мисс Мердок снова работает.

— Какое трудолюбие! Хастингс, берите пример! А какая красавица! Мадемуазель Цинция словно сошла с одной из тех картин, которые я видел в Италии. Кстати, мне бы хотелось посмотреть ее госпиталь. Как вы думаете, это удобно?

— Уверен, что она обрадуется вашему приходу. Вы получите большое удовольствие, это очень интересное место.

— Мисс Цинция ездит в госпиталь ежедневно?

— Нет, по средам она отдыхает, а по субботам успевает приехать сюда на обед. Остальные дни Цинция полностью проводит в госпитале.

— Постараюсь не забыть ее расписание. Да, Хастингс, женщинам сейчас приходится много работать. Между прочим, она производит впечатление очень умной девушки, как вы считаете?

— Безусловно, к тому же мисс Мердок пришлось сдать довольно сложный экзамен.

— Конечно, ведь у нее очень ответственная работа. Наверное, в госпитале много сильнодействующих ядов?

— Да, я их даже видел. Они хранятся в маленьком шкафчике. Цинции приходится быть очень осторожной, и каждый раз, выходя из кабинета, она забирает ключ от шкафчика с собой.

— Этот шкафчик стоит возле окна?

— Нет, у противоположной стены, а что?

— Да ничего, просто интересно.

Мы подошли к коттеджу Листвэйз.

— Вы зайдете? — спросил Пуаро.

— Нет, уже поздно. К тому же я хочу возвратиться другой дорогой, через лес, а она немного длиннее.

Стайлз окружали удивительно красивые леса. После широких аллей парка так приятно было шагать по узкой лесной дорожке, прислушиваясь к шороху деревьев и тихому щебетанию птиц. В эти минуты все люди казались мне добрыми и праведными, я даже простил Пуаро

его глупую конспирацию. Гармония мира переливалась в меня. А может, не было страшного преступления? Вдруг завтра мы очнемся и освободимся от кошмарного наваждения...

Я очень устал в тот день. Хотелось спать, я все время зевал, но мужественно продолжал свой путь. Странные видения одно за другим проносились в моем сонном мозгу.

Мне вдруг почудилось, что миссис Инглторп жива, а убийцей был Лоуренс, который размозжил голову Альфреду крокетным молотком. Но зачем же тогда Джон поднял такой шум?

Я решил отдохнуть и присел под огромным старым буком. «Да, непонятно, зачем поднимать такой шум вокруг смерти этого негодяя? — подумал я.— Зачем Джону кричать? Я не потерплю этого!»

Неожиданно меня разбудил какой-то шум, и сразу стало ясно, что я попал в очень щекотливое положение. Футах в двенадцати от меня стояли Джон и Мэри. Они о чем-то яростно спорили. Совершенно очевидно, что супруги не подозревали о моем присутствии, поскольку до того, как я успел произнести хотя бы слово, Джон громко повторил фразу, которая меня разбудила:

— Запомни, Мэри, я не потерплю этого!

— А есть ли у тебя хоть малейшее право осуждать мои действия? — спокойно ответила миссис Кавендиш.

— Мэри, начнутся сплетни! Маму только в субботу похоронили, а ты уже разгуливаешь под ручку с этим типом.

Она пожала плечами.

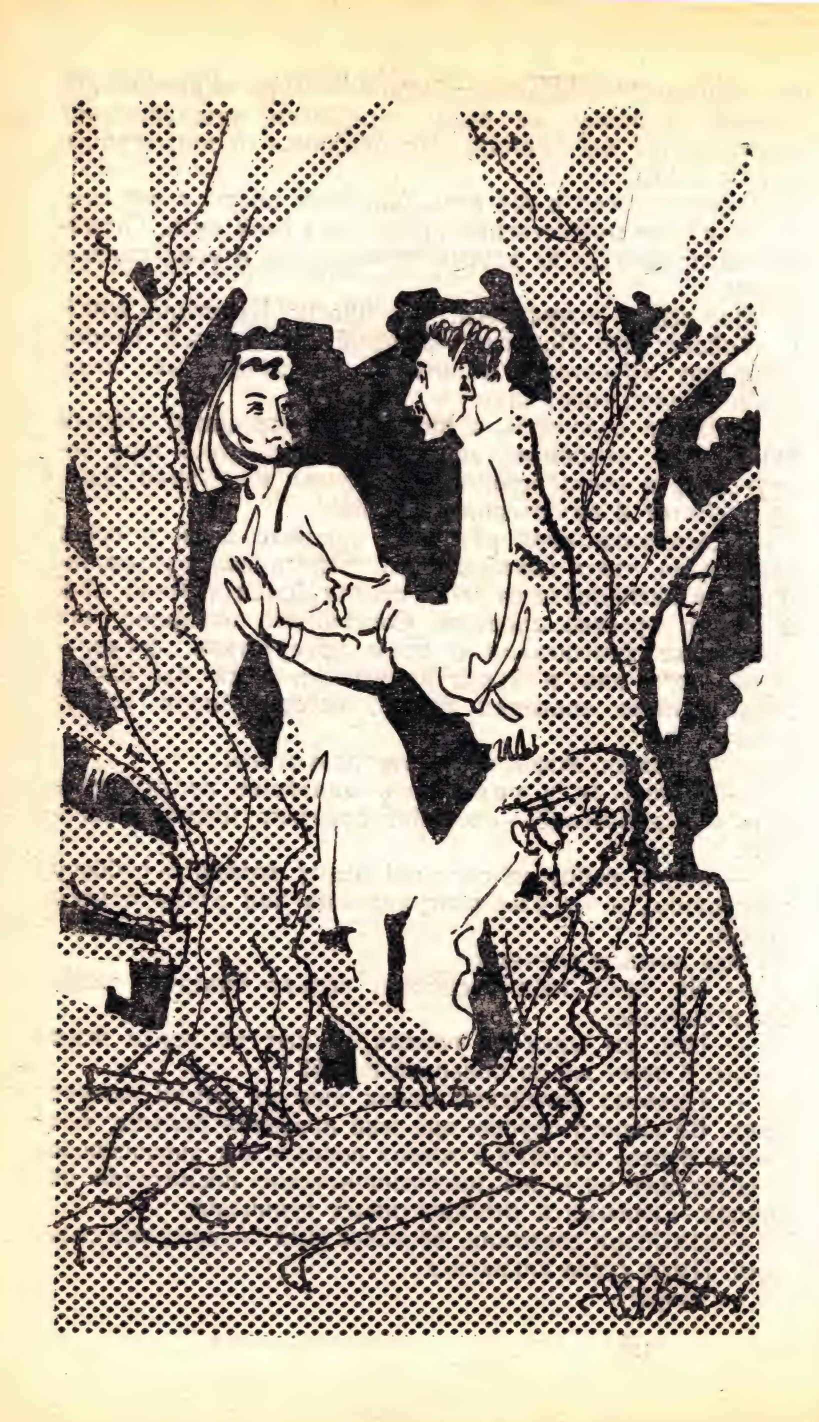
— Ну, если тебя беспокоят только сплетни, тогда все в порядке!

— Нет, ты меня не поняла. Я сыт по горло этим типом. К тому же он польский еврей!

— Примесь еврейской крови еще не самая плохая вещь. Во всяком случае, она мне нравится больше, чем чистая кровь, текущая в жилах породистых англосаксов и делающая их,— она многозначительно посмотрела на Джона,— вялыми и бесстрастными тупицами.

Глаза Мэри сверкали, но голос был совершенно спокоен. Джон густо покраснел.

— Мэри!

— Что, мой дорогой Джон? — ответила она так же спокойно.

— Ты хочешь сказать, что будешь и впредь встречаться с Бауэрстайном, несмотря на то, что я это запрещаю?

— Буду... если сочту нужным.

— Ты издеваешься надо мной.

— Нет, просто у тебя нет никакого права выбирать моих друзей. В твоем окружении тоже есть кое-кто, чье присутствие не доставляет мне большого удовольствия.

Джон вздрогнул.

— Что ты хочешь сказать? — спросил он каким-то виноватым голосом.

— Ты сам прекрасно знаешь,— ледяным тоном ответила Мэри,— поэтому не можешь ничего требовать от меня.

Джон умоляюще взглянул на жену.

— Не могу? Мэри, неужели наша...— Голос его задрожал, и он попытался притянуть Мэри к себе.— Мэри!

Мне показалось, что на мгновение в ее глазах появилась какая-то нерешительность. Лицо миссис Кавендиш смягчилось, но она резко отстранилась от Джона.

— Нет!

Она повернулась и хотела уйти, но Джон схватил ее за руку.

— Мэри, неужели ты любишь этого... Бауэрстайна?

Миссис Кавендиш молчала. Лицо ее в этот миг было неповторимо прекрасно. Вечная молодость и в то же время величественное, древнее как мир спокойствие светилось в ее глазах. «Это похоже на улыбку египетского сфинкса»,— подумал я восхищенно.

Она высвободила руку и, надменно бросив через плечо: «Возможно»,— быстро зашагала прочь.

Потрясенный этими словами Джон не смог сдвинуться с места.

Я сделал неосторожный шаг, и под ногой хрустнула ветка. Джон резко обернулся. К счастью, он подумал, что я просто проходил мимо.

— Привет, Хастингс! Ну что, ты проводил своего забавного приятеля? Чудной он какой-то! Неужели коротышка и правда знает толк в своем деле?

— Он считался одним из лучших детективов Бельгии.

— Ладно. Будем надеяться, что это действительно так. Знаешь, Хастингс, у меня очень тяжело на душе.

— А что случилось?

— И ты еще спрашиваешь? Зверское убийство мамы! Полицейские из Скотленд-Ярда, которые шныряют по усадьбе, словно голодные крысы! Куда ни зайди — они тут как тут. А кричащие заголовки газет! Я бы повесил этих чертовых журналистов. Сегодня утром у ворот усадьбы собралась целая толпа зевак. Для них это вроде бесплатного музея мадам Тюссо. И ты считаешь, что ничего не случилось?

— Успокойся, Джон, так не может продолжаться вечно.

— Мы сойдем с ума раньше, чем закончится следствие!

— Ты слишком сгущаешь краски.

— Легко тебе говорить! Еще бы, тебя не осаждает стадо орущих журналистов. На тебя не пялится каждый болван на улице. Но и это не самое страшное! Хастингс, тебе не приходило в голову, что вопрос, кто это сделал, стал для меня настоящим кошмаром? Я все пытаюсь убедить себя, что произошел несчастный случай, поскольку... поскольку теперь, когда Инглторп вне подозрений, получается, что преступник — один из нас. Да, от таких мыслей можно и правда сойти с ума! Выходит, что в доме живет убийца, если только...

И тут мне в голову пришла любопытная мысль. Да, все сходится! Становятся понятными действия Пуаро и его загадочные намеки. Как же я не догадался раньше! Но зато теперь я смогу рассеять эту гнетущую атмосферу подозрительности.

— Нет, Джон, среди нас нет убийцы!

— Я тоже надеюсь на это. Но кто тогда убийца?

— А ты не догадываешься?

— Нет.

Я опасливо огляделся вокруг и тихо, но торжественно провозгласил: «Доктор Бауэрстайн».

— Это невозможно!

— Напротив, все улики сходятся.

— Но на кой черт ему понадобилась смерть моей матери?

— Не знаю,— честно признался я,— но Пуаро тоже его подозревает.

Я рассказал Джону, как взволновало Пуаро извес-

тие, что доктор Бауэрстайн приходил в усадьбу в тот роковой вечер.

— К тому же,— добавил я,— он дважды повторил: «Это меняет все дело». Ты сам подумай — Инглторп утверждает, что оставил чашку в холле. Как раз в этот момент туда заходил Бауэрстайн. Проходя мимо, он мог незаметно подсыпать в кофе яд.

— Но это было бы очень рискованно.

— Зато становится понятным все остальное!

— А откуда он мог узнать, что это мамина чашка? Нет, Хастингс, тут концы с концами не сходятся.

Но я не собирался сдаваться:

— Да, я немного увлекся. Зато теперь мне все ясно. Слушай.

И я рассказал Джону о том, как Пуаро решил сделать повторный анализ какао.

— Ничего не понимаю,— перебил меня Джон.— Бауэрстайн ведь уже сделал этот анализ!

— В том-то и дело! Я сам сообразил это только сейчас. Неужели ты не понимаешь? Если Бауэрстайн убийца, то для него было проще простого подменить отравленное какао обычным и отправить его на экспертизу. Теперь понятно, почему там не обнаружили яд. И главное, никому и в голову не придет заподозрить в чем-то Бауэрстайна — никому, кроме Пуаро!

Лишь сейчас я оценил в полной мере проницательность своего друга! Однако Джон, кажется, все еще сомневался.

— Но ведь он утверждал, что какао не может замаскировать вкус стрихнина!

— И ты ему веришь? К тому же наверняка можно как-то смягчить горечь яда. Бауэрстайн в этом деле собаку съел: как-никак — крупнейший токсиколог!

— Крупнейший кто? Я никогда не слышал о такой профессии.

— Он досконально знает все, что связано с ядами,— пояснил я Джону.— Видимо, Бауэрстайн нашел способ, позволяющий сделать стрихнин безвкусным. Вдруг вообще не было никакого стрихнина? Он мог использовать какой-нибудь редкий яд, вызывающий похожие симптомы.

— Допустим, ты прав, только как он подсыпал яд, если какао, насколько мне известно, все время находилось наверху?

5 Зак. 1532

Я пожал плечами и вдруг... вдруг я с ужасом понял все! В эту секунду у меня было только одно желание — чтобы Джон подольше оставался в неведении. Стараясь не показать вида, я внимательно посмотрел на него. Джон что-то напряженно обдумывал, и я вздохнул с облегчением — похоже, он не догадывается о том, в чем я уже не сомневался: Бауэрстайн имел сообщника!

Нет, этого не может быть! Не верю, что такая очаровательная женщина, как миссис Кавендиш, способна убить человека! Впрочем, история знает немало подобных примеров. Внезапно я вспомнил тот первый разговор с Мэри в день моего приезда. Она утверждала, что яд — это оружие женщин. А как объяснить ее волнение во вторник вечером? Может быть, миссис Инглторп узнала о связи Мэри с Бауэрстайном и собиралась рассказать об этом Джону? Неужели миссис Кавендиш выбрала такой страшный способ, чтобы заставить ее замолчать?

Я вспомнил загадочный разговор между Пуаро и мисс Ховард. Так значит, они имели в виду Мэри! Вот, оказывается, во что не хотела поверить Эвелин! Да, все сходится. Неудивительно, что Эвелин предложила замять дело. Теперь стала понятной и ее последняя фраза: «Но ведь сама Эмили...» Эви права, действительно, миссис Инглторп сама предпочла бы смерть позору, который угрожал ее семье.

Голос Джона отвлек меня от этих мыслей.

— Есть еще одно обстоятельство, доказывающее, что ты не прав.

— Какое? — спросил я, обрадовавшись, что он уводит разговор в сторону от злополучного какао.

— Зачем Бауэрстайн потребовал провести вскрытие? Ведь Уилкинс не сомневался, что мама умерла от сердечного приступа. Непонятно, с какой стати Бауэрстайн стал бы впутываться в это дело.

— Не знаю,— проговорил я задумчиво,— возможно, чтобы обезопасить себя в дальнейшем. Он же понимал, что поползут разные слухи, и министерство внутренних дел все равно могло потребовать провести вскрытие. В этом случае Бауэрстайн оказался бы в очень затруднительном положении, поскольку трудно поверить, что специалист его уровня мог спутать отравление стрихнином с сердечным приступом.

— Пускай ты прав, но я хоть убей не понимаю, зачем ему понадобилась смерть моей матери.

Я вздрогнул — только бы он не догадался!

— Я могу и ошибаться, поэтому очень прошу тебя, Джон, чтобы наш разговор остался в тайне.

— Можешь не беспокоиться.

Тем временем мы подошли к усадьбе. Поблизости раздались голоса, и я увидел, что под старым платаном, как и в день моего приезда, был накрыт чай.

Я подсел к Цинции и сказал, что Пуаро хотел бы побывать у нее в госпитале.

— Буду очень рада. Надо договориться, чтобы он приехал в то время, когда мы устраиваем наши замечательные чаепития. Мне очень нравится ваш друг, он такой забавный! Представляете, на днях заставил меня снять брошку и затем сам ее приколол, утверждая, что она висела чуть-чуть неровно.

Я рассмеялся.

— Это на него похоже!

— Да, человек он своеобразный.

Несколько минут мы сидели молча, затем Цинция, украдкой взглянув на миссис Кавендиш, сказала шепотом:

— Мистер Хастингс, после чая я хотела бы поговорить с вами наедине.

Ее взгляд в сторону Мэри вселил в меня подозрение, что эти две женщины, похоже, недолюбливали друг друга. «Печально,— подумал я,— неизвестно, что ждет Цинцию в будущем. Ведь миссис Инглторп не оставила ей ни пенни. Надеюсь, Джон и Мэри предложат девушке остаться в Стайлз, по крайней мере, до конца войны. Джон очень привязан к Цинции, и, думаю, ему будет нелегко с ней расстаться».

Джон, выходивший куда-то из комнаты, снова появился в дверях.

— Чертовы полицейские! — сказал он возмущенно.— Всю усадьбу вверх дном перевернули, в каждую комнату засунули свой нос — и все безрезультатно! Так больше продолжаться не может. Сколько еще они собираются болтаться по нашему дому? Нет, хватит, я хочу серьезно поговорить с Джеппом.

— С этим Джеппом и говорить-то противно,— буркнула мисс Ховард.

Лоуренс высказал мысль, что полицейские, возмож-

но, создают видимость бурной деятельности, не зная, с чего начать настоящее расследование.

Мэри не проронила ни слова.

После чая я пригласил Цинцию на прогулку, и мы отправились в ближайшую рощу.

— Мисс Мердок, кажется, вы хотели мне что-то сказать.

Цинция тяжело вздохнула. Она опустилась на траву, сняла шляпку, и упавшие ей на плечи каштановые волосы напомнили мне нашу первую встречу.

— Мистер Хастингс, вы такой умный, такой добрый, мне просто необходимо поговорить с вами.

«До чего же она хороша,— подумал я восхищенно.— Даже лучше, чем Мэри, которая, кстати, никогда не говорила мне таких слов».

— Цинция, дорогая, я вас внимательно слушаю.

— Мистер Хастингс, мне нужен ваш совет.

— Относительно чего?

— Относительно моего будущего. Понимаете, тетя Эмили всегда говорила, что обо мне здесь будут заботиться. То ли она забыла свои слова, то ли смерть произошла слишком внезапно, но я снова оказалась без гроша в кармане. Не знаю, что и делать. Может быть, надо немедленно уехать отсюда, как вы думаете?

— Что вы, Цинция, я уверен, что никто не желает вашего отъезда!

Несколько секунд девушка раздумывала над моими словами.

— Этого желает миссис Кавендиш. Она ненавидит меня!

— Ненавидит?! Вас?!

Цинция кивнула.

— Да. Не знаю почему, но терпеть меня не может, да и он тоже.

— Вот тут вы ошибаетесь. Джон к вам очень привязан.

— Джон? Я имела в виду Лоуренса. Не стоит, конечно, придавать этому такое большое значение, но все-таки обидно, когда тебя не любят.

— Но, Цинция, милая, вы ошибаетесь, здесь вас очень любят. Возьмем, к примеру, Джона или мисс Ховард...

Цинция мрачно кивнула.

— Да, Джон любит меня. Что касается Эви, то и

она, несмотря на свои грубоватые манеры, не обидит даже мухи. Зато Лоуренс разговаривает со мной сквозь зубы, а Мэри вообще едва сдерживается, когда я рядом. Вот Эви ей действительно нужна, только посмотрите, как она умоляет мисс Ховард остаться. А я кому нужна? Путаюсь тут под ногами, пока меня терпят, а когда вышвырнут за дверь — что тогда делать?

Девушка разразилась слезами. Я вдруг почувствовал какое-то новое, дотоле незнакомое чувство. Не знаю, что произошло, возможно, меня ослепило ее прекрасное юное лицо и радость разговора с человеком, который ни в коей мере не может быть причастным к убийству, а возможно, я просто почувствовал жалость к этому прелестному беззащитному существу, словом, неожиданно для самого себя я наклонился к девушке и прошептал:

— Цинция, выходите за меня замуж.

Мои слова подействовали как прекрасное успокоительное — мисс Мердок тотчас перестала плакать и резко выпалила:

— Не болтайте ерунду!

Я даже опешил.

— Мисс Мердок, я не болтаю ерунду, а прошу оказать честь стать вашим мужем.

Девушка снова рассмеялась.

— Благодарю за заботу, мистер Хастингс, вы очень добры, но подобный шаг нельзя делать только из жалости.

— Мисс Мердок, я сказал это не из жалости, а потому, что я вас...

— Мистер Хастингс,— перебила меня Цинция,— давайте будем откровенны, вы не хотите этого — и я тоже!

— Мое предложение было совершенно искренним,— сказал я хмуро.

— Да, я знаю. Когда-нибудь вы встретите девушку, которая примет его с благодарностью. А теперь прощайте.

Цинция побежала в сторону дома. Весь разговор оставил у меня довольно неприятный осадок. Вот что значит слоняться без дела! Я решил немедленно отправиться в деревню и посмотреть, что делает Бауэрстайн. За этим типом нужно присматривать! Но, чтобы не вызвать подозрений, надо вести себя очень осмотрительно — не зря же Пуаро так ценит мою осторожность!

В окне дома, где жил Бауэрстайн, была выставлена табличка: «Сдаются комнаты». Я постучал, и дверь отворила хозяйка.

— Добрый день. Доктор Бауэрстайн дома?
— Вы разве еще не знаете?
— Что?
— Он арестован?
— Как арестован?! Кем?
— Известно кем — полицией!

Я решил, что надо срочно разыскать Пуаро, и отправился к нему в Листвэйз.

Пуаро не оказалось дома. Старый бельгиец, открывший дверь, сказал, что мой друг, видимо, уехал в Лондон.

Я очень удивился. Надо же выбрать настолько неподходящий момент для отъезда! И к чему такая срочность? А может быть, Пуаро уже давно решил съездить в Лондон, но ничего не говорил об этом?

Придется возвращаться в Стайлз. Всю дорогу я обдумывал последние события. Неужели Пуаро предвидел арест Бауэрстайна? А может быть, это произошло не без его участия? Теперь, когда моего друга не было рядом, я могу наконец взять инициативу в свои руки. Но с чего начать? Следует ли открыто объявить об аресте Бауэрстайна? Для Мэри это будет большим ударом. Теперь ясно, что миссис Кавендиш непричастна к убийству, иначе об этом бы уже говорила вся деревня. Завтра сообщение об аресте появится в газетах, поэтому скрывать этот факт от Мэри бессмысленно. Но чутье

подсказывало мне, что надо хорошенько подумать, прежде чем рассказать ей обо всем. Как жаль, что я не могу посоветоваться с Пуаро! Ведь, как выяснилось, проницательность моего друга с годами отнюдь не ослабла. А как тонко он заставил меня подозревать Бауэрстайна, не назвав ни разу его имени!

Я решил откровенно поговорить с Джоном. Пусть он сам решает, надо ли сообщать об аресте Бауэрстайна.

Услышав эту новость, Джон даже присвистнул от удивления.

— Вот тебе и Скотленд-Ярд! Так, значит, ты был прав, утверждая, что Бауэрстайн — убийца. А ведь я тебе не поверил!

— И зря! Я же говорил, что все улики против него. Ладно, давай лучше решим, стоит ли говорить об аресте или подождем до завтра, когда об этом сообщат газеты.

— Думаю, торопиться не стоит. Лучше подождать.

Однако, открыв на следующий день газету, я, к своему великому удивлению, не обнаружил ни строчки об аресте доктора. Маленькая заметка из ставшей уже постоянной рубрики «Отравление в Стайлз» не содержала ничего нового. Может быть, Джепп решил пока держать все в тайне? Наверное, он собирается арестовать еще кого-то.

После завтрака я собрался сходить в деревню и узнать, не вернулся ли Пуаро, как вдруг услышал за спиной знакомый голос:

— Добрый день, Хастингс!

Я схватил своего друга за руку и, не говоря ни слова, потащил в соседнюю комнату.

— Пуаро, наконец-то! Я не мог дождаться, когда вы вернетесь. Не волнуйтесь, никто, кроме Джона, ничего не знает.

— Друг мой, о чем вы говорите?

— Естественно, об аресте Бауэрстайна!

— Так его все-таки арестовали?

— А вы не знали?

— Понятия не имел.

Немного подумав, он добавил:

— Впрочем, ничего удивительного, до побережья здесь всего четыре мили.

— До побережья? — переспросил я удивленно

— Конечно. Неужели вы не поняли, что произошло?

— Пуаро, видимо, я сегодня туго соображаю. Какая связь между побережьем и смертью миссис Инглторп?

— Никакой. Но вы говорили о Бауэрстайне, а не о миссис Инглторп.

— Ну и что? Раз его арестовали в связи с убийством...

— Как?! Он арестован по подозрению в убийстве?— удивленно спросил Пуаро.

— Да.

— Не может быть! Кто вам об этом сказал?

— Честно говоря, никто, но сам факт его ареста доказывает...

— ...Доказывает, что Бауэрстайн арестован за шпионаж.

— Шпионаж?! Он же убийца!

— Если старина Джепп считает доктора убийцей, значит, он просто выжил из ума.

— Странно. Я был уверен, что и вы так думаете.

Пуаро с сожалением посмотрел на меня, но промолчал.

— Вы хотите сказать, что Бауэрстайн — шпион? — пробормотал я, еще не привыкнув к этой странной мысли.

Пуаро кивнул.

— Неужели вы не догадались об этом сами, Хастингс?

— Нет.

— И вам не казалось странным, что знаменитый лондонский врач живет в такой глуши или что он по ночам разгуливает по деревне?

— Нет, я считал, что у него обычная бессонница.

Пуаро о чем-то раздумывал.

— Он, несомненно, родился в Германии, но столько лет прожил в вашей стране, что с легкостью выдавал себя за настоящего англичанина. К тому же лет пятнадцать назад он принял английское гражданство. Да, Бауэрстайн оказался даже хитрее, чем я предполагал.

— Вот мерзавец! — воскликнул я возмущенно.

— Напротив, настоящий патриот. Подумайте, как ежечасно на протяжении многих лет он рисковал жизнью. Я восхищаюсь такими людьми.

Однако мне были чужды подобные взгляды. Бауэрстайн не вызывал во мне ничего, кроме ненависти.

— Надо же, и в такого подлеца могла влюбиться миссис Кавендиш!

— Ему это было весьма на руку. До тех пор, пока продолжались слухи об их романе, доктор был уверен, что его странности не привлекут особого внимания.

Я не сумел скрыть своего ликования.

— Так вы думаете, что у него не было чувства к Мэри? — спросил я с надеждой.

— Более того, мне кажется, что и миссис Кавендиш к нему совершенно равнодушна.

— Вы так думаете?

— И объясню, почему. Я уверен, что Мэри Кавендиш любит другого.

Сердце мое радостно забилось. Я давно привык к слухам о своих легких победах над женщинами, но неужели и Мэри Кавендиш, загадочная и недосягаемая Мэри Кавендиш, тоже не устояла...

Неожиданное появление мисс Ховард прервало эти мысли. Увидев, что в комнате, кроме нас, никого нет, она подошла к Пуаро и протянула ему старый, потемневший от времени листок бумаги.

— Нашла на шкафу,— сказала она и, не добавив ни слова, вышла из комнаты.

Пуаро взглянул на листок и радостно улыбнулся.

— Посмотрите-ка, Хастингс, что нам принесли. И помогите мне разобраться в инициалах — я не могу понять, «Д» это или «Л».

Я взял листок, на котором стояла печать Парсона — известной фирмы по производству театрального инвентаря. Что касается адреса — Эссекс, Стайлз Сент-Мэри, Кавендиш,— то буква, стоящая перед фамилией, была действительно написана неразборчиво.

— Это либо «Т», либо «Л», но точно не «Д».

— Я думаю, что «Л»,— сказал Пуаро.

— Это важная улика?

— Не очень, но она подтверждает правильность моей догадки. Я догадывался о существовании данного письма и попросил мисс Ховард попытаться его найти.

— Но почему оно лежало на шкафу? Странное место для хранения бумаг!

— Почему же? Я сам держу стопки бумаг на шкафу.

Я посмотрел в глаза моему другу.

— Пуаро, скажите честно, вы знаете, кто убийца?

— Да, я надеюсь, что не ошибаюсь.

— Так не томите меня! Скажите его имя!

— Друг мой, к сожалению, у меня нет никаких доказательств.

Неожиданно лицо его переменилось и, схватив меня за руку, Пуаро выбежал в холл.

— Мадемуазель Доркас, где вы? Мадемуазель Доркас?

В комнату вбежала испуганная Доркас:

— Мистер Пуаро, что случилось?

— Доркас, у меня есть одна маленькая идея, и если она подтвердится, то дело можно считать законченным. Скажите, в понедельник, именно в понедельник, а не во вторник — ничего не случилось с колокольчиком в комнате миссис Инглторп?

— В понедельник? Да, сэр, я припоминаю, что именно в понедельник порвался шнурок колокольчика, висевшего над дверью в комнату хозяйки. Только как вы догадались, сэр? Мы же вызвали работника, который все починил.

Пуаро улыбнулся.

Мы перешли в гостиную.

— Вот видите,— сказал мой друг,— не всегда надо иметь неопровержимые доказательства. Подчас достаточно одного здравого смысла. Однако, признаюсь, я рад, что моя догадка подтвердилась. Ведь у каждого есть свои маленькие человеческие слабости, не правда ли, Хастингс? Теперь я могу себе позволить сделать небольшую передышку и прогуляться по парку.

Весело посвистывая, Пуаро вышел из комнаты как раз в тот момент, когда на пороге появилась Мэри Кавендиш.

— Ваш друг излучает такое блаженство, словно он уже поймал преступника,— сказала она с улыбкой.

Я улыбнулся в ответ.

— Сам не понимаю, что случилось. Доркас рассказала ему про какой-то оборванный шнурок, и это привело Пуаро в неописуемый восторг.

Мэри снова улыбнулась.

— Смотрите, он выходит из ворот,— сказала она, взглянув в окно,— разве ваш друг собрался к себе?

— Я уже давно отказался от попыток понять его действия!

— Может быть, от сильного переутомления он немного...

Мэри запнулась и покраснела.

— Мне тоже иногда кажется, что Пуаро ведет себя не совсем нормально. Но через некоторое время выясняется, что во всех его на первый взгляд безумных действиях имелась строгая система.

— Что ж, давайте подождем некоторое время.

Хотя Мэри и старалась показаться веселой, глаза ее были очень печальны.

«И все-таки,— подумал я,— надо поговорить с ней о будущем Цинции».

Я очень осторожно начал этот разговор, но не успел произнести и двух фраз, как Мэри перебила меня:

— Вы прекрасный адвокат, мистер Хастингс, но зачем попусту растрачивать свой талант? Поверьте, я прекрасно отношусь к Цинции и, конечно же, позабочусь о ее будущем.

Она о чем-то задумалась и неожиданно спросила:

— Мистер Хастингс, как вы думаете, мы с Джоном счастливы вместе?

Я был очень удивлен ее вопросом и смог лишь пробормотать, что это личное дело супругов и постороннему не пристало обсуждать подобные темы.

— Да, это наше личное дело, но вам я все-таки скажу: мистер Хастингс, мы несчастливы друг с другом!

Я промолчал, а Мэри, печально опустив голову, продолжала:

— Вы же ничего не знаете обо мне — ни откуда я родом, ни кем была до того, как вышла за Джона. А у меня сейчас такое настроение, что хочется кому-то исповедаться.

Признаться, я не слишком стремился оказаться в роли отца-исповедника. Во-первых, я помнил, чем закончилась исповедь Цинции. Во-вторых, в исповедники обычно выбираются люди не первой молодости, а я, напротив, был цветущим молодым человеком, к тому же неравнодушным к женщинам!

— Мой отец — англичанин, а мать — русская.

— А, теперь понятно...

— Что понятно? — резко спросила Мэри.

— Понятно, почему во всем вашем облике чувствуется что-то нездешнее, что-то отстраненное и необычное.

— Мать считалась красавицей. Я ее не помню — она умерла, когда я была совсем ребенком. По словам отца, мама по ошибке приняла слишком большую дозу снотворного.

Мэри на мгновение замолчала, затем продолжала:

— Отец тяжело переживал ее смерть. Через некоторое время он поступил на дипломатическую службу, и мы начали разъезжать по свету. К 23 годам я, кажется, побывала уже повсюду! Моя жизнь была наполнена весельем, впечатлениями и радужными надеждами.

Она тяжело вздохнула.

— Но неожиданно умер отец, почти ничего не оставив мне в наследство. Мне пришлось поселиться у своей престарелой тетки в Йоркшире. Естественно, после стольких лет, проведенных с отцом, жизнь в сельской глуши казалась ужасной — унылая скука и монотонность тамошнего существования просто сводили меня с ума.

— Да, я вас прекрасно понимаю.

— И вот в это время я встретила Джона. Конечно, с точки зрения тетушки, о лучшей партии нельзя было и мечтать. Но я думала не о деньгах, единственное, чего мне хотелось,— это выбраться поскорее из сельской глуши, из соседских сплетен и ворчания тетушки.

Я нахмурился.

— Поймите меня правильно,— продолжала Мэри,— я откровенно призналась Джону, что он мне нравится, очень нравится, но это, конечно, не любовь. Я сказала, что потом, возможно, смогу его полюбить, но тогда он был мне просто симпатичен, не больше. Однако Джон посчитал, что этого достаточно, и сделал мне предложение.

Мэри прервала свой рассказ и внимательно посмотрела мне в глаза.

— Кажется, да, я уверена, что поначалу он меня очень любил. Но мы с Джоном слишком разные люди. Вскоре после свадьбы наступило охлаждение, а затем я ему и вовсе надоела. Говорить об этом неприятно, мистер Хастингс, но я хочу быть с вами полностью откровенной. К тому же сейчас мне это безразлично — все уже позади.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что покидаю Стайлз навсегда.

— Вы с Джоном купили другой дом?

— Нет, Джон, наверное, останется здесь, но я скоро уеду.

— Вы хотите его оставить?

— Да!

— Но почему?

После долгого молчания Мэри тихо ответила:

— Потому, что для меня всего дороже... свобода.

Я подумал о девственных лесах, о полях и реках, обо всем, что именуется свободой для такого человека, как Мэри Кавендиш. Но в своих бедах она виновата сама — лишь гордость и высокомерие не позволяют Мэри жить счастливой семейной жизнью.

Вдруг она всхлипнула и тихо произнесла:

— Стайлз — это тюрьма.

— Я понимаю, но, Мэри, вы поступаете слишком опрометчиво.

— Опрометчиво? Вы просто ничего не знаете!

И тут я сказал фразу, о которой сразу пожалел.

— Вам известно, что доктор Бауэрстайн арестован?

Лицо Мэри мгновенно стало холодным и непроницаемым.

— Джон заботливо сообщил мне об этом сегодня утром.

— И вы знаете причину ареста?

— Конечно. Он же немецкий шпион! Манинг давно его подозревал.

Мэри говорила совершенно спокойно. Неужели арест Бауэрстайна ее нисколько не волнует?

Она взглянула на цветочную вазу.

— Цветы уже совсем завяли. Надо срезать новые.

Еле заметно кивнув на прощание, она вышла в сад. Да, наверное, Мэри безразлична к судьбе Бауэрстайна. Не может же она до такой степени скрывать свои чувства!

На следующее утро ни Пуаро, ни полицейские в усадьбе не появлялись. Зато к обеду разрешилась загадка последнего из четырех писем, отправленных миссис Инглторп в тот роковой вечер. Не сумев в свое время определить адресата, мы решили не ломать над этим голову — рано или поздно все прояснится само собой. Так и случилось. Почтальон принес письмо, отправленное французской музыкальной фирмой. В нем говорилось, что чек миссис Инглторп получен, но, к сожалению, ноты, которые она просит, разыскать не удалось. Итак: наши надежды на то, что четвертое письмо поможет пролить свет на убийство, оказались напрасными.

Перед чаем я решил прогуляться до Листвэйз и сообщить Пуаро про письмо, но привратник сказал, что мой друг снова уехал.

— Опять в Лондон?

— Нет, сэр, на этот раз в Тэдминстер. Сказал, что хочет навестить какую-то леди. Она там в госпитале работает.

— Вот болван! — воскликнул я, раздраженный забывчивостью Пуаро и тем, что напрасно сходил в Листвэйз.— Я же говорил ему, что по средам Цинция не работает. Ладно, когда месье Пуаро вернется, скажите, что его ожидают в Стайлз.

— Хорошо, сэр, я передам.

Весь вечер я ожидал прихода Пуаро, но он так и не появился.

Не было его и на следующий день.

После обеда Лоуренс отвел меня в сторону и спросил, не собираюсь ли я навестить своего друга.

— Нет,— сказал я раздраженно,— хватит с меня, если Пуаро захочет, он и сам может сюда прийти.

— Очень жаль,— хмуро пробормотал Лоуренс.

— А что случилось? Если дело серьезное, я, так и быть, схожу в Листвэйз — в последний раз!

— Ничего серьезного. Просто, если увидите мистера Пуаро, передайте ему,— Лоуренс снизил голос до шепота,— что я нашел еще одну кофейную чашку.

Сказать по правде, я уже давно забыл про послание Пуаро, и слова Лоуренса подстегнули мое любопытство.

Итак, я снова отправился в Листвэйз. На этот раз Пуаро был у себя. Он сидел в кресле, полностью погру-

женный в свои мысли. Лицо его было чрезвычайно бледным.

— Пуаро, вы не заболели? — спросил я озабоченно.

— Нет, друг мой, все в порядке. Но передо мной стала очень серьезная проблема.

— Отдавать ли преступника в руки правосудия или оставить его на свободе? — спросил я с улыбкой.

Как ни странно, Пуаро утвердительно кивнул.

— Да, как сказано у вашего Шекспира: «Говорить или не говорить — вот в чем вопрос».

Я был так удивлен, что даже не поправил своего друга.

— Пуаро, вы шутите!

— Нет, Хастингс, речь идет о вещи, к которой я всегда относился серьезно.

— А именно?

— Я говорю о счастье женщины!

Взглянув на меня, Пуаро грустно улыбнулся и продолжал:

— Пришло время действовать, а я не знаю, имею ли я на это право. Игра слишком рискованна.

Он снова погрузился в свои мысли, и я подумал, что теперь самое время рассказать о своем разговоре с Лоуренсом.

— Так он все-таки нашел еще одну чашку? — торжествующе воскликнул Пуаро.— А этот ваш Лоуренс оказался умнее, чем я предполагал.

Я был невысокого мнения об умственных способностях Лоуренса, но, дав себе зарок никогда больше не спорить со своим другом, не стал возражать.

— Пуаро, как же вы забыли, что Цинция в среду не работает?

— Верно, память у меня теперь не та! Хорошо еще, что коллега мадемуазель Цинции сжалилась надо мной и любезно показала все, что меня интересовало.

— Но вы должны как-нибудь снова съездить в госпиталь. Цинция мечтает показать вам свои владения! Кстати, чуть не забыл, сегодня выяснилось, кому миссис Инглторп отправил четвертое письмо.

Я рассказал про письмо из Франции.

— Жаль,— грустно произнес мой друг,— я возлагал на него определенные надежды. А впрочем, так даже лучше — мы распутаем этот клубок изнутри. Если по-

шевелить мозгами, то можно решить любую головоломку, не правда, ли, Хастингс? Между прочим, что вам известно об отпечатках пальцев?

— Только то, что они у всех разные.

— Правильно.

Вынув из бюро несколько фотографий, Пуаро разложил их на столе.

— Вот, Хастингс, номер один, номер два и номер три. Что вы можете сказать об этих фотографиях?

Я внимательно изучил все три фотоснимка.

— Во-первых, изображения сильно увеличены. Номер один, похоже,— отпечатки большого и указательного пальцев мужчины. Отпечатки номер два принадлежат женщине — они гораздо меньше. Что касается третьего снимка, то на нем видны множество отпечатков, но последние, кажется, такие же, как и на первом снимке.

— Вы уверены?

— Да, отпечатки совершенно одинаковые.

Пуаро удовлетворенно кивнул и снова спрятал фотографии в бюро.

— Наверное, вы опять откажетесь объяснить мне, в чем дело.

— Почему же, друг мой? Отпечатки на первой фотографии принадлежат месье Лоуренсу, на второй — мадемуазель Цинции, хотя это неважно, они нужны только для сравнения. Что касается третьей фотографии, то здесь дело серьезней.

Пуаро на мгновение задумался.

— Как вы верно заметили, изображения сильно увеличены: причем третья фотография вышла менее четкой, чем первые две. Я не буду объяснять, как получены снимки,— это довольно сложный процесс. Достаточно того, что они перед вами. Остается только сказать, с какого предмета сняты эти отпечатки.

— Пуаро, я сгораю от любопытства.

— Хастингс,— торжественно провозгласил Пуаро,— отпечатки под номером три обнаружены на бутылочке с ядом, которая хранится в шкафу в госпитале Красного Креста в Тэдминстере!

— Господи, как на склянке с ядом оказались отпечатки пальцев Лоуренса? Он ведь даже не подходил к шкафу.

— Хастингс, он подходил!

— Вы ошибаетесь, Пуаро, мы все время были вместе.

— Это вы ошибаетесь, Хастингс. Если вы все время были вместе, зачем же мисс Цинция звала его, когда вы с ней вышли на балкон?

— Да, верно. Но все равно. Лоуренс находился в комнате один всего несколько мгновений.

— Этого вполне достаточно.

— Для чего?

— Для того, чтобы удовлетворить любопытство человека, изучавшего когда-то медицину.

Наши глаза встретились. Пуаро снова улыбнулся. Он встал и, подойдя к окну, стал что-то весело насвистывать.

— Пуаро,— я почувствовал, что голос мой дрожит,— что было в склянке?

— Гидрохлорид стрихнина,— спокойно ответил мой друг.

— Боже,— произнес я почти шепотом.

— Учтите, Хастингс, что гидрохлорид стрихнина применяется крайне редко — лишь для приготовления нескольких типов лекарств. Обычно используется другой раствор. Вот почему отпечатки пальцев Лоуренса сохранились до сих пор — он был последним, кто держал в руках склянку.

— Как вы смогли сделать эту фотографию?

— Я вышел на балкон и случайно обронил шляпу. Несмотря на мои возражения, коллега мисс Цинции сама спустилась за ней вниз.

— Так вы знали, что искать?

— Нет. Просто из вашего рассказа следовало, что месье Лоуренс мог взять яд. И это предположение следовало либо подтвердить, либо опровергнуть, что я и пытался сделать.

— Пуаро, вы не обманете меня своим беспечным тоном. Обнаружена чрезвычайно важная улика!

— Возможно. Но есть одна вещь, которая меня действительно поражает. Думаю, и вас тоже.

— Какая?

— Что-то часто в этом деле встречается стрихнин. Вам не кажется, Хастингс? Стрихнин содержался в лекарстве миссис Инглторп. Стрихнин купил человек, выдававший себя за Инглторпа. И вот снова — на склянке со стрихнином обнаружены отпечатки пальцев месье

Лоуренса. Тут какая-то путаница, друг мой, а я терпеть этого не могу.

Дверь отворилась, и появившийся на пороге бельгиец сказал, что Пуаро внизу дожидается какая-то дама.

Мы быстро спустились и увидели стоявшую в дверях миссис Кавендиш.

— Я навещала одну старушку в деревне,— сказала Мэри,— и решила зайти за мистером Хастингсом — вместе возвращаться веселее. Лоуренс мне сказал, что он у вас, мистер Пуаро.

— Жаль, мадам,— воскликнул мой друг,— а я-то надеялся, что вы оказали мне честь своим визитом!

— Не знала, что это такая честь! — сказала Мэри с улыбкой.— Обещаю оказать ее в ближайшие дни, месье Пуаро.

— Буду счастлив, мадам. И помните — если вам захочется исповедаться (Мэри вздрогнула), то «отец Пуаро» всегда к вашим услугам!

Миссис Кавендиш внимательно посмотрела в глаза Пуаро, словно пытаясь постигнуть истинный смысл услышанных слов, затем улыбнулась и сказала:

— Месье Пуаро, может, вы тоже пойдете с нами в усадьбу?

— С удовольствием, мадам.

По дороге Мэри все время что-то рассказывала, шутила и старалась казаться совершенно беззаботной. Однако я заметил, что она сильно взволнована.

Едва зайдя в усадьбу, мы почувствовали что-то неладное. Навстречу выбежала заплаканная Доркас.

— Мадам, мадам! Горе у нас! Не знаю, как и сказать вам. Тут такое случилось! За что же такие напасти одна за другой?

— Да говорите же, что произошло,— нетерпеливо прервал я излияния Доркас.

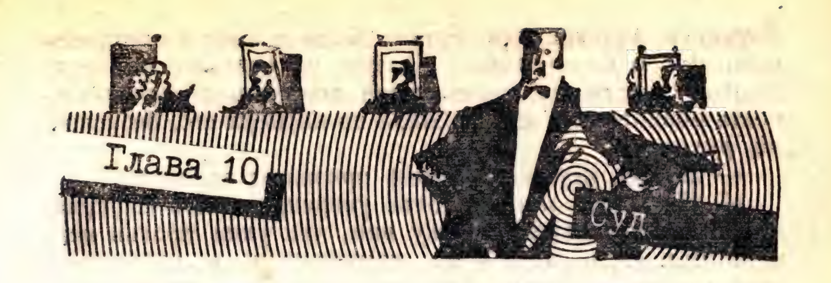
— Это все проклятые полицейские из Скотленд-Ярда! Арестовали его, мадам, арестовали мистера Кавендиша!

— Как! Лоуренс арестован?! — воскликнул я, пораженный этой вестью.

Глаза Доркас на мгновение вспыхнули.

— Нет, сэр. Арестован мистер Джон Кавендиш.

Мэри вскрикнула и пошатнулась. Я повернулся, чтобы поддержать ее, и заметил странную улыбку на устах Пуаро.

Предварительное судебное разбирательство состоялось через два месяца. Мэри делала все возможное, чтобы доказать невиновность своего мужа.

Когда я поделился с Пуаро своим восхищением преданностью этой женщины, он кивнул и сказал:

— Да, Хастингс, миссис Кавендиш как раз из тех друзей, которые познаются в беде. Случилось несчастье, и она забыла о гордости, о ревности...

— О ревности?

— Конечно. Разве вы не заметили, что миссис Кавендиш ужасно ревнива? Но теперь, когда над Джоном нависла опасность, она думает только об одном — как его спасти.

Мой друг говорил с таким чувством, что я невольно вспомнил его колебания — «говорить или не говорить», когда на карту поставлено «счастье женщины». Слава богу, что теперь решение примут другие!

— Пуаро, мне даже сейчас не верится, что Джон — убийца, я почти не сомневался, что преступник — Лоурэнс.

Пуаро улыбнулся.

— Я знаю, друг мой.

— Как же так?! Джон, мой старый друг Джон, и вдруг — убийца!

— Каждый убийца чей-то друг,— глубокомысленно изрек Пуаро.— Но мы не должны смешивать разум и чувства.

— Но вы могли хотя бы намекнуть, что мой друг Джон...

— Я не делал этого как раз потому, что Джон ваш старый друг.

Я смутился, вспомнив, как доверчиво рассказывал

Джону о подозрениях Пуаро. Ведь я был уверен, что речь шла о Бауэрстайне! Кстати, на суде его оправдали — доктор очень ловко сумел доказать несостоятельность обвинений в шпионаже,— но карьера его, безусловно, рухнула!

— Пуаро, неужели Джона признают виновным?

— Нет, друг мой, я почти уверен, что его оправдают. Я же постоянно твержу вам, что улик против него пока нет. Одно дело — не сомневаться в виновности преступника, совсем другое — доказать это на суде. Здесь-то и заключается основная трудность. Кстати, я могу кое-что и доказать, но в цепочке не хватает последнего звена, и, пока оно не отыщется, увы, Хастингс, меня никто не будет слушать.

Он печально вздохнул.

— Пуаро, когда вы впервые начали подозревать Джона?

— А вы разве вообще не допускали мысли, что он убийца?

— Нет.

— Даже после услышанного вами разговора между миссис Инглторп и Мэри? Даже после, мягко говоря, неоткровенного выступления Мэри на дознании?

— Я не придавал этому большого значения.

— Неужели вы не думали, что, если ссора, подслушанная Доркас, происходила не между миссис Инглторп и ее мужем — а он это начисто отрицает,— значит, в комнате находился один из братьев Кавендишей? Допустим, там был Лоуренс. Как тогда объяснить поведение Мэри Кавендиш? Если же допустить, что там находился Джон, то все становится на свои места.

— Вы хотите сказать, что ссора происходила между миссис Инглторп и Джоном?

— Конечно.

— И вы это знали?

— Разумеется. Как иначе можно объяснить поведение миссис Кавендиш?

— Но тем не менее вы уверены, что его оправдают!

— Несомненно оправдают! Во время предварительного судебного разбирательства мы услышим только речь прокурора. Адвокат наверняка посоветует Джону повременить со своей защитой до суда — когда на руках козырный туз, выкладывать его следует в последнюю

очередь! Кстати, Хастингс, мне нельзя появляться на судебном разбирательстве.

— Почему?

— Потому что официально я не имею никакого отношения к следствию. Пока в цепочке доказательств отсутствует последнее звено, я должен оставаться в тени. Пусть миссис Кавендиш думает, что я на стороне Джона.

— Пуаро, это нечестная игра! — воскликнул я негодующе.

— Мы имеем дело с очень хитрым и изворотливым противником. В средствах он не стесняется, поэтому и нам надо сделать все, чтобы преступник не ускользнул из рук правосудия. Пускай все лавры — пока! — достанутся Джеппу, а я тем временем доведу дело до конца. Если меня и вызовут для дачи показаний,— Пуаро улыбнулся,— то я выступлю как свидетель защиты.

Мне показалось, что я ослышался!

— Я хочу быть объективным,— пояснил Пуаро,— и поэтому отклоню один из пунктов обвинения.

— Какой?

— По поводу сожженного завещания. Джон здесь ни при чем.

Пуаро оказался настоящим пророком. Боюсь утомить читателя скучными деталями и скажу лишь, что во время предварительного разбирательства Джон не произнес ни слова, и дело передали в суд.

Сентябрь застал нас в Лондоне. Мэри сняла дом в Кэнсингтоне*, Пуаро тоже поселился поблизости, и я имел возможность часто их видеть, поскольку устроился на работу в том же районе — в министерство обороны.

Чем меньше времени оставалось до начала суда, тем сильнее нервничал Пуаро. Он так и не мог разыскать «последнее звено». В глубине души я этому даже радовался, так как не представлял, что будет делать Мэри, если Джона признают виновным.

15 сентября Джон предстал перед судом в Олд Бейли** по обвинению в «преднамеренном убийстве Эмили Агнес Инглторп» и наотрез отказался признать себя ви-

---

* Фешенебельный район в центральной части Лондона.

** Центральный уголовный суд, расположенный на улице Олд Бейли.

новным. Его защищал знаменитый адвокат сэр Эрнст Хэвивезер.

Первым взял слово прокурор Филипс, заявивший, что убийство совершено расчетливо и хладнокровно. Мистер Кавендиш отравил женщину, любившую его как родного сына, женщину, которая дала ему образование, заботилась о нем и безгранично ему доверяла. Свидетельские показания подтверждают, продолжал прокурор, что подсудимый вступил в предосудительную связь с некоей миссис Райкес, женой фермера Райкеса, живущего неподалеку от Стайлз. Подсудимый растранжирил все деньги, полученные от миссис Инглторп, и оказался в крайне стесненном материальном положении.

Миссис Инглторп узнала о постыдной связи своего сына, и за день до убийства между ними произошел крупный скандал, часть которого слышала прислуга. В тот же день подсудимый, переодевшись в костюм мистера Инглторпа, купил в аптеке стрихнин. Несомненно, он пытался навлечь на него подозрения в убийстве миссис Инглторп — ни для кого не секрет, что подсудимый ненавидел мужа своей мачехи. Мистер Инглторп, к счастью, смог предъявить неопровержимое алиби.

Семнадцатого июля, сразу после ссоры с подсудимым, миссис Инглторп составила новое завещание. Обуглившиеся остатки этого документа были на следующее утро найдены в камине, но можно с уверенностью утверждать, что завещание было в пользу мистера Инглторпа. Существует завещание, составленное накануне свадьбы, где она объявляла его же своим наследником, но подсудимый (мистер Филипс многозначительно поднял палец) ничего не знал об этом. Трудно сказать, что заставило миссис Инглторп составить новое завещание, в то время как предыдущее еще оставалось в силе. Возможно, она просто забыла о нем или, что более вероятно, считала, что после замужества оно стало недействительным. Женщины, тем более в таком возрасте, не слишком хорошо разбираются в юридических тонкостях.

За год до этого она составляла еще одно завещание — на этот раз в пользу подсудимого.

Свидетели утверждают, продолжал мистер Филипс, что именно подсудимый отнес кофе наверх в тот злополучный вечер. Ночью он пробрался в спальню матери и уничтожил завещание, составленное накануне, после чего — по мысли подсудимого — вступало в силу за-

вещание в его пользу. Арест последовал после того, как инспектор Джепп обнаружил в комнате мистера Кавендиша флакон со стрихнином, который был продан в аптеке человеку, выдававшему себя за мистера Инглторпа. Теперь пусть присяжные сами решат, требуются ли еще какие-нибудь доказательства вины этого человека.

Этими словами мистер Филипс закончил свое выступление, вытер пот со лба и не спеша, сохраняя достоинство, удалился.

Поначалу свидетелями обвинения выступали те, кто уже давал показания на дознании.

Первым вызвали доктора Бауэрстайна.

Все знали, что сэр Хэвивезер никогда не церемонится со свидетелями, выступающими против его подзащитных. Вот и на этот раз он задал всего два вопроса — но каким тоном!

— Доктор Бауэрстайн, если не ошибаюсь, стрихнин действует очень быстро?

— Да.

— Тем не менее вы не можете объяснить, почему смерть наступила только утром?

— Не могу.

— Спасибо.

Мистеру Мэйсу был предъявлен флакон с ядом, найденный в комнате Джона, и он подтвердил, что продал его «мистеру Инглторпу». Стараниями сэра Эрнста мистер Мэйс вскоре признал, что не знал мистера Инглторпа лично, никогда с ним не разговаривал, а видел всего несколько раз, и то мельком.

Выступивший затем мистер Инглторп утверждал, что не покупал яд и тем более не ссорился со своей женой. Несколько свидетелей подтвердили его показания.

Садовники рассказали, как подписались под завещанием. Затем выступила Доркас.

Верная своим хозяевам, она категорически отрицала, что из-за двери доносился голос Джона. Напротив, она могла поклясться — хозяйка разговаривала со своим мужем Альфредом Инглторпом.

Услышав это, Джон чуть заметно улыбнулся. Он-то знал, что зря старается верная Доркас — защита не будет отрицать его разговор с матерью.

Слово взял мистер Филипс.

— Скажите, в июле на имя мистера Лоуренса Кавендиша приходила бандероль из фирмы Парксон?

— Не помню, сэр. Может, и приходила, но мистер Лоуренс в июле часто уезжал из усадьбы.

— Если бы бандероль пришла в его отсутствие, что бы с ней сделали?

— Ее бы оставили в комнате матери Лоуренса либо отправили вслед за ним.

— А что бы сделали вы?

— Я? Наверное, положила бы на стол в холле. Только это не мое дело, за почтой следит мисс Ховард.

Эвелин как раз выступала вслед за Доркас. Ее спросили, помнит ли она о бандероли на имя Лоуренса.

— Может, и была какая-то. Много почты приходит. Всего не упомнишь.

— Значит, вы не знаете, послали бандероль мистеру Лоуренсу в Уэллс или оставили в его комнате?

— В Уэллс ничего не посылали. Я бы запомнила.

— Допустим, во время отсутствия мистера Лоуренса на его имя приходит бандероль, которая впоследствии исчезает. Вы бы вспомнили о ней через некоторое время?

— Вряд ли. Я бы подумала, что ее кто-нибудь убрал. Чтоб на виду не лежала.

— Кажется, именно вы нашли этот документ (мистер Филипс показал уже знакомый нам с Пуаро листок), не так ли?

— Я.

— Как это произошло?

— Полицейский из Бельгии, который помогает следствию, попросил его поискать.

— И где он лежал?

— Э... э... на шкафу.

— В комнате подсудимого?

— Да, кажется.

— Вы его сами там обнаружили?
— Да.
— Тогда вы должны все помнить точно.
— Да, в комнате подсудимого.
— Так-то лучше.
Служащий фирмы Парксон подтвердил, что от мистера Лоуренса Кавендиша приходил чек и письмо, в котором он просил выслать ему накладную черную бороду, что и было сделано 29 июня. К сожалению, письмо не сохранилось, но есть соответствующая запись в регистрационном журнале.
Сэр Эрнст подскочил к свидетелю и спросил, глядя ему в глаза:
— А откуда, молодой человек, пришло письмо?
— Из Стайлз Корт.
— Почему вы так считаете?
— Я... я вас не понимаю.
— Как вы можете утверждать, что письмо отправлено из Стайлз Корт? Может быть, вы специально изучали почтовый штемпель?
— Нет, но...
— Значит, вы не знаете, откуда отправлено письмо!
— Сэр, мне кажется...
— Молодой человек, вы обязаны говорить не то, что вам кажется, а то, в чем вы уверены! Письмо могли отправить откуда угодно, например, из Уэллса, не так ли?
Свидетель обескураженно кивнул, и мистер Хэвивезер с видом победителя возвратился на место.
Затем была вызвана служанка Элизабет Вэллз. По ее словам, уже лежа в кровати, она вспомнила, что закрыла входную дверь на засов, а не на ключ, как просил мистер Инглторп. Спускаясь вниз по лестнице, она услышала шум в западном крыле здания. Мисс Вэллз прошла по коридору и увидела мистера Джона Кавендиша, стоящего у двери в комнату миссис Инглторп.
Сэру Эрнсту понадобилось всего несколько минут, чтобы совершенно запугать бедную служанку. Казалось, она была готова отречься от своих показаний, лишь бы не отвечать на вопросы этого ужасного человека!
Последней в тот день выступала Анни. Она сказала, что еще накануне воскового пятна на полу в спальне не было, и подтвердила, что видела, как Джон взял кофе и отправился наверх...
После окончания судебного заседания я вызвался

проводить Мэри. Она возмущалась речью прокурора, который, по ее словам, специально исказил все факты, чтобы оболгать ни в чем не повинного Джона.

— Ничего,— попытался я успокоить Мэри,— завтра будет иначе. Джона, несомненно, оправдают.

Миссис Кавендиш о чем-то задумалась и вдруг тихо сказала:

— Но в таком случае... нет, нет, это не Лоуренс... не может быть!

Я промолчал, но слова Мэри навели меня на грустные мысли.

Встретившись с Пуаро, я спросил, к чему, по его мнению, клонит мистер Хэвивезер. Пуаро улыбнулся.

— Да, ловко этот Хэвивезер выгораживает своего подзащитного.

— Вы думаете, он действительно верит, что убийца — Лоуренс?

— Хэвивезер? Да он вообще ни во что не верит! Его задача — запутать свидетелей и присяжных с тем, чтобы в создавшейся неразберихе подозрение пало на обоих братьев. Тогда станет трудно решить, кто же из них убийца.

На следующий день первым давал показания инспектор Джепп.

— На основании полученной информации,— деловито начал Джепп,— мною и лейтенантом Саммерхэем был произведен обыск в комнате подсудимого. В комоде под кипой нижнего белья мы обнаружили две улики. Во-первых, позолоченное пенсне, похожее на пенсне мистера Инглторпа. Во-вторых, флакон с ядом.

Далее мистер Джепп рассказал еще об одной находке, сделанной в комнате миссис Инглторп. Он показал полоску промокательной бумаги, на которой с помощью зеркала легко можно было прочесть: «...все, чем я обладаю, завещается моему любимому мужу Альфреду Инг...»

— Отпечаток совсем свежий,— заявил Джепп,— поэтому теперь мы знаем точно, что и в последнем завещании наследником объявлялся мистер Инглторп. У меня все.

Мистер Хэвивезер сразу бросился в атаку.

— Когда производился обыск в комнате подсудимого?

— Во вторник, 24 июля.

— То есть через неделю после убийства?

— Да.

— Ящик комода, в котором найдены пенсне и флакон, был заперт?

— Нет.

— А вам не кажется странным, что убийца держит компрометирующие улики у себя в комнате, да еще в незапертом ящике?

— Возможно, он их засунул туда в спешке. Наверное, ящик был выдвинут.

— Но ведь прошла целая неделя. Как вы думаете, этого времени достаточно, чтобы уничтожить улики?

— Возможно.

— Что значит «возможно»? Да или нет?

— Да.

— Кипа белья, о которой вы говорите, была тяжелой?

— Да, весьма.

— Значит, речь идет о теплом зимнем белье. Вас не удивляет, что был выдвинут ящик с зимним бельем, ведь стояла страшная жара?

— Не знаю...

— Извольте, пожалуйста, ясно ответить на мой вопрос.

— Да, это странно.

— Следовательно, если пенсне и яд кто-то подкинул в комод, то подсудимый вряд ли бы это обнаружил.

— Сомневаюсь, что яд и пенсне подкинули.

— Но это не исключено?

— В принципе, нет.

— Благодарю вас,— торжествующе проговорил мистер Хэвивезер.

Выступавшие вслед за Джеппом свидетели подтвердили финансовые трудности, которые испытывал Джон, а также то, что у него давний роман с миссис Райкес.

Выходит, мисс Ховард была права! Просто в своем озлоблении против Инглторпа она посчитала, что миссис Райкес встречается с ним, а не с Джоном.

И вот наконец судья вызвал Лоуренса Кавендиша. Тот сразу заявил, что никакого письма в фирму Парксон не посылал и, более того, двадцать девятого июня находился в Уэллсе.

Сэр Эрнст Хэвивезер не собирался упускать инициативу.

— Итак, мистер Кавендиш, вы отрицаете, что заказывали накладную черную бороду в фирме Парксон?

— Да.

— Хорошо. Тогда скажите, если что-то случится с вашим братом, кто станет владельцем поместья Стайлз Корт?

Лоуренс покраснел, услышав столь бестактный вопрос. Даже судья пробормотал что-то неодобрительное, однако Хэвивезер продолжал настаивать:

— Потрудитесь, пожалуйста, ответить на мой вопрос.

— Владельцем Стайлз Корта, видимо, стану я.

— А почему «видимо»? Детей у вашего брата нет, следовательно, вы — единственный наследник.

— Выходит, что так.

Мистер Хэвивезер злобно ухмыльнулся.

— Замечательно. Кроме усадьбы к вам, в этом случае, переходит весьма крупная сумма.

— Помилуйте, сэр Эрнст,— воскликнул судья,— все это не имеет никакого отношения к делу.

Однако Хэвивезер продолжал наседать на Лоуренса.

— Во вторник, 17 июля, вместе с одним из своих друзей вы посещали госпиталь Красного Креста в Тэдминстере, не так ли?

— Да.

— Оставшись на несколько секунд один в комнате, вы открывали шкаф, в котором хранились яды. Так?

— Не помню. Возможно.

— А точнее?

— Да, кажется, открывал.

— И одна из бутылочек в особенности привлекла ваше внимание?

— Нет, я сразу закрыл шкаф.

— Осторожно, мистер Кавендиш,— ваши показания фиксируются. Я имею в виду склянку с гидрохлоридом стрихнина.

Лоуренс побледнел.

— Нет, нет, я не трогал стрихнин.

— Тогда почему на этой склянке обнаружены отпечатки ваших пальцев?

Лоуренс вздрогнул и, немного помедлив, произнес:

— Да, теперь вспомнил. Действительно, я держал в руках бутылочку со стрихнином.

— Я тоже так думаю! А зачем вы отливали ее содержимое?

— Неправда! Я ничего не отливал!

— Тогда зачем же вы сняли с полки именно эту бутылочку?

— Я получил медицинское образование, и, естественно, меня интересуют разные медикаменты.

— Ах вот как! Вы находите интерес к ядам вполне естественным? Однако, чтобы удовлетворить свое «естественное» любопытство, вы дождались, пока все выйдут из комнаты!

— Это случайное совпадение. Если бы кто-то и находился в комнате, я все равно открыл бы шкаф.

— И все же, когда вы держали в руках стрихнин, в комнате никого не было!

— Да говорю же вам...

— Мистер Лоуренс,— перебил его Хэвивезер,— все утро вы находились в обществе своих друзей. Лишь однажды, и то на пару минут, вы остались одни в комнате, и как раз в этот момент вы решили удовлетворить свое естественное любопытство. Какое милое совпадение!

Лоуренс стоял словно оглушенный.

— Я... я...

— Мистер Кавендиш, у меня больше нет вопросов!

Показания Лоуренса вызвали большое оживление в зале. Присутствующие, в основном дамы, начали живо обсуждать услышанное, и вскоре судья пригрозил, что если шум не прекратится, то суд будет продолжен при закрытых дверях.

Вслед за Лоуренсом судья вызвал эксперта-графолога. По его словам, подпись Альфреда Инглторпа в аптечном журнале, несомненно, сделана кем-то другим.

Однако после шквала вопросов, который обрушил на него сэр Эрнст, эксперт нехотя признал, что мистер Инглторп мог намеренно изменить свой почерк.

На этом свидетельские показания закончились, и мистер Хэвивезер начал свою речь.

— Никогда еще,— патетически заявил сэр Эрнст,— я не сталкивался со столь необоснованным обвинением в убийстве! Факты, якобы свидетельствующие против моего подзащитного, оказались либо случайными совпадениями, либо плодом фантазии некоторых свидетелей. Давайте беспристрастно обсудим все, что нам известно. Стрихнин нашли в ящике комода в комнате мистера Кавендиша. Ящик был открыт, и нет никаких доказа-

тельств, что именно обвиняемый положил туда яд. Просто кому-то понадобилось, чтобы в убийстве обвинили мистера Кавендиша, и этот человек ловко подбросил яд в его комнату.

Далее, прокурор ничем не подкрепил свое утверждение, что мой подзащитный заказывал бороду в фирме Парксон.

Что касается своего скандала с миссис Инглторп, то подсудимый и не думает его отрицать. Однако значение этого скандала, равно как и финансовые затруднения мистера Кавендиша, сильно преувеличено.

Мой многоопытный коллега,— продолжал сэр Эрнст, кивнув в сторону мистера Филипса,— заявляет: если бы подсудимый был невиновен, то он бы уже на предварительном следствии признал, что в ссоре участвовал не мистер Инглторп, а он сам. Но вспомним, как было дело. Возвратившись во вторник вечером домой, мистер Кавендиш узнает, что днем случился скандал между супругами Инглторп. Поэтому он до последнего момента считал, что в этот день произошло два скандала,— ему и в голову не пришло, что кто-то мог спутать его голос с голосом Инглторпа.

Прокурор утверждает, что в понедельник, 16 июля, подсудимый под видом мистера Инглторпа купил в аптеке стрихнин. На самом же деле мистер Кавендиш находился в это время неподалеку от фермы «Марстон Спинни». Он был вынужден отправиться туда, так как получил анонимную записку. Шантажист угрожал кое-что рассказать миссис Кавендиш, если мой подзащитный не выплатит ему крупную сумму. Напрасно прождав полчаса в указанном месте, мистер Кавендиш возвратился домой. К сожалению, он никого не встретил по дороге и не может поэтому подтвердить свои слова. Однако записка у подсудимого сохранилась, и суд сможет с ней ознакомиться.

Что касается обвинения,— продолжал мистер Хэвивезер,— что подсудимый сжег завещание, то оно просто абсурдно. Мистер Кавендиш хорошо знает законы (ведь он заседал в свое время в местном суде), поэтому он понимал, что завещание, составленное за год до описываемых событий, после замужества миссис Инглторп потеряло силу. Более того, мистеру Инглторпу известно, кто написал записку! После того как он сообщит это, многие факты предстанут совсем в другом свете.

Заканчивая свое выступление, сэр Эрнст заявил, что имеющиеся улики свидетельствуют не только против его подзащитного: скажем, роль мистера Лоуренса в этом деле выглядит более чем подозрительно.

Слово предоставили Джону.

Он очень складно и убедительно (хотя и не без помощи сэра Эрнста!) рассказал, как все произошло. Анонимная записка, показанная присяжным, а также готовность, с которой Джон признал участие в ссоре с матерью и свои финансовые затруднения, произвели большое впечатление на присяжных.

— Теперь я хочу сделать заявление,— сказал Джон.— Я категорически возражаю против обвинений, выдвинутых сэром Эрнстом против моего брата. Убежден, что Лоуренс совершенно невиновен.

Судья одобрительно кивнул, и, заметив это, сэр Эрнст чуть заметно улыбнулся.

— Подсудимый,— обратился к Джону мистер Филипс,— я не понимаю, как вы сразу не догадались, что служанка перепутала ваш голос с голосом мистера Инглторпа? Это очень странно!

— Не вижу здесь ничего странного. Мне сказали, что днем произошел скандал между мамой и мистером Инглторпом. Почему же я должен был в этом усомниться?

— Но когда свидетельница Доркас в своих показаниях процитировала несколько фраз, вы не могли их не вспомнить!

— Как видите — мог.

— В таком случае, у вас на удивление короткая память.

— Удивляться тут нечему. В пылу спора мы говорили много лишнего, и я старался не обращать внимания на мамины слова.

Мистер Филипс недоверчиво покачал головой.

— Ладно, оставим пока эту тему. Скажите, вам не знаком почерк автора анонимной записки?

— Нет.

— А вам не кажется, что почерк подозрительно напоминает ваш собственный, чуть-чуть, впрочем, измененный?

— Нет, не кажется!

— А я утверждаю, что вы сами написали эту записку.

— Я?! Для чего?

— Чтобы иметь неопровержимое алиби! Вы назначили самому себе свидание в уединенном месте, а для большей убедительности — написали эту записку.

— Вы хотите меня оклеветать?

— Нет, но почему, скажите на милость, я должен верить, что в тот вечер вы находились в каком-то сомнительном месте, а не покупали стрихнин?

— Но я не покупал стрихнин!

— А я утверждаю, что покупали!

— Это ложь!

— Тогда я предоставляю присяжным самим сделать выводы из поразительного сходства почерка, которым написана эта записка, с почерком самого мистера Кавендиша!

С видом человека, исполнившего свой долг, мистер Филипс возвратился на место, и судья объявил, что следующее заседание состоится в понедельник. Я взглянул на Пуаро. Он выглядел крайне расстроенным.

— Что случилось? — спросил я удивленно.

— Друг мой, дело приняло неожиданный оборот. Все очень плохо.

Но меня эти слова обрадовали. Значит, есть еще надежда, что Джона оправдают!

Я проводил Пуаро до дома, и он предложил зайти. Настроение моего друга нисколько не улучшилось. Тяжело вздохнув, он взял с письменного стола колоду карт и, к моему великому удивлению, начал строить карточный домик. Заметив мое недоумение, Пуаро сказал:

— Не беспокойтесь, друг мой, я еще не впадаю в детство! Просто нет лучшего способа успокоиться. Четкость движений влечет за собой четкость мысли, а она мне сейчас нужна, как никогда.

— Пуаро, что произошло?

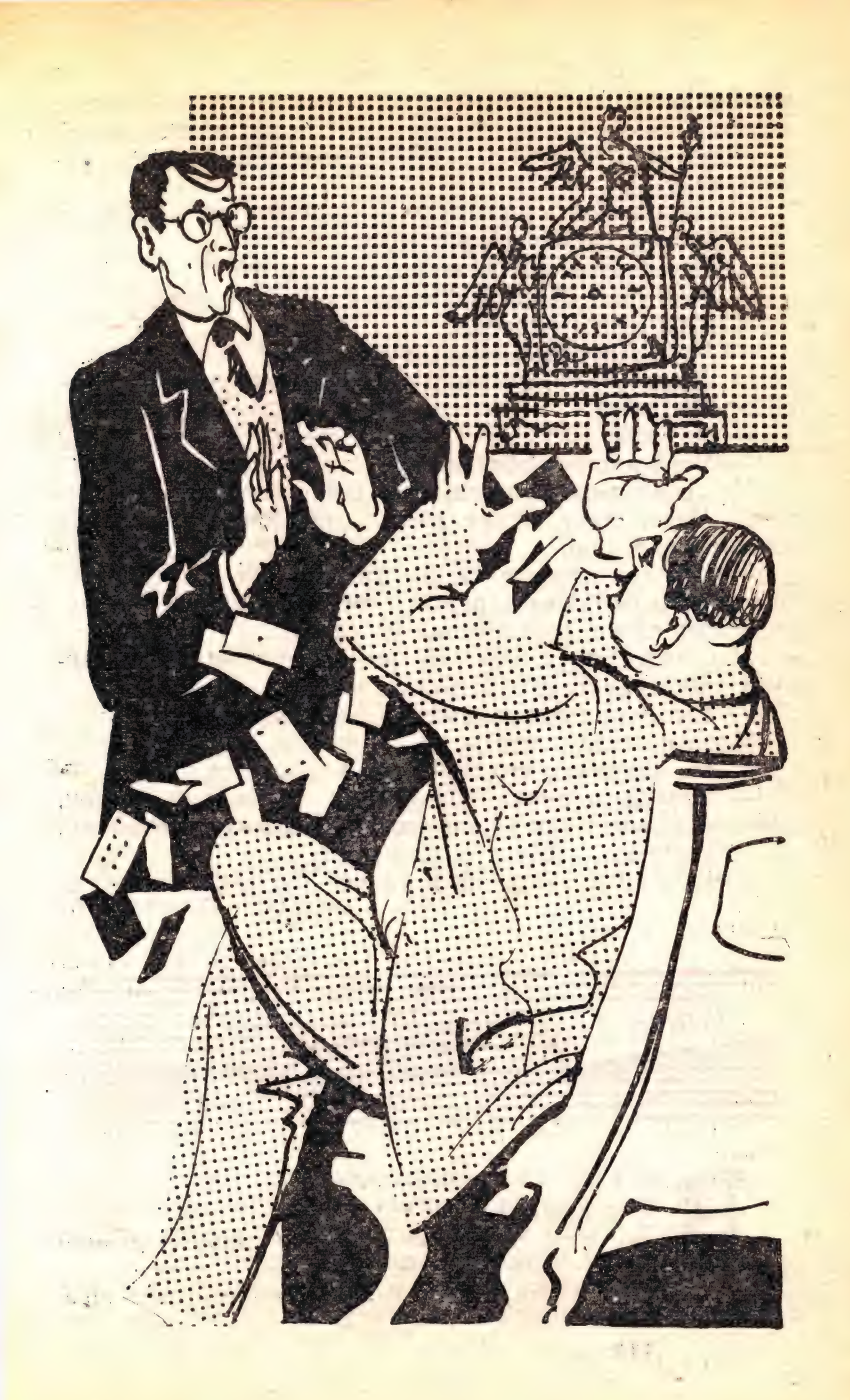
— Смотрите,— и легким щелчком он развалил карточный домик,— я могу объяснить, как произошло преступление, но без последнего звена в цепочке моя теория так же неустойчива, как это сооружение.

Пуаро начал строить новый домик, и я восхищенно проговорил:

— Какие четкие движения! Кажется, я лишь однажды видел, как у вас дрожат руки.

— Наверное, в тот момент я очень волновался.

— Волновался — это не то слово! Помните, как вы

разозлились, когда увидели, что замок розовой папки взломан? Подойдя к камину, вы стали выравнивать безделушки, и я заметил, как сильно дрожат ваши руки. Однако...

Внезапно мой друг издал страшный стон и, закрыв лицо руками, откинулся в кресле.

— Что случилось, Пуаро? Вам плохо?

— Хастингс! Хастингс! Кажется, я все понял!

Я облегченно вздохнул.

— Что, очередная «маленькая идея»?

— Друг мой, идея грандиозная! Потрясающая! Спасибо, Хастингс!

— За что?

— Этой идеей я обязан вам.

Не успел я опомниться, как Пуаро выскочил из комнаты. Через пару минут дверь отворилась, и вошла миссис Кавендиш.

— Что случилось с вашим другом? Он подбежал ко мне с криком: «Где гараж?» — но прежде, чем я ответила хоть слово, он выскочил на улицу.

Мы подошли к окну. Пуаро, без шляпы, со съехавшим набок галстуком, бежал по улице.

— Его остановит первый же полицейский.

Мэри пожала плечами.

— Не понимаю, что случилось?

— Откуда я знаю! Он строил карточный домик, вдруг подскочил как ужаленный и выбежал из комнаты.

— Надеюсь, к обеду он вернется.

Однако ни к обеду, ни к ужину Пуаро не появился.

Глава 11. Последнее звено

Все утро следующего дня я тщетно прождал своего друга и начал было уже беспокоиться, когда около трех часов с улицы послышался звук подъезжавшего автомобиля.

Я подошел к окну и увидел, что в машине сидели Пуаро и Джепп с Саммерхэем. Мой друг из-

лучал блаженное самодовольство. Завидев миссис Кавендиш, он выскочил из автомобиля и обратился к ней с изысканным поклоном:

— Мадам, позвольте мне собрать в гостиной обитателей усадьбы.

Мэри грустно улыбнулась.

— Месье Пуаро, вам предоставлена полная свобода действий. Поступайте, как считаете нужным.

— Благодарю, мадам, вы очень любезны.

Когда я вошел в гостиную, Пуаро уже расставил стулья и деловито пересчитал пришедших.

— Так. Мисс Ховард — здесь. Мадемуазель Цинция — здесь. Месье Лоуренс. Доркас. Анни. Хорошо. Сейчас придет мистер Инглторп — я послал ему записку,— и можно начинать.

— Если здесь снова появится этот человек,— воскликнула мисс Ховард,— я буду вынуждена уйти.

— Мисс Ховард,— взмолился Пуаро,— очень прошу вас — останьтесь.

Эви нехотя села на место. Через несколько минут вошел Альфред, и Пуаро торжественно обратился к собравшимся:

— Месье, мадам! Как вы знаете, мистер Джон Кавендиш попросил меня помочь в поисках убийцы его матери.

Я сразу осмотрел комнату покойной, которая до моего прихода была заперта. Там обнаружились три улики. Первая — кусочек зеленой материи на засове двери, ведущей в комнату мисс Мердок. Вторая — свежее пятно на ковре возле окна. Третья — пустая коробка из-под бромида, который принимала покойная.

Кусочек материи я передал полиции, но на него не обратили большого внимания и даже не поняли, что он был оторван от зеленого нарукавника.

Последние слова Пуаро вызвали оживление среди присутствующих.

— Из всех обитателей дома,— продолжал мой друг,— рабочие нарукавники есть только у миссис Кавендиш, которая ежедневно работает на ферме. Поэтому можно смело утверждать, что миссис Кавендиш ночью заходила в комнату миссис Инглторп, причем через дверь, ведущую в комнату мисс Мердок.

— Но эта дверь была закрыта изнутри,— сказал я удивленно.

— К моему приходу дверь действительно была закрыта на засов. Но это не означает, что она была закрыта и ночью. В суматохе, которая продолжалась до полудня, миссис Кавендиш вполне могла сама закрыть эту дверь.

Далее, из выступления миссис Кавендиш на дознании я заключил, что она что-то скрывает. Скажем, она утверждала, что слышала, как упал столик в комнате миссис Инглторп. Чтобы проверить ее слова, я попросил своего друга месье Хастингса встать в коридоре возле комнаты миссис Кавендиш. Вместе с полицейскими я отправился в комнату миссис Инглторп и во время обыска случайно опрокинул столик. Как и следовало ожидать, мой друг не слышал ни звука. Теперь я уже почти не сомневался, что в тот момент, когда подняли тревогу, миссис Кавендиш находилась не в своей комнате (как было сказано в ее показаниях!), а в комнате миссис Инглторп.

Я взглянул на Мэри. Ее лицо покрывала смертельная бледность, но она старалась сохранить спокойствие.

— Теперь попробуем восстановить ход событий. Миссис Кавендиш находится в комнате своей свекрови. Она пытается найти какой-то документ. Вдруг миссис Инглторп просыпается, издает жуткий хрип и начинает биться в конвульсиях. Она пытается дотянуться до колокольчика и случайно переворачивает столик. Миссис Кавендиш вздрагивает, роняет свечу, и воск разливается по ковру. Она поднимает свечу, быстро перебегает в комнату мисс Мердок и оттуда в коридор. Но там уже слышен топот бегущей прислуги. Что делать? Она спешит обратно в комнату мисс Мердок и начинает будить девушку. Из коридора слышны крики. Все пытаются проникнуть в комнату миссис Инглторп, и отсутствия миссис Кавендиш никто не замечает.

Пуаро взглянул на Мэри.

— Пока все верно, мадам?

Мэри кивнула.

— Да, совершенно верно. Я бы и сама уже давно все рассказала, если бы была уверена, что это облегчит положение моего мужа.

— Возможно, вы правильно сделали, что смолчали. Итак, я восстановил ход событий и должен был разобраться в других фактах.

— Мэри,— воскликнул Лоуренс,— так, значит, это ты сожгла последнее завещание?!

— Нет, завещание мог сжечь только один человек — моя свекровь!

Я даже привстал от удивления.

— Но постойте! Она сама только накануне составила это завещание!

Пуаро улыбнулся.

— Тем не менее, друг мой, миссис Кавендиш права. Иначе вы не сможете объяснить, почему в жаркий день миссис Инглторп попросила разжечь камин у себя в комнате.

«Действительно,— подумал я,— как же мне это раньше не пришло в голову».

— Температура в тот день была 27 градусов в тени. Камин в такую жару ни к чему. Значит, его разожгли, чтобы сжечь то, что нельзя уничтожить иначе. Поскольку в усадьбе строго соблюдался режим экономии и прислуга не давала пропасть ни одному клочку исписанной бумаги, то оставалось только сжечь завещание. Я понял это сразу, как только узнал, что миссис Инглторп приказала в тот день разжечь камин. Поэтому обугленный обрывок завещания не был для меня неожиданностью. Конечно, тогда я еще не знал, что завещание было составлено лишь несколькими часами ранее. Более того, когда все это выяснилось, я ошибочно связал уничтожение завещания со ссорой, которую слышала Доркас, и посчитал, что завещание составлено еще до скандала. Однако выяснились дополнительные подробности, и я понял, что ошибался. Пришлось заново сопоставлять все факты. Итак, в 4 часа Доркас слышит, как разгневанная миссис Инглторп кричит, что не побоится скандала между мужем и женой, даже если он станет достоянием гласности. А вдруг эти слова были адресованы не ее мужу, а мистеру Джону Кавендишу? Через час, то есть около пяти, она говорит почти то же самое, но уже в иной ситуации. Она признается Доркас, что не знает, как поступить, поскольку боится скандала между мужем и женой. В 4 часа миссис Инглторп хотя и была разгневана, но вполне владела собой. В пять часов она выглядела совершенно подавленной и опустошенной.

Я предположил, что речь шла о двух разных скандалах. Мужья и жены, естественно, тоже были разные,

причем скандал, о котором говорилось в пять часов, касался лично миссис Инглторп.

Давайте теперь проследим, как развивались события. В 4 часа миссис Инглторп ссорится со своим сыном и угрожает рассказать обо всем миссис Кавендиш, которая, кстати, слышала большую часть их разговора.

В четыре тридцать, после обсуждения, в каких случаях завещания теряют силу, миссис Инглторп составляет новое завещание — в пользу своего мужа. Оба садовника ставят под ним свои подписи. В пять часов Доркас застает хозяйку совершенно убитой. В руках у нее листок бумаги —«письмо», и она приказывает разжечь камин.

Таким образом, примерно между половиной пятого и пятью произошло что-то из ряда вон выходящее. Миссис Инглторп потрясена и решает сжечь только что написанное завещание.

Что же случилось?

Как известно, в эти полчаса в будуар никто не входил, и нам остается только строить догадки. Но, кажется, я знаю, что произошло.

Установлено, что в письменном столе миссис Инглторп не было почтовых марок, ведь чуть позже она просила Доркас принести ей несколько штук. Миссис Инглторп решает поискать марки в бюро своего мужа. Бюро закрыто, но один из ее ключей подходит (я проверил это), и миссис Инглторп открывает крышку. В поисках марок она находит то, что совершенно не предназначалось для ее глаз. Я говорю о листке, который она держала в руке, разговаривая с Доркас. Однако миссис Кавендиш считала, что «письмо», которое свекровь столь упорно отказывалась ей показать, являлось письменным доказательством неверности Джона. Миссис Инглторп уверяла Мэри,— нисколько при этом не покривив душой,— что «письмо» не имеет никакого отношения к ее мужу. Однако миссис Кавендиш была уверена, что миссис Инглторп просто защищает своего сына. Она решает во что бы то ни стало завладеть письмом.

Мэри — женщина очень решительная, к тому же ей помог случай: она находит потерянный утром ключ от розовой папки, в которой миссис Инглторп хранит важные документы.

Лишь ослепленная ревностью женщина способна на шаг, который предприняла миссис Кавендиш. Вечером она незаметно открывает засов двери, ведущей из комнаты мисс Мердок в комнату миссис Инглторп. Видимо, она смазывает петли, поскольку дверь на следующий день открывалась совершенно бесшумно. Миссис Кавендиш считает, что безопаснее всего проникнуть в комнату свекрови под утро, так как прислуга не обратит внимания на шаги — миссис Инглторп всегда вставала в это время, чтобы разогреть какао.

Итак, она одевается так, словно идет на ферму, и тихо проходит через комнату мисс Мердок.

— Но я бы наверняка проснулась от этого,— перебила моего друга Цинция.

— Верно, если бы вы не находились в состоянии сильного опьянения.

— Опьянения?!

— Да, мадемуазель!

Пуаро выдержал эффектную паузу и вновь обратился к присутствующим.

— Мисс Мердок утверждала, что ее не разбудил страшный шум, доносившийся из соседней комнаты. Этому было два объяснения: либо она притворялась спящей (во что я не верил), либо сон был вызван каким-то сильнодействующим средством.

Я тщательно осмотрел кофейные чашки, поскольку именно миссис Кавендиш наливала кофе для мисс Мердок.

Однако химический анализ содержимого всех пяти чашек ничего не дал. Я уже собирался признать ошибочность своей гипотезы, как вдруг выяснилось, что кофе пили не шесть, а семь человек, ведь вечером приходил доктор Бауэрстайн!

Итак, пять чашек стояли на подносе, одна — вдребезги разбитая — валялась в комнате миссис Инглторп, и одна чашка куда-то исчезла. Я не сомневался, что пропала чашка именно мисс Мердок, поскольку во всех чашках был обнаружен сахар, а мадемуазель Цинция никогда не пьет сладкий кофе. В это время Анни вспоминает, что, когда она несла какао наверх, на подносе была рассыпана соль. Я решил сделать химический анализ какао.

— Но зачем,— удивленно спросил Лоуренс,— ведь анализ какао уже сделал Бауэрстайн?

— В первый раз в какао искали стрихнин. Я же проверил какао на содержание наркотика.

— Наркотика?

— Да, и моя догадка подтвердилась — миссис Кавендиш действительно добавила сильнодействующее, но безвредное снотворное в чашки мисс Мердок и миссис Инглторп. Можно представить, что испытала Мэри, когда у нее на глазах в страшных мучениях скончалась свекровь и все начали говорить об отравлении. Видимо, она решила, что подсыпала слишком большую дозу снотворного и, таким образом, ответственна за эту смерть.

В панике она бежит вниз и бросает чашку и блюдце мисс Мердок в большую вазу, где их впоследствии обнаружил месье Лоуренс.

Остатки какао она тронуть не решилась, поскольку в комнате покойной находилось слишком много народу. Вскоре выяснилось, что смерть наступила в результате отравления стрихнином, и миссис Кавендиш немного успокоилась.

Теперь ясно, почему смерть наступила только утром,— сильная доза снотворного отсрочила действие яда.

Мэри взглянула на Пуаро.

— Месье, вы совершенно правы, те мгновения, когда у меня на глазах билась в конвульсиях миссис Инглторп, были на самом деле ужасны. Поражаюсь, как вы сумели обо всем этом догадаться. Теперь я понимаю смысл...

— ...моего предложения исповедаться? Но вы не хотели довериться «отцу Пуаро»!

— Так значит,— сказал Лоуренс,— какао со снотворным, выпитое после отравленного кофе, отсрочило действие яда?

— Верно, но с одной лишь поправкой: миссис Инглторп не прикасалась к кофе.

— Что?!

Все были потрясены, и Пуаро наслаждался произведенным эффектом.

— Помните,— продолжал он,— пятно на ковре в комнате покойной? Оно выглядело совсем свежим, еще чувствовался запах кофе. Рядом валялись мелкие фарфоровые осколки. За несколько минут до того, как я обнаружил пятно, произошел любопытный эпизод. Я по-

ложил свой чемоданчик на стол у окна. Он оказался сломанным, и не успел я опомниться, как столик накренился и мои инструменты упали на пол, причем именно в то место, где находилось пятно. Уверен, что то же самое произошло и у миссис Инглторп.

О дальнейшем можно только догадаться. Скорее всего, она подняла разбитую чашку и поставила ее возле кровати. Но миссис Инглторп хотела пить, поэтому она разогрела какао, хотя обычно делала это гораздо позже.

И вот теперь мы подошли к самому главному. Мы выяснили, что кофе миссис Инглторп не пила, а в какао стрихнина не было, однако следствием установлено, что стрихнин попал в ее организм как раз в это время — от 7 до 9 часов вечера.

Значит, миссис Инглторп выпила еще что-то, что, с одной стороны, обладало достаточно резким вкусом, способным замаскировать горечь яда, а с другой — выглядело настолько безобидным, что никому и в голову не пришло искать там яд.

Надеюсь, все уже догадались — я говорю о микстуре, которую миссис Инглторп принимала каждый вечер.

— Иными словами,— переспросил я удивленно,— вы утверждаете, что убийца подсыпал стрихнин в лекарство?

— Друг мой, подсыпать ничего не требовалось. Стрихнин содержался в самой микстуре. Сейчас вам все станет ясно. Вот что написано в рецептурном справочнике госпиталя Красного Креста.

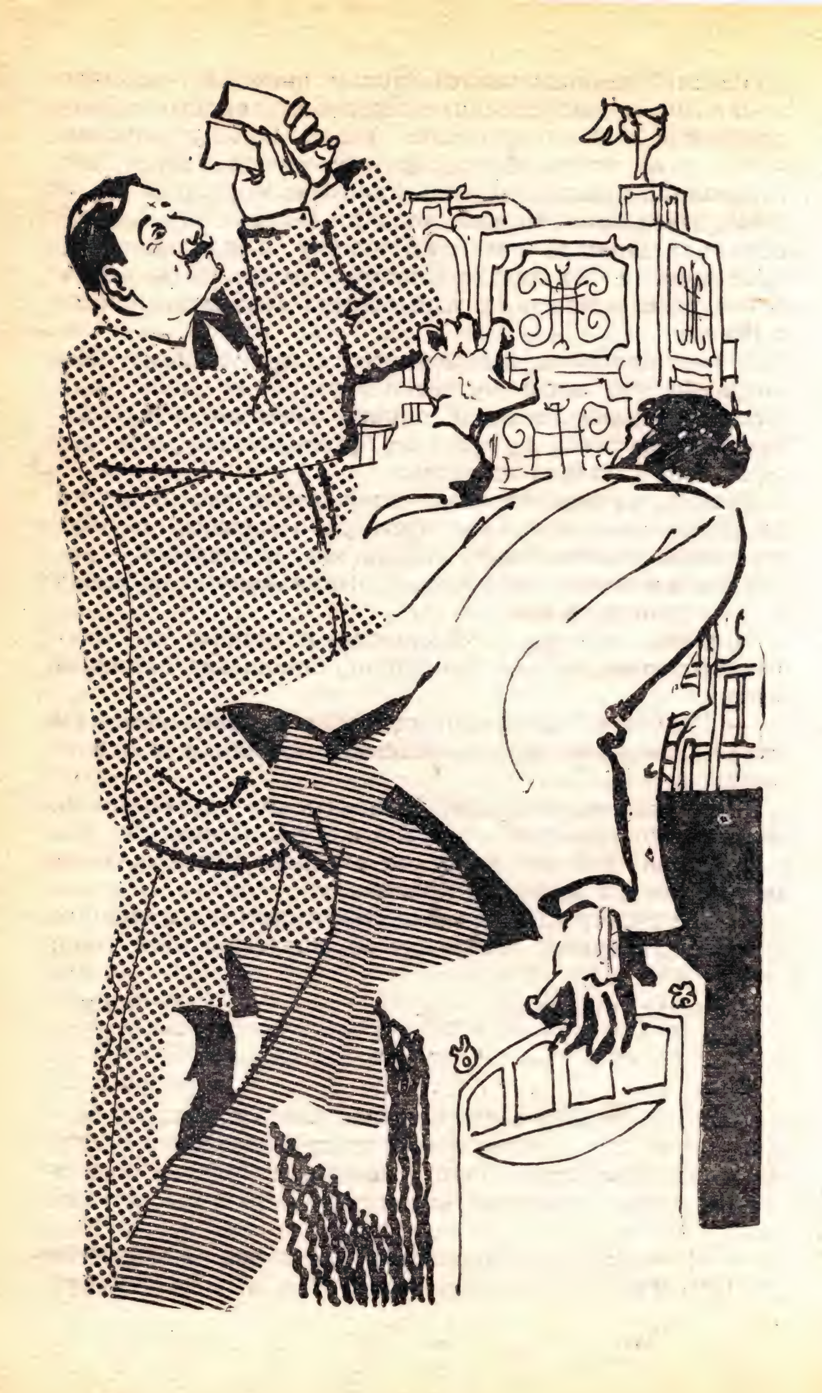
Пуаро достал небольшой листок и прочел следующее:

«Следует крайне осторожно обращаться с микстурой:

Сульфат стрихнина	1 грамм
поташ бромида	6 граммов
вода	8 граммов.

Через несколько часов большая часть стрихнина осаждается на дно в виде прозрачных кристаллов. В случае попадания кристаллов в организм (обычно с последней дозой лекарства) возможен летальный исход».

— В микстуре, прописанной доктором Уилкинсом, бромида, конечно, не содержалось. Но, как вы помните,

в комнате покойной найдена пустая коробка из-под бромида. Достаточно добавить два таких порошка в микстуру, и весь стрихнин осядет на дно бутыли. Свидетели утверждают, что с микстурой всегда обращались очень бережно и, отливая очередную порцию, старались не взболтать осадок. В ходе расследования я обнаружил несколько фактов, указывающих, что убийство первоначально было намечено на понедельник. В понедельник кто-то сломал колокольчик в комнате миссис Инглторп, в понедельник мадемуазель Цинция не ночевала дома, и миссис Инглторп оставалась одна в правом крыле дома. Ее призывы о помощи никто бы не услышал. Однако миссис Инглторп торопилась на концерт и в спешке забыла принять микстуру. На следующий день она обедала у миссис Роллстон и поэтому приняла последнюю — смертельную! — дозу лекарства только вечером, то есть на 24 часа позже, чем рассчитывал убийца. Именно благодаря этой задержке в моих руках оказалась самая важная улика, ставшая последним звеном в цепи доказательств.

В комнате воцарилась гнетущая тишина. Все глаза были устремлены на Пуаро. Он вынул три бумажные полоски.

— Друзья мои, перед вами письмо, написанное рукой убийцы. Будь оно чуть подробней, миссис Инглторп осталась бы жива.

Мой друг соединил полоски и, неторопливо откашлявшись, прочел:

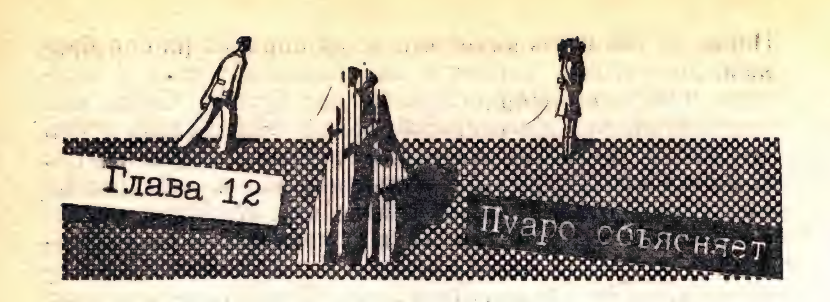
— «Милая Эвелин, не волнуйся, все в порядке. То, что мы наметили на вчера, случится сегодня. Представляешь, как мы заживем, когда старуха подохнет! Не беспокойся, меня никто не заподозрит. Твоя идея с бромидом просто гениальна! Я буду предельно осторожен, ведь любой неверный шаг...» — на этом письмо обрывается, однако его авторство не вызывает сомнений. Все мы прекрасно знаем почерк мистера...

Страшный крик потряс комнату.

— Подлец! Как ты это нашел?

Черная тень метнулась в сторону Пуаро. Он проворно отскочил в сторону, и нападавший рухнул на пол.

— Друзья мои,— торжествено провозгласил Пуаро,— разрешите представить вам убийцу — мистера Альфреда Инглторпа!

— Пуаро, и вы называли меня своим другом? Выходит, все это время вы морочили мне голову?

Разговор происходил в библиотеке на втором этаже поместья. Инглторп и мисс Ховард уже несколько дней находились под следствием. Джон и Мэри помирились, улеглись первые волнения, и я наконец получил возможность удовлетворить свое любопытство.

Пуаро ответил не сразу. Наконец он вздохнул и сказал:

— Друг мой, я не обманывал вас. Просто иногда я позволял вам обманывать самого себя.

— Но зачем?

— Как бы вам объяснить? Понимаете, Хастингс, вы настолько благородны и искренни, настолько не привыкли кривить душой и притворяться, что, расскажи я о своих подозрениях, вы при первой же встрече с Инглторпом невольно выдали бы свои чувства. Инглторп — хитрая лиса, он бы сразу все понял и в ту же ночь улизнул бы из Англии.

— Мне кажется, я умею держать язык за зубами!

— Друг мой, не обижайтесь. Без вашей помощи я бы никогда не раскрыл это преступление.

— И все-таки можно было хотя бы намекнуть.

— Я это делал, Хастингс, и не один раз! Но вы не обращали внимания на мои намеки. Разве я вам когда-нибудь говорил, что считаю убийцей Джона Кавендиша? Наоборот, я предупреждал, что его оправдают.

— Да, но...

— А разве после суда я не сказал, что самое трудное — не поймать преступника, а доказать его вину?

Неужели вы не поняли, что я говорил о двух разных людях?

— Нет, я не понял.

— А разве еще в самом начале я не говорил вам, что попытаюсь всеми силами предотвратить арест Инглторпа сейчас? Но вы не обратили внимания и на эти слова.

— Неужели вы подозревали Инглторпа с самого начала?

— Конечно. От смерти миссис Инглторп выигрывали многие, но больше всех — ее муж. Это и следовало взять за основу. Когда мы в первый раз пришли в поместье, у меня не было никакого плана расследования, однако я уже тогда понимал — такого хитрого мерзавца, как Инглторп, поймать будет нелегко. Мне сразу стало ясно, что завещание сожгла миссис Инглторп. Здесь вам не в чем меня упрекнуть — я несколько раз повторял, что камин в такой жаркий день разожгли неспроста.

— Ладно,— проговорил я нетерпеливо,— рассказывайте дальше.

— Так вот, вскоре я начал сомневаться в виновности Инглторпа. Слишком уж много было против него улик.

— А когда вы снова стали его подозревать?

— Когда заметил одну странную вещь — Инглторп всеми силами старался, чтобы его арестовали. А вскоре мои подозрения переросли в уверенность, ведь выяснилось, что у миссис Райкес был роман с Джоном, а не с Инглторпом.

— А при чем тут миссис Райкес?

— Хастингс, подумайте сами. Допустим, у Инглторпа действительно был с ней роман. В таком случае его молчание было бы вполне понятным, но коль скоро это не так, значит, поведение Альфреда на дознании объяснялось другими причинами. Помните, он утверждал, что боялся скандала? Однако никакой скандал на самом деле ему не грозил. Следовательно, Инглторп зачем-то хотел был арестованным, а значит, моя задача была не допустить ареста.

— Но почему он добивался собственного ареста?

— Только потому, друг мой, что он хорошо знает законы вашей страны. Человек, оправданный на суде, не может быть вторично судим за это же преступление! Инглторп понимает, что в любом случае его заподозрят в убийстве. Поэтому он подготавливает множество улик,

чтобы укрепить эти подозрения и поскорее предстать перед судом. А на суде он предъявляет неопровержимое алиби и его оправдывают!

— Пуаро, я совсем запутался. Откуда у Инглторпа взялось неопровержимое алиби, если он покупал в аптеке стрихнин?

Пуаро удивленно взглянул на меня.

— Друг мой, неужели вы до сих пор ничего не поняли? Инглторп и не думал покупать стрихнин. В аптеку приходила мисс Ховард.

— Мисс Ховард?

— А кто же еще? Для нее было совсем несложно загримироваться под Инглторпа. Мисс Ховард женщина высокая, широкоплечая, с низким мужеподобным голосом. К тому же Инглторп ее родственник и между ними есть определенное сходство, особенно в походке и манере держаться. Надо отдать им должное, Хастингс, идея была великолепной.

— А каким образом бромид попал в микстуру?

— Сейчас объясню. Видимо, весь план преступления, вплоть до мельчайших подробностей, разработала мисс Ховард. Она прекрасно разбирается в фармакологии — отец Эвелин был доктором и, по-видимому, она помогала ему в изготовлении лекарств. Во время подготовки к экзамену мисс Мердок приносила домой рецептурный справочник. Наверное, Эвелин взяла его полистать и случайно обнаружила описание свойства бромида осаждать стрихнин. Какая удача — миссис Инглторп как раз принимает бромид и микстуру, содержащую стрихнин! Остается только подсыпать две-три дозы порошка в микстуру!

Все очень просто, к тому же никакого риска. А чтобы окончательно избежать подозрений, надо затеять ссору с миссис Инглторп и, с видом поруганной добродетели, уехать из усадьбы. Блестящий план, не правда ли, Хастингс? Если бы они только им и ограничились, преступление могло бы остаться нераскрытым. Но нет, эта парочка хотела, чтобы в покупке стрихнина обвинили Джона Кавендиша. Вспомните, почерк человека, расписавшегося в аптечном журнале, очень напоминал почерк Джона.

Они знали, что в понедельник миссис Инглторп должна принять последнюю дозу микстуры. Поэтому в понедельник, около шести, Инглторп намеренно прогули-

вается недалеко от аптеки и его видят несколько человек. Мисс Ховард заранее распускает слух, что у него роман с миссис Райкес, чтобы впоследствии Инглторп мог объяснить свое молчание по поводу этой прогулки. Итак, пока Альфред совершает вечерний моцион, мисс Ховард в костюме Инглторпа покупает стрихнин и подписывается в журнале, имитируя почерк Джона. Но трюк не сработает, если мистер Кавендиш сможет предъявить алиби. Поэтому Эвелин пишет (снова почерк Джона!) записку, и мистер Кавендиш послушно отправляется в уединенное место. Свидетелей, видевших его там, нет, следовательно, в алиби Джона никто не поверит!

До этого момента все идет по плану. Мисс Ховард в тот же вечер уезжает в Миддлинхэм, а Инглторп спокойно возвращается домой. Теперь он абсолютно вне подозрений. И тут происходит осечка: в тот вечер миссис Инглторп не принимает лекарство. Сломанный звонок, отсутствие мисс Мердок (которое Инглторп ловко организовал через свою жену) — все оказалось напрасным! Инглторп нервничает... и совершает ошибку. Он хочет предупредить свою сообщницу, что, мол, все идет по плану и нечего волноваться. Воспользовавшись отсутствием жены, Альфред пишет письмо в Миддлинхэм. Неожиданно появляется миссис Инглторп. Он спешно прячет записку в бюро и закрывает его на ключ. В комнате оставаться опасно — вдруг миссис Инглторп что-нибудь у него попросит, придется открыть бюро, и она может заметить записку. Поэтому Альфред отправляется на прогулку. Ему и в голову не приходит, что миссис Инглторп может открыть бюро собственным ключом и натолкнуться на письмо.

Однако именно это и происходит.

Миссис Инглторп узнает, что ее муж и мисс Ховард замышляют убийство, но не знает, с какой стороны ждать опасность. Решив пока ничего не говорить мужу, она сжигает только что составленное завещание и пишет нотариусу, чтобы тот назавтра приехал в Стайлз. Записку она оставляет у себя.

— Так значит, Альфред взломал замок розовой папки, чтобы извлечь оттуда записку?

— Да, и раз Инглторп шел на такой риск, значит, он понимал важность этой, по сути дела единственной, улики.

— Но почему же он не уничтожил письмо?

— Потому что боялся держать его при себе.

— Вот бы и уничтожил его сразу!

— Не так все просто. У него имелось всего пять минут, как раз перед нашим приходом, ведь до этого Анни мыла лестницу и могла заметить, что кто-то прошел в правое крыло здания. Представьте, как Инглторп дрожащими руками пробует различные ключи, наконец один подходит, и он вбегает в комнату. Но папка заперта! Если он взломает замок, то тем самым выдаст свой приход. Однако выбора нет — письмо оставлять нельзя.

Инглторп ломает замок и лихорадочно перебирает бумаги. Вот и письмо! Но куда его деть? Оставлять при себе нельзя, если заметят, что он выходит из комнаты покойной, его могут обыскать. Наверное, в этот момент снизу доносятся голоса Джона и Уэллса, поднимающихся по лестнице. В распоряжении Альфреда всего несколько секунд. Куда же девать это чертово письмо? В корзину? Нельзя, ее содержимое наверняка проверят! Сжечь? Нет времени! Он растерянно озирается по сторонам и видит... как вы думаете, что?

Я пожал плечами.

— Он видит вазу, стоящую на каминной полке. В мгновение ока Инглторп разрывает письмо и, скрутив поплотнее три тонкие полоски, бросает их в вазу.

От удивления я не мог вымолвить ни слова.

— Никому не придет в голову,— продолжал Пуаро,— искать улики в вазе, стоящей на самом виду. При первом же удобном случае он сюда возвратится и уничтожит эту единственную улику.

— Неужели письмо все это время находилось в вазе?

— Да, друг мой, именно там я и отыскал недостающее звено. И это место подсказали мне вы.

— Я?

— Представьте себе — да! Помните, вы говорили, как я трясущимися руками выравнивал безделушки на каминной полке?

— Помню, но при чем тут...

— Хастингс, я вдруг вспомнил, что, когда мы в то утро заходили в комнату, я тоже машинально выравнивал эти безделушки. Но через некоторое время мне пришлось их выравнивать заново. Вывод напрашивается сам собой!

— Так вот почему вы как угорелый выскочили из комнаты и помчались в Стайлз?

— Совершенно верно, главное было не опоздать.

— Но я все равно не понимаю, почему Инглторп не уничтожил письмо. Возможностей у него было предостаточно.

— Ошибаетесь, друг мой. Я позаботился, чтобы он не смог этого сделать.

— Но каким образом?

— Помните, как я бегал по дому и рассказывал каждому встречному о пропаже документа?

— Да, я вас еще упрекнул за это.

— И напрасно. Я понимал, что убийца (неважно, Инглторп или кто другой) спрятал украденный документ. После того как я рассказал о пропаже, у меня появилась дюжина добросовестных помощников. Инглторпа и так подозревал весь дом, теперь же с него вообще не спускали глаз, он даже близко не мог подойти к комнате покойной. Альфреду ничего не оставалось, как уехать из Стайлз, так и не уничтожив злополучное письмо.

— Но почему это не сделала мисс Ховард?

— Мисс Ховард? Да она и не подозревала о существовании письма. За Инглторпом постоянно следили, к тому же они разыгрывали взаимную ненависть, поэтому уединиться для разговора было очень рискованно. Инглторп надеялся, что сможет в конце концов сам уничтожить письмо. Но я не спускал с него глаз, и Альфред решил не рисковать. Ведь несколько недель в вазу никто не заглядывал, вряд ли заглянут и впредь.

— Понятно. А когда вы начали подозревать мисс Ховард?

— Когда понял, что она лгала на дознании. Помните, она говорила о письме, полученном от миссис Инглторп?

— Да.

— А теперь вспомните, как выглядело письмо.

— Ничего особенного я не заметил. Письмо как письмо.

— Не совсем, друг мой. Как известно, почерк у миссис Инглторп был очень размашистый, и она оставляла большие промежутки между словами. Однако дата на письме — «июль, 17» — выглядела несколько иначе. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Честно говоря, нет.

— Хастингс, письмо было отправлено седьмого июля, то есть на следующий день после отъезда Эвелин, а мисс Ховард поставила перед семеркой единицу.

— Но зачем?

— Я тоже задавал себе этот вопрос. Зачем мисс Ховард понадобилось подделывать дату? Может быть, она не хотела показывать настоящее письмо от 17 июля? Но по какой причине? И тут мне в голову пришла любопытная мысль. Помните, я говорил, что надо остерегаться людей, которые скрывают правду?

— Да, но вы же сами указывали на две причины, по которым мисс Ховард не может быть убийцей.

— Хастингс, я тоже долгое время не мог в это поверить, пока не вспомнил, что мисс Ховард — троюродная сестра Инглторпа. И что, если она не убийца, а сообщница убийцы? Если предположить, что преступников двое, то становится понятной ее бешеная ненависть к Инглторпу: под ней Эвелин скрывала совсем иные чувства! Думаю, их роман начался задолго до приезда Инглторпа в Стайлз. Тогда же в голове у мисс Ховард созрел коварный план: Инглторп женится на богатой, но недалекой хозяйке поместья, глупая старуха делает его своим наследником, затем ей помогают отправиться на тот свет, а влюбленная парочка отправляется на континент, где до конца своих дней ведет безбедное существование.

Казалось, все было предусмотрено. Пока Инглторп отмалчивался на дознании, она возвращается из Миддлинхэма с полным набором улик против Джона Кавендиша. Никто за ней не следит, и мисс Ховард спокойно подкидывает стрихнин и пенсне в комнату Джона, затем кладет черную бороду на дно сундука, справедливо полагая, что рано или поздно эти улики будут обнаружены.

— Не понимаю, почему они решили сделать своей жертвой Джона? По-моему, было бы гораздо легче все свалить на Лоуренса.

— Правильно, но так получилось, что подозревать стали именно Джона Кавендиша. Поэтому нашей парочке выбирать не пришлось, и, чтобы у следствия отпали последние сомнения, мисс Ховард подкидывает яд и пенсне в комнату Джона.

— И все равно, я думаю, легче было бы обвинить Лоуренса. Он вел себя очень странно.

— Не уверен. Кстати, вы поняли причину его необычайного поведения?

— Нет.

— Все очень просто: Лоуренс был уверен, что убийца — мадемуазель Цинция.

— Цинция?

— Да-да, Хастингс, именно Цинция. Я тоже ее сначала подозревал и даже спрашивал Уэллса, не могла ли миссис Инглторп объявить наследником не члена своей семьи. А вспомните, кто приготовил порошки бромида? А ее появление в мужском костюме на недавнем маскараде! Тут было над чем призадуматься, друг мой Хастингс!

— Пуаро, мне решительно надоели ваши шутки!

— Я вовсе не шучу. Помните, как, стоя у кровати умирающей миссис Инглторп, вы заметили, что Лоуренс страшно побледнел?

— Да, он не мог оторвать взгляд от чего-то.

— Совершенно верно. Лоуренс заметил, что дверь в комнату мадемуазель Цинции не была закрыта на засов!

— Но ведь на дознании он утверждал обратное.

— Это и показалось мне подозрительным. Как выяснилось, месье Лоуренс просто выгораживал мисс Мердок.

— Но зачем?

— Потому что он в нее влюблен.

Я рассмеялся.

— Вот здесь вы ошибаетесь. Я знаю точно, что Лоуренс не любит Цинцию, более того, он ее старательно избегает.

— Кто вам сказал?

— Сама мисс Мердок.

— Бедняжка! Наверное, она была сильно расстроена?

— Напротив, Цинция сказала, что это ее не волнует.

— В таком случае, друг мой, вы плохо знаете женщин. Можете быть уверены, что и она влюблена в Лоуренса.

Я снисходительно посмотрел на Пуаро, но промолчал.

— Странно, что вы не заметили этого сами. Каждый раз, когда мисс Мердок разговаривала с его братом, на

лице Лоуренса появлялась кислая мина. Он сам себя убедил, что Цинция влюблена в Джона. Увидев незапертую дверь, месье Лоуренс заподозрил самое худшее. Миссис Инглторп была явно отравлена, а ведь именно Цинция накануне провожала ее наверх. Чтобы предотвратить анализ остатков кофе, он наступает на чашку каблуком и позже, на дознании, пытается убедить присяжных, что никакого отравления не было.

— А о какой кофейной чашке говорилось в вашем послании?

— Я не сомневался, что чашку спрятала миссис Кавендиш. Но для Лоуренса слова «все будет в порядке» означали — если он найдет пропавшую чашку, то тем самым избавит от подозрений свою возлюбленную. Кстати, так и произошло.

— Пуаро, еще один вопрос. Что означали предсмертные слова миссис Инглторп?

— Совершенно очевидно, что, собрав последние силы, она назвала имя убийцы.

— Господи, Пуаро, по-моему, вы можете объяснить решительно все! Ладно, надо поскорее забыть эту ужасную историю. Кажется, Мэри и Джон это уже сделали. Я рад, что они помирились.

— Не без моей помощи!

— Что вы хотите сказать?

— Только то, что, если бы не было суда над Джоном, они бы уже давно разошлись. Вспомните, Хастингс, когда Мэри выходила за Джона, она его не любила. Вот он и решил завести роман с миссис Райкес, с тем чтобы пробудить в Мэри ревность. Для улучшения семейных отношений это, возможно, не лучший способ, однако он своего добился. Мэри почувствовала, что ни за что не хочет терять Джона. Однако гордость не позволяла ей поговорить с ним начистоту. Миссис Кавендиш решила ответить мужу тем же и сделала вид, что увлечена доктором Бауэрстайном. Помните, в день ареста Джона я сказал вам, что в моих руках счастье женщины?

— Да, но я не понял, что вы имели в виду.

— Хастингс, мне ничего не стоило доказать невиновность мистера Кавендиша. Но я решил, что только суд, то есть смертельная опасность, нависшая над Джоном, заставит их забыть о гордости, ревности и взаимных обидах. Так и произошло.

Я взглянул на Пуаро. Воистину надо обладать самонадеянностью моего друга, чтобы позволить судить человека за убийство матери лишь для того, чтобы помирить его с женой!

Пуаро улыбнулся.

— Наверное, вы меня осуждаете? Напрасно, я не сомневался, что все кончится хорошо. Друг мой, на свете нет ничего прекрасней семейного счастья, ради него стоит пойти на риск.

Я вспомнил, как несколько дней назад сидел рядом с Мэри, пытаясь хоть немного ее подбодрить. На миссис Кавендиш не было лица, бледная, изможденная, она сидела, откинувшись в кресле, и вздрагивала при каждом звуке. Вдруг в комнату вошел Пуаро. Ее лицо просияло.

— Не волнуйтесь, мадам, я спас вашего мужа.

В дверях появился Джон.

Выходя, я оглянулся. Они смотрели друг на друга, не в силах произнести ни звука, но их глаза были красноречивее любых слов.

Я вздохнул.

— Пуаро, наверное, вы правы — на свете нет ничего дороже счастья влюбленных.

В дверь постучали, и в комнату вошла Цинция.

— Можно на минутку?

— Конечно, Цинция, заходите.

— Я только хотела сказать...— Цинция запнулась и покраснела,— что я вас очень люблю!

Она быстро поцеловала сначала меня, потом Пуаро и выбежала из комнаты.

— Что это означало? — проговорил я удивленно. (Конечно, приятно, когда тебя целует такая девушка, как Цинция, но зачем же это делать в присутствии Пуаро?)

— Видимо, мисс Мердок поняла,— спокойно проговорил мой друг,— что месье Лоуренс относится к ней несколько лучше, чем она предполагала.

— Но ведь только что...

В этот момент мимо открытой двери прошел Лоуренс.

— Месье Лоуренс! — закричал Пуаро.— Месье Лоуренс! Мне кажется, вас можно поздравить?

Лоуренс покраснел и промямлил что-то невразумительное.

Воистину, влюбленный мужчина представляет из себя жалкое зрелище! Я тяжело вздохнул.

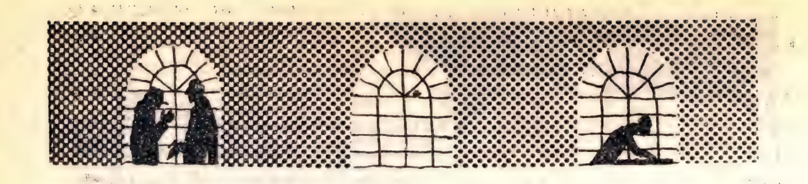
— Что с вами, друг мой?

— Да так, ничего... Просто в этом доме живут две прекрасные женщины...

— Которые, к сожалению, влюблены не в вас! Ничего, Хастингс, уверен, что и на вашей улице будет праздник!

НЕВЕРОЯТНАЯ
КРАЖА
Повесть

I

Когда дворецкий разносил суфле, лорд Мэйфилд наклонился к своей соседке справа, леди Джулии Каррингтон, и стал ей что-то нашептывать. Он славился как гостеприимный хозяин и старался поддерживать эту репутацию. Лорд Мэйфилд не был женат, но умел очаровывать женщин.

Леди Джулия Каррингтон, высокая, темноволосая, подвижная женщина лет сорока, все еще была красива. Она отличалась резкими манерами — нервы у нее были до крайности напряжены.

Напротив нее за круглым столом сидел ее муж — маршал авиации сэр Джордж Каррингтон. Его карьера началась во флоте, и он сохранил повадки старого морского волка. Он смеялся и поддразнивал очаровательную миссис Вандерлин, которая сидела по левую руку от хозяина дома.

Миссис Вандерлин была на редкость красивой блондинкой. Она говорила с легким американским акцентом — приятным, но не навязчивым.

Рядом с сэром Джорджем Каррингтоном сидела миссис Макатта — член парламента и великий специалист по жилищному строительству и защите детей. Она бросала отрывистые фразы и имела довольно грозный вид. Неудивительно, что маршал авиации предпочитал беседовать с соседкой справа.

Миссис Макатта просвещала соседа слева—молодого Регги Каррингтона, выпаливая короткими очередями поучительные сведения на свои излюбленные темы.

Регги Каррингтону был двадцать один год, и вопросы жилищного строительства, защиты детей и вообще любые политические проблемы не интересовали его ни в малейшей степени. Время от времени он изрекал: «Как

ужасно!», «Совершенно с вами согласен», но мысли его были далеко. Между молодым Каррингтоном и его матерью сидел личный секретарь лорда Мэйфилда мистер Карлайл. Бледный молодой человек в очках, с умным лицом и сдержанными манерами, он говорил мало, но был готов прийти на выручку, как только возникала неловкая пауза. Видя, что Регги Каррингтон с трудом подавляет зевоту, он наклонился в сторону миссис Макатты и весьма к месту задал вопрос о разработанной ею системе оценки «пригодности» детей.

Вокруг стола в приглушенном желтоватом свете бесшумно двигались дворецкий и два лакея, разносившие блюда. Лорд Мэйфилд платил большое жалованье повару и был известен как отменный гурман.

Хотя стол был круглый, хозяина дома можно было угадать безошибочно: он сидел как бы «во главе». Это был крупный широкоплечий мужчина с густой серебристой шевелюрой, большим прямым носом и слегка выдающимся вперед подбородком — лицо, на которое легко рисовать карикатуры. Лорд Мэйфилд сочетал политическую карьеру с деятельностью главы крупной машиностроительной фирмы. Сам он был первоклассным инженером. Год назад он получил звание пэра и одновременно был назначен на вновь созданный пост министра вооружений.

Принесли десерт. После него женщины покинули комнату.

Лорд Мэйфилд заговорил об охоте на фазанов. В течение нескольких минут разговор вертелся вокруг спорта. Потом сэр Джордж сказал:

— Регги, мой мальчик, ты, наверное, не прочь присоединиться к дамам в гостиной. Лорд Мэйфилд не обидится.

Юный Каррингтон сразу понял намек.

Мистер Карлайл пробормотал:

— Извините меня, лорд Мэйфилд, мне надо подготовить кое-какие бумаги.

Лорд Мэйфилд кивнул. Оба молодых человека вышли. Слуги удалились еще раньше. Министр вооружений и глава военно-воздушных сил остались вдвоем.

Помолчав с минуту, Каррингтон спросил:

— Ну как, в порядке?

— В полнейшем. Ничто не сравнится с этим новым бомбардировщиком — ни в одной стране Европы.

— Заткнули их за пояс, а? Я так и думал.

— Господство в воздухе,— сказал лорд Мэйфилд решительным тоном.

Сэр Джордж Каррингтон вздохнул с облегчением.

— Давно пора! Да, Чарлз, трудное время нам пришлось пережить. Европа — пороховой погреб. А мы были совсем не готовы, черт возьми! Буквально висели на волоске. И сейчас еще опасность не миновала, как бы мы ни спешили со строительством нового самолета.

Лорд Мэйфилд негромко сказал:

— И все же, Джордж, есть преимущество и в том, что мы начали поздно. Многие европейские машины уже устарели, а страны опасно близки к банкротству.

— По-моему, это все слова,— мрачно сказал сэр Джордж.— Мы постоянно слышим, что та или другая страна обанкротилась. Но они все равно продолжают существовать. Для меня финансы — непостижимая материя.

В глазах лорда Мэйфилда мелькнула усмешка. Сэр Джордж Каррингтон всегда был старомодным грубовато-добродушным морским волком. Правда, кое-кто считал, что это только личина.

Переменив тему, Каррингтон сказал нарочито небрежно:

— Привлекательная женщина эта миссис Вандерлин, а?

Лорд Мэйфилд ответил:

— Вы ломаете голову над тем, почему она здесь?

Каррингтон смешался:

— Вовсе нет, вовсе нет!

— Не притворяйтесь, Джордж. Вы боитесь, что я стал ее очередной жертвой.

Каррингтон медленно произнес:

— Признаюсь, мне показалось немного странным, что она здесь, ну... именно в этот уик-энд.

Лорд Мэйфилд кивнул:

— Почуяв падаль, слетаются стервятники. Лакомый кусок налицо, а миссис Вандерлин можно считать стервятником номер один.

Маршал авиации отрывисто спросил:

— Вы что-нибудь знаете об этой женщине?

Лорд Мэйфилд отрезал кончик сигары, зажег ее и, откинувшись назад, начал говорить, старательно обдумывая слова:

— Что мне известно о миссис Вандерлин? Мне известно, что она американская подданная. Мне известно, что у нее было три мужа разных национальностей и что в результате она установила «контакты» — так, кажется, это называют — в трех странах. Мне известно, что она умудряется покупать очень дорогие туалеты и жить в роскоши и что не совсем ясно, откуда она берет на это средства.

С усмешкой сэр Джордж Каррингтон заметил:

— Я вижу, ваши люди не бездействовали, Чарлз.

— Мне известно,— продолжал лорд Мэйфилд,— что, помимо соблазнительной внешности, миссис Вандерлин обладает еще умением внимательно слушать и проявлять живой интерес, когда ее собеседник садится на своего конька. Это значит, что мужчина может рассказывать о своей работе, чувствуя, что ей это чрезвычайно интересно. Некоторые молодые офицеры заходили, пожалуй, слишком далеко, стремясь заинтересовать ее разговором, после чего их карьера пострадала. Они рассказывали миссис Вандерлин немного больше, чем следовало. Почти все друзья этой дамы служат в вооруженных силах, прошлой зимой она охотилась в некоем графстве близ одного из наших крупнейших военных заводов и приобрела несколько дружеских связей отнюдь не спортивного характера. Короче говоря, миссис Вандерлин — весьма полезный человек для...— Он описал сигарой круг в воздухе.— Пожалуй, лучше не будем называть вслух, скажем лишь — для одной европейской страны, а быть может, и не для одной.

Каррингтон облегченно вздохнул.

— А вы думали, что сирена меня околдовала? Мой дорогой Джордж! Методы миссис Вандерлин слишком заметны для такого стреляного воробья, как я. Кроме того, она, как говорится, не первой молодости. Ваши юные командиры эскадрилий не заметили бы этого, но мне уже 56 лет, дружище. Года через четыре я, наверное, стану противным стариком и буду бегать за молоденькими девушками.

— Какой я дурень,— сказал Каррингтон извиняющимся тоном,— но мне показалось немного странным...

— Вам показалось странным, что она здесь, в довольно интимной компании, и именно в тот момент, когда мы с вами собирались провести неофициальное совещание по поводу изобретения, которое, быть может,

революционизирует всю систему противовоздушной обороны?

Сэр Джордж Каррингтон кивнул.

Лорд Мэйфилд сказал с улыбкой:

— В этом все дело. Это приманка.

— Приманка?

— Видите ли, Джордж, говоря языком кинофильмов, у нас нет улик против этой женщины. А нам необходимо что-то конкретное! Она слишком часто выходила сухой из воды. Она осторожна, чертовски осторожна. Нам известно, чем она занимается, но у нас нет определенных доказательств. Надо соблазнить ее чем-нибудь заманчивым.

— И это заманчивое — чертежи нового бомбардировщика?

— Именно. Для того чтобы она пошла на риск, обнаружила свои намерения, нужно что-то действительно заманчивое, и тогда она в наших руках!

— Ну что ж,— с сомнением протянул сэр Джордж,— наверное, это разумно. А что, если она не захочет пойти на риск?

— Будет очень жаль,— сказал лорд Мэйфилд и добавил: — Но, думаю, она рискнет...

— Что ж, надеюсь, ваш план увенчается успехом, Чарлз.

Лорд Мэйфилд встал.

— Не пойти ли нам к дамам в гостиную? Мы не должны лишать вашу супругу партии бриджа.

Сэр Джордж проворчал:

— Джулия помешана на бридже. Просаживает кучу денег. Она не может себе позволить играть так крупно, и я ей говорил об этом. Беда в том, что Джулия — прирожденный игрок.

2

Разговор в гостиной не ладился. Миссис Вандерлин в дамском обществе обычно не пользовалась успехом. Свойственная ей способность слушать с чарующим вниманием, которую так ценили представители сильного пола, по той или иной причине не импонировала женщинам. Леди Джулия легко впадала в крайности: ее манеры были то

изысканными, то ужасными. Миссис Вандерлин ее раздражала, а миссис Макатта наводила скуку, и она не скрывала своих чувств.

Разговор мог бы совсем прекратиться, если бы не миссис Макатта.

Это была женщина редкой целеустремленности. Она сразу же сбросила со счета миссис Вандерлин: «Бесполезный и паразитический тип». Леди Джулию она старалась заинтересовать в предстоящем благотворительном вечере. Леди Джулия отвечала туманно, раз или два подавила зевок и наконец погрузилась в свои мысли. «Почему не приходят Чарлз и Джордж? Какие мужчины нудные». Она все чаще отвечала невпопад.

Когда мужчины наконец вошли в гостиную, женщины сидели молча.

Лорд Мэйфилд подумал: «У Джулии сегодня болезненный вид. Эта женщина — комок нервов».

Вслух он сказал:

— Как насчет партии в бридж?

Леди Джулия сразу оживилась — бридж был для нее смыслом жизни.

В этот момент в комнату вошел Регги Каррингтон, и составилась партия. Леди Джулия, миссис Вандерлин, сэр Джордж и Регги уселись за карточный столик. Лорд Мэйфилд взял на себя задачу развлекать миссис Макатту.

После двух робберов сэр Джордж демонстративно посмотрел на каминные часы:

— Вряд ли есть смысл начинать новый роббер.

Его жена расстроилась:

— Еще только без четверти одиннадцать! Один короткий...

— Они никогда не бывают короткими, дорогая,— добродушно сказал сэр Джордж.— К тому же нам с Чарлзом надо поработать.

Миссис Вандерлин негромко заметила:

— Как это важно звучит! Наверное, вы, умные мужчины, которые всем заправляют, никогда не отдыхаете по-настоящему.

— Да, сорокавосьмичасовая рабочая неделя не для нас, — сказал сэр Джордж.

Миссис Вандерлин проворковала:

— Вы знаете, мне, право, стыдно за себя, я такая неотесанная американка, но я обожаю встречаться с

людьми, которые вершат судьбы страны. Вам, сэр Джордж, наверное, это кажется примитивным.

— Дорогая миссис Вандерлин, мне никогда не пришло бы в голову назвать вас неотесанной или примитивной.

Он улыбнулся, и в его голосе прозвучала ироническая нотка, которая не ускользнула от нее. Она быстро нашлась и, повернувшись к Регги, сказала с милой улыбкой:

— Жаль, что нам не придется больше играть вместе. Вы дьявольски умно объявили «без козыря».

Покраснев от удовольствия, Регги пробормотал:

— Просто повезло, что комбинация удалась.

— Нет, нет, вы действительно очень умно рассчитали. Пока торговались, вы сообразили, у кого какие карты, и соответственно пошли. По-моему, это блестящий ход.

Леди Джулия резко встала.

«До чего же эта женщина бесстыдно заигрывает»,— подумала она с чувством гадливости. Потом перевела взгляд на сына, и глаза ее сразу потеплели. Каким трогательно молоденьким и довольным он казался. Как он невероятно наивен! Неудивительно, что он попадает в переделки. Слишком доверчив. Вся беда в том, что он по натуре очень мягкий. Джордж его совсем не понимает. Мужчины так жестки в своих суждениях. Они забывают, что сами были молодыми. Джордж слишком суров с Регги.

Миссис Макатта поднялась. Все пожелали друг другу спокойной ночи.

Женщины вышли из комнаты.

Лорд Мэйфилд увидел в дверях Карлайла.

— Достаньте папки и все бумаги, Карлайл. В том числе чертежи и фотокопии. Мы с маршалом скоро придем. Только подышим немного воздухом, а, Джордж? Дождь перестал.

Карлайл собрался уйти, но в дверях столкнулся с миссис Вандерлин и извинился.

Она заявила:

— Тут где-то моя книга. Я читала ее перед обедом.

Регги подскочил к ней и протянул книгу.

— Эта? Она лежала на диване.

— Да, да. Ба-альшое спасибо.

Она нежно улыбнулась, снова пожелала доброй ночи и удалилась.

Сэр Джордж открыл одну из стеклянных дверей на террасу.

— Прекрасный вечер. Хорошо, что вам пришла в голову мысль пройтись.

— Спокойной ночи, сэр,— сказал Регги.— Я пойду спать.

— Спокойной ночи, мой мальчик,— ответил лорд Мэйфилд.

Регги взял детектив, который читал вечером, и ушел.

Лорд Мэйфилд и сэр Джордж вышли на террасу.

Вечер был действительно чудесный. Ясное небо было усыпано звездами.

Сэр Джордж втянул в себя воздух.

— Хм, эта женщина не жалеет духов,— заметил он.

Лорд Мэйфилд засмеялся.

— Хорошо хоть, что не дешевые духи. Пожалуй, это один из самых дорогих запахов, какие есть в продаже.

Сэр Джордж покривился.

— Спасибо и на этом.

— Что верно, то верно. Ничего нет противнее женщин, которые душатся дешевыми духами.

Сэр Джордж посмотрел на небо.

— Удивительно быстро распогодилось. Когда мы обедали, я слышал, как барабанил дождь.

Они не спеша прогуливались по террасе, которая тянулась вдоль всего дома. От террасы сад уходил под уклон, и открывался изумительный вид.

Сэр Джордж зажег сигару.

— Так вот, насчет этого сплава...— начал он.

Разговор принял чисто технический характер.

Когда они в пятый раз дошли до конца террасы, лорд Мэйфилд сказал со вздохом:

— Наверное, пора идти.

— Да, нам еще надо изрядно поработать.

Они повернулись, и вдруг лорд Мэйфилд удивленно вскрикнул:

— Ой, видите?

— Что? — спросил сэр Джордж.

— Мне показалось, что кто-то пробежал через террасу из двери моего кабинета.

— Чепуха, старина. Я ничего не видел.

— А я видел — или мне показалось, что видел.

— Это обман зрения. Я смотрел прямо перед собой и увидел бы человека на террасе. От моих глаз ничего не ускользнет, хоть я и держу газету на вытянутой руке.

Лорд Мэйфилд засмеялся.

— Тут я посильнее вас, Джордж, я читаю без очков.

— Но вы не всегда различаете людей на скамьях оппозиции. Или этот ваш монокль просто средство устрашения?

Со смехом они вошли в кабинет лорда Мэйфилда, стеклянная дверь которого тоже выходила на террасу и была открыта.

Карлайл стоял возле сейфа и разбирал бумаги в папке.

Когда они вошли, он поднял глаза.

— Ну как, Карлайл, все готово?

— Да, лорд Мэйфилд, все бумаги на вашем письменном столе.

Это был внушительного вида письменный стол крас-

ного дерева, стоявший наискосок к окну. Лорд Мэйфилд подошел к нему и начал перебирать разложенные на нем листы.

— Прекрасный вечер,— сказал сэр Джордж.

Карлайл согласился.

— Да, действительно. Так быстро прояснилось после дождя.

Убрав папку, Карлайл спросил:

— Я вам еще понадоблюсь сегодня вечером, лорд Мэйфилд?

— Вряд ли, Карлайл. Я уберу все эти бумаги сам. Мы, наверное, засидимся допоздна. Можете идти спать.

— Благодарю вас. Спокойной ночи, лорд Мэйфилд. Спокойной ночи, сэр Джордж.

— Спокойной ночи, Карлайл.

Секретарь уже собирался покинуть кабинет, как вдруг лорд Мэйфилд сказал взволнованно:

— Минутку, Карлайл. Вы забыли самые важные бумаги.

— Что именно, лорд Мэйфилд?

— Чертеж нового узла бомбардировщика.

Секретарь посмотрел на него с изумлением.

— Он лежит сверху, сэр.

— Ничего подобного.

— Но я только что положил его туда.

— Посмотрите сами.

Растерявшись, молодой человек подошел к письменному столу, возле которого стоял лорд Мэйфилд.

Министр нетерпеливо показал на стопку бумаг. Карлайл просмотрел их, и лицо его стало еще более растерянным.

— Видите, его там нет.

Секретарь, заикаясь, проговорил:

— Но... но это невероятно. Я положил чертеж туда минуты три назад.

Лорд Мэйфилд сказал добродушно:

— Вы ошиблись, наверное, он еще в сейфе.

— Но этого не может быть — я знаю, что положил его сверху!

Лорд Мэйфилд отстранил Карлайла и подошел к сейфу. Сэр Джордж присоединился к ним. Понадобилось всего несколько минут, чтобы убедиться, что чертежа там нет.

Ошеломленные, не веря своим глазам, трое мужчин

7 Зак. 1532

вернулись к письменному столу и еще раз просмотрели все бумаги.

— Боже мой! — воскликнул Мэйфилд.— Исчез!

— Но это невозможно! — пробормотал Карлайл.

— Кто заходил в эту комнату? — резко спросил министр.

— Никто. Абсолютно никто.

— Послушайте, Карлайл, чертеж не мог испариться. Кто-то его взял. Миссис Вандерлин сюда не заходила?

— Миссис Вандерлин? О нет, сэр.

— Могу это подтвердить,— сказал Каррингтон и втянул носом воздух.— Если бы она заходила, остался бы запах ее духов.

— Здесь никого не было,— настаивал Карлайл.— Ничего не могу понять.

— Послушайте, Карлайл,— сказал лорд Мэйфилд.— Возьмите себя в руки. Мы должны распутать эту историю. Вы совершенно уверены, что чертеж лежал в сейфе?

— Совершенно.

— Вы видели своими глазами? Может быть, вы просто считаете, что он лежал там среди других бумаг?

— Нет-нет, лорд Мэйфилд. Я видел. Я положил его поверх остальных бумаг на письменном столе.

— И с тех пор, вы говорите, никто не входил в комнату. А вы выходили из комнаты?

— Нет... Вообще... да.

— А! — воскликнул сэр Джордж.— Вот видите!

Лорд Мэйфилд начал сердито:

— Какого дьявола...

Карлайл прервал его:

— При обычных условиях, лорд Мэйфилд, я, конечно, и не подумал бы выйти из комнаты, где лежат важные документы, но услышав крик женщины...

— Крик женщины? — переспросил лорд Мэйфилд удивленно.

— Да, лорд Мэйфилд. Я как раз раскладывал бумаги на столе, когда услышал крик, и, естественно, выбежал в холл.

— Кто же кричал?

— Француженка — горничная миссис Вандерлин. Она стояла посреди лестницы, белая как мел, вся дрожала и казалась очень взволнованной. Она сказала, что видела привидение.

— Привидение?

— Да, высокую женщину в белом, которая молча парила в воздухе.

— Какая нелепая история!

— Именно, лорд Мэйфилд, так я ей и сказал. Должен заметить, что она, кажется, сама устыдилась. Она поднялась наверх, а я вернулся сюда.

— Как давно это было?

— За минуту или две перед тем, как вошли вы с сэром Джорджем.

— И сколько времени вы отсутствовали?

Секретарь задумался.

— Минуты две, самое большое — три.

— Вполне достаточно,— простонал лорд Мэйфилд. Внезапно он схватил своего друга за руку.

— Джордж, эта тень, которую я видел! Она кралась из этой двери. Так и есть! Как только Карлайл вышел из комнаты, человек проскользнул сюда, схватил чертеж и скрылся.

— Скверная история,— сказал сэр Джордж. Обернувшись к лорду Мэйфилду, он добавил: — Послушайте, Чарлз, все это чертовски неприятно. Что же нам делать?

3

— Ну хотя бы попробуйте, Чарлз.

Прошел час. Двое друзей сидели в кабинете лорда Мэйфилда, и сэр Джордж усиленно уговаривал собеседника принять его предложение.

Лорд Мэйфилд вначале упирался, но постепенно начал сдаваться.

— Не будьте так дьявольски упрямы, Чарлз,— говорил сэр Джордж.

— Ну зачем нам впутывать в эту историю какого-то жалкого иностранца, о котором мы ничего не знаем?

— Но я как раз знаю о нем очень много. Это не человек, а просто чудо.

— Хм!

— Не упрямьтесь, Чарлз. Все-таки какой-то шанс! Для нас сейчас главное — поменьше шума. Если эта история просочится...

— Вы хотите сказать, когда она просочится...

— Необязательно. Этот человек — Эркюль Пуаро...

— Явится сюда и достанет нам чертеж, как фокусник кролика из шапки, да?

— Он докопается до истины. А нам нужна истина. Послушайте, Чарлз, я беру всю ответственность на себя.

Лорд Мэйфилд наконец согласился.

— Ну ладно, поступайте как знаете, но я не представляю, что этот тип может сделать.

Сэр Джордж протянул руку к телефону.

— Я позвоню ему. Прямо сейчас.

— Он спит.

— Встанет. Тысяча чертей, Чарлз! Вы же не можете позволить этой женщине одержать верх!

— Вы имеете в виду миссис Вандерлин?

— Конечно. Ведь вы не сомневаетесь, что это дело ее рук?

— Нет. Она побила меня моим же оружием, да еще отплатила с лихвой. Мне неприятно это признавать, Джордж, но эта женщина оказалась умнее нас. Прискорбно, но факт. У нас нет никаких улик против нее, а между тем мы оба знаем, что это она все подстроила.

— Женщины — дьяволы в юбке,— сказал Каррингтон убежденно.

— И никаких нитей, черт возьми! Она, наверное, подговорила горничную поднять крик, а человек, который подстерегал снаружи, был ее сообщником. Но вся беда в том, что мы этого не можем доказать.

— Быть может, это удастся Эркюлю Пуаро.

Лорд Мэйфилд рассмеялся.

— Ей-богу, Джордж, никогда не думал, что вы, истый англичанин, будете уповать на какого-то французика, пусть и самого умного.

— Он даже не француз, а бельгиец,— сказал сэр Джордж смущенно.

— Ну ладно, зовите вашего бельгийца. Пусть поломает голову. Бьюсь об заклад, что он сможет сделать не больше нашего.

Сэр Джордж снял телефонную трубку.

4

Помаргивая, Эркюль Пуаро переводил взгляд с одного собеседника на другого и деликатно сдерживал зевоту. Была половина третьего ночи. Его разбудили и привезли в огромном «роллс-ройсе». Два друга только что закончили свой рассказ.

— Таковы факты, господин Пуаро,— сказал лорд Мэйфилд.

Он откинулся в кресле и не спеша вставил монокль. Сквозь него на Пуаро внимательно смотрел бледно-голубой глаз. Взгляд был не только проницательным, но явно скептическим. Пуаро посмотрел на сэра Джорджа Каррингтона.

Этот джентльмен подался вперед с выражением почти детской веры на лице.

Пуаро медленно проговорил:

— Я имею факты, да. Горничная кричит, секретарь выходит из комнаты, неизвестный, ждавший этого момента, входит, чертеж лежит на письменном столе, он хватает и уходит. Эти факты — они очень удобны.

Что-то в том, как он произнес последнюю фразу, видимо, привлекло внимание лорда Мэйфилда. Он выпрямился, сбросил монокль. Казалось, он насторожился.

— Что вы хотите сказать, господин Пуаро?

— Я сказал, лорд Мэйфилд, что факты очень удобны — для вора. Между прочим, вы уверены, что видели мужчину?

Лорд Мэйфилд покачал головой.

— Этого я не могу сказать. Это была просто тень. Я даже усомнился, что видел кого-то.

Пуаро перевел взгляд на маршала авиации.

— А вы, сэр Джордж? Могли бы вы сказать, кто это был — мужчина или женщина?

— Я лично никого не видел.

Пуаро задумчиво кивнул. Затем неожиданно вскочил на ноги и подошел к письменному столу.

— Могу вас заверить, что чертежа там нет,— сказал лорд Мэйфилд.— Мы все втроем перебрали эти бумаги чуть ли не десять раз.

— Все втроем? Вы имеете в виду, что ваш секретарь тоже?

— Да.

Пуаро внезапно повернулся:

— Скажите мне, лорд Мэйфилд, какой документ лежал сверху, когда вы подошли к письменному столу?

Мэйфилд наморщил лоб, силясь припомнить.

— Погодите-ка... да, проект меморандума относительно некоторых вопросов нашей противовоздушной обороны.

Пуаро ловко извлек один документ и протянул его.

— Этот, лорд Мэйфилд?

Лорд Мэйфилд взял его в руки и посмотрел.

— Да, этот.

Пуаро показал бумагу Каррингтону.

— Вы заметили этот документ на письменном столе?

Сэр Джордж взял его и, держа в вытянутой руке, посмотрел, потом все же надел пенсне.

— Да, правильно. Я тоже просматривал документы вместе с Карлайлом и Мэйфилдом. Этот лежал сверху.

Пуаро кивнул и положил документ обратно на стол. Мэйфилд смотрел на него слегка озадаченно.

— Если есть еще какие-нибудь вопросы...— начал он.

— Ну, конечно, есть вопрос. Карлайл. Карлайл — вот вопрос!

Лорд Мэйфилд покраснел.

— Карлайл, господин Пуаро, вне подозрений. Он был моим личным секретарем в течение девяти лет. Он имеет доступ ко всем моим бумагам и, должен заметить, мог без труда снять копии с чертежей и спецификаций так, что никто бы этого не знал.

— Это веский довод,— сказал Пуаро.— Если бы виновным был он, у него не было бы надобности инсценировать неуклюжую кражу.

— Во всяком случае,— сказал лорд Мэйфилд,— я уверен в Карлайле. Я ручаюсь за него.

— Карлайл,— сказал Каррингтон сердито,— честный малый.

Пуаро развел руками.

— А эта миссис Вандерлин — она бесчестная?

— Вот именно бесчестная,— сказал сэр Джордж.

Лорд Мэйфилд заговорил более спокойным тоном:

— Я полагаю, господин Пуаро, не может быть никакого сомнения в...м-м... деятельности миссис Вандерлин. Министерство иностранных дел может предоставить вам более точные сведения на этот счет.

— А горничная, по-вашему, заодно с хозяйкой?

— Вне всякого сомнения,— сказал сэр Джордж.

— Мне кажется, есть основания для такого предположения,— сказал лорд Мэйфилд более осторожно.

Наступила пауза.

Пуаро вздохнул и рассеянно переставил несколько предметов на столе. Затем сказал:

— Насколько я понимаю, эта бумага означала деньги? То есть украденная бумага безусловно стоила бы большой суммы.

— Да, если бы чертеж передали тем, кто в нем заинтересован.

— Кому именно?

Сэр Джордж назвал две европейских страны.

Пуаро кивнул.

— Это обстоятельство, вероятно, известно каждому?

— Миссис Вандерлин это прекрасно известно.

— Я спросил: каждому?

— Думаю, что да.

— Любой мало-мальски сообразительный человек понял бы, что чертеж стоит денег?

— Да, но, господин Пуаро... — У лорда Мэйфилда был довольно смущенный вид.

Пуаро поднял руку.

— Я исследую, как говорится, все пути.

Внезапно он снова встал, быстро вышел на террасу и, посветив себе карманным фонариком, осмотрел траву возле террасы.

Двое друзей наблюдали за ним.

Он вернулся, сел и спросил:

— Скажите мне, лорд Мэйфилд, этот злоумышленник, этот невидимка, притаившийся во тьме, — вы не преследовали его?

Лорд Мэйфилд пожал плечами.

— В конце сада он мог выбраться на шоссе, если там его ждал автомобиль, он скоро был бы вне пределов досягаемости...

— Но ведь есть полиция...

Сэр Джордж прервал его:

— Вы забываете, господин Пуаро. Мы не можем рисковать гласностью. Если бы стало известно, что чертеж похищен, это имело бы весьма неприятные последствия для партии.

— Ах да,— сказал Пуаро.— Нельзя забывать la politique (политику.— Р.).Надо соблюдать величайшую

осторожность. Поэтому вы послали за мной. Да, пожалуй, так проще.

— Вы надеетесь на успех, господин Пуаро? — В голосе лорда Мэйфилда звучало недоверие.

Маленький человечек пожал плечами.

— Почему бы нет? Надо только рассуждать... размышлять!

Он сделал паузу, потом сказал:

— Я хотел бы теперь побеседовать с мистером Карлайлом.

— Пожалуйста.— Лорд Мэйфилд встал.— Я просил его подождать. Он должен быть поблизости.

Он вышел из комнаты.

Пуаро взглянул на сэра Джорджа.

— Так как же с этим человеком на террасе?

— Мой дорогой Пуаро, не спрашивайте меня! Я его не видел, и я не могу его описать.

Пуаро подался вперед.

— Это вы уже говорили. Но в действительности дело обстоит немножко иначе, не правда ли?

— Что вы хотите сказать? — спросил сэр Джордж.

— Как бы лучше выразиться? Ваше неверие, оно более глубокое.

Сэр Джордж хотел было возразить, но пробормотал.

— Ну, конечно же,— сказал Пуаро ободряющим тоном.— Скажите мне. Вы оба находились в конце террасы. Лорд Мэйфилд видит, как тень метнулась из двери и исчезла в саду. Почему вы не видите этой тени?

Каррингтон пристально посмотрел на него.

— Вы попали в точку, господин Пуаро. Меня это все время беспокоит. Видите ли, я мог бы присягнуть, что никто не выходил из этой двери. Я подумал, что Мэйфилду это почудилось — качающаяся ветка... Что-нибудь в этом роде. Но потом, когда мы пришли сюда и обнаружили, что произошла кража, я подумал, что, наверное, Мэйфилд был прав, а я ошибался. И все же...

Пуаро улыбнулся.

— И все же в глубине души вы верите вашим собственным глазам?

— Вы правы.

Пуаро снова улыбнулся.

— Какой вы разумный человек.

Сэр Джордж спросил неожиданно:

— На траве не было никаких следов?

Пуаро покачал головой.

— В том-то и дело. Лорд Мэйфилд... ему кажется, что он видит тень. Потом обнаруживается кража, и он уже уверен! Но это не так. Я не придаю слишком большого значения следам и другим подобным вещам, но, насколько этому можно верить, мы располагаем таким негативным доказательством. На траве никаких следов нет. Вечером шел сильный дождь. Если бы человек спрыгнул с террасы на траву, его следы были бы видны.

Сэр Джордж сказал, глядя на Пуаро с крайним удивлением:

— Но тогда... значит...

— Это приводит нас снова в дом. К людям, которые находятся в доме.

Он замолчал, так как дверь открылась и вошли лорд Мэйфилд с Карлайлом.

Секретарь по-прежнему был бледен и казался встревоженным, но уже немного овладел собой. Поправив очки, он сел и вопросительно посмотрел на Пуаро.

— Сколько времени вы находились в комнате, когда услышали крик, мосье?

Карлайл подумал.

— Вероятно, минут пять—десять.

— А до этого не было никаких происшествий?

— Никаких.

— Насколько мне известно, большую часть вечера гости находились в одной комнате.

— Да, в гостиной.

Пуаро заглянул в свою записную книжку.

— Сэр Джордж Каррингтон и его супруга. Миссис Макатта. Миссис Вандерлин. Мистер Регги Каррингтон, лорд Мэйфилд и вы. Правильно?

— Лично я не был в гостиной. Я работал здесь большую часть вечера.

Пуаро повернулся к лорду Мэйфилду.

— Кто первый отправился спать?

— Кажется, леди Джулия Каррингтон. Вообще, дамы вышли вместе.

— А потом?

— Мистер Карлайл вошел, и я сказал ему, чтоб он приготовил все бумаги, так как мы с сэром Джорджем через несколько минут придем.

— Именно в этот момент вы решили прогуляться по террасе?

— Да.

— Было ли что-нибудь сказано в присутствии миссис Вандерлин о том, что вы собираетесь работать в кабинете?

— Да, я упомянул об этом.

— Но ее не было в комнате, когда вы велели мистеру Карлайлу подготовить бумаги?

— Нет.

— Прошу прощения, лорд Мэйфилд,— сказал Карлайл.— Сразу после того, как вы это сказали, я столкнулся с ней в дверях. Она вернулась за книгой.

— Так что она могла подслушать?

— Да, я думаю, это вполне возможно.

— Она вернулась за книгой,— размышлял вслух Пуаро.— И вы нашли ее книгу, лорд Мэйфилд?

— Регги нашел.

— Ну конечно, старый номер, как у вас говорят, нет, прошу прощения, старый трюк — вернуться за книгой. Часто это бывает полезным.

— Вы думаете, она сделала это преднамеренно?

Пуаро пожал плечами.

— И после этого вы вдвоем выходите на террасу. А миссис Вандерлин?

— Она ушла со своей книгой.

— А молодой мистер Регги? Он тоже отправился спать?

— Да.

— А мистер Карлайл идет в кабинет и пять—десять минут спустя слышит крик. Продолжайте, мосье Карлайл. Вы услышали крик и вышли в холл. Пожалуй, будет проще, если вы точно повторите свои действия.

Карлайл немного неуклюже встал.

— Я крикну,— любезно сказал Пуаро. Он раскрыл рот и издал пронзительное блеяние. Лорд Мэйфилд отвернулся, чтобы скрыть улыбку, Карлайл был явно не в своей тарелке.

— Allez! Вперед! Идите! — командовал Пуаро.— Теперь ваша очередь.

Карлайл на деревянных ногах подошел к двери, открыл ее и вышел в холл. Пуаро последовал за ним. Позади шли остальные двое.

— А дверь, вы закрыли ее за собой или оставили открытой?

— Право, не помню. Думаю, что оставил открытой.

— Неважно. Продолжайте.

По-прежнему скованно Карлайл дошел до лестницы и остановился, глядя вверх.

— Горничная, по вашим словам, была на лестнице. Где именно? — спросил Пуаро.

— Примерно посередине.

— И она казалась взволнованной?

— Несомненно.

— Eh bien, допустим, я — горничная.— Пуаро проворно взбежал по лестнице.

— Здесь?

— На одну или две ступеньки выше.

— Так?

Пуаро встал в позу.

— М-м, не совсем так.

— А как же?

— Она подняла руки к голове.

— А, она подняла руки к голове. Это очень интересно. Вот так? — Пуаро поднял руки и притронулся к голове, повыше ушей.

— Да, так.

— А скажите, мосье Карлайл, она хорошенькая, да?

— Право, я не заметил.

— Ах вот как, вы не заметили? Но вы молодой человек. Как же это молодой человек не замечает, что девушка хорошенькая?

— В самом деле, господин Пуаро, я могу лишь повторить, что не заметил.

Карлайл бросил умоляющий взгляд на своего патрона. Сэр Джордж Каррингтон усмехнулся.

— Похоже, что господин Пуаро решил изобразить вас эдаким ловеласом, Карлайл,— сказал он.

Карлайл холодно взглянул на него.

— Я лично всегда замечаю, когда девушка хорошенькая,— объявил Пуаро, спускаясь с лестницы.

Ответом Карлайла на эту реплику было подчеркнутое молчание. Пуаро продолжал:

— И именно в этот момент она рассказала вам историю о привидении?

— Да.

— И вы поверили?

— С трудом, господин Пуаро.

— Я не имею в виду, верите ли вы в привидения. Я хочу спросить, показалось ли вам, что сама девушка верит в то, что ей что-то привиделось?

— А, вот что, ну этого я не могу сказать. Она безусловно учащенно дышала и казалась взволнованной.

— Вы видели ее хозяйку или, может быть, слышали ее голос?

— Вы знаете, слышал. Она вышла из своей комнаты наверху и позвала: «Леони».

— А потом?

— Девушка побежала к ней, а я вернулся в кабинет.

— В то время, как вы стояли здесь, возле лестницы, мог кто-нибудь войти в кабинет через дверь, которую вы оставили открытой?

Карлайл покачал головой.

— Только пройдя мимо меня. Ведь дверь кабинета в конце коридора, как вы видите.

Пуаро кивнул. Карлайл продолжал, как всегда обдумывая слова:

— Должен признаться, я рад, что лорд Мэйфилд видел, как вор выходил из двери. В противном случае я оказался бы в весьма неприятном положении.

— Вздор, мой дорогой Карлайл,— нетерпеливо перебил его лорд Мэйфилд.— Никому не придет в голову подозревать вас.

— Я вам очень признателен, лорд Мэйфилд, но факты остаются фактами, и я прекрасно понимаю, что для меня обстоятельства складываются скверно. Во всяком случае, можно обыскать все мои вещи и меня самого.

— Чепуха, дорогой мой,— сказал Мэйфилд.

— Вы этого действительно хотите? — спросил Пуаро.

— Это было бы лучше.

Пуаро задумчиво посмотрел на него, помолчал, буркнул себе под нос: «понятно», затем спросил:

— Как расположена комната миссис Вандерлин?
— Она находится прямо над кабинетом.
— И окно выходит на террасу?
— Да.
Пуаро снова кивнул. Потом сказал:
— Пройдемте в гостиную.
Он обошел комнату, попробовал запоры на дверях, просмотрел записи на карточном столике и наконец обратился к лорду Мэйфилду:
— Это дело более сложное, чем может показаться. Но одно совершенно несомненно. Украденные бумаги находятся в доме.
Лорд Мэйфилд изумленно посмотрел на него.
— Но, мой дорогой господин Пуаро, человек, которого я видел на террасе...
— Там не было никакого человека.
— Но я видел его.
— При всем моем уважении к вам, лорд Мэйфилд, должен сказать, что вам показалось, будто вы видели его. Тень от ветки ввела вас в заблуждение. А поскольку кража действительно произошла, вы, вполне естественно, восприняли это как доказательство того, что вы не ошиблись.
— Но, право, господин Пуаро, свидетельство моих собственных глаз...
— Ставлю свои глаза против ваших, старина,— вмешался в разговор сэр Джордж.
Карлайл, очень бледный, сказал сдавленным голосом:
— В таком случае, если господин Пуаро прав, подозрение автоматически падает на меня. Я единственный человек, который физически мог совершить кражу.
Лорд Мэйфилд вскочил.
— Вздор! Что бы господин Пуаро ни думал об этом, я не согласен с ним. Я убежден в вашей невиновности, мой дорогой Карлайл. Я готов поручиться за вас.
Пуаро мягко заметил:
— Но я не говорил, что подозреваю мистера Карлайла.
— Да, но вы дали совершенно ясно понять,— сказал Карлайл,— что никто другой не имел возможности совершить кражу. Я ведь сказал вам, что в холле никто не проходил мимо меня к двери кабинета.

— Согласен. Но кто-то мог войти в кабинет через дверь с террасы.

— Но ведь вы сказали, что именно этого не случилось!

— Я сказал, что никто извне не мог войти и выйти, не оставив следов на траве. Но можно было войти из дома. Кто-то мог выйти из этой комнаты через одну из дверей на террасу, проскользнуть в кабинет и снова вернуться сюда.

Карлайл возразил:

— Но лорд Мэйфилд и сэр Джордж Каррингтон находились на террасе.

— Они находились на террасе, но они ходили взад-вперед. На зрение сэра Джорджа Каррингтона можно вполне положиться...— Пуаро отвесил поклон.— Но ведь у него глаза не на затылке! Дверь из кабинета на террасу крайняя слева, потом идут двери из этой комнаты, но терраса тянется дальше вправо вдоль одной, двух, трех, возможно, даже четырех комнат?

— Мимо столовой, бильярдной, маленькой гостиной и библиотеки,— сказал лорд Мэйфилд.

— А сколько раз вы прошли по террасе туда и обратно?

— По меньшей мере пять или шесть.

— Видите, это совсем не сложно, вору надо было только подловить момент.

Карлайл спросил:

— Вы хотите сказать, что, когда я в холле разговаривал с горничной, вор поджидал в гостиной?

— Я так предполагаю. Но, конечно, это только предположение.

— Мне оно кажется маловероятным,— сказал лорд Мэйфилд. — Слишком рискованно.

Маршал возразил:

— Я не согласен с вами, Чарлз. Это вполне возможно. Удивляюсь, как это у меня не хватило ума додуматься самому.

— Понимаете теперь, почему я полагаю, что чертеж находится все еще в доме? — спросил Пуаро.— Вопрос в том, как его отыскать?

Сэр Джордж фыркнул.

— Очень просто. Обыскать всех.

Лорд Мэйфилд сделал отрицательный жест, но Пуаро опередил его.

— Нет-нет, это не так просто. Лицо, похитившее чертеж, будет ожидать обыска и позаботится о том, чтобы его не было среди вещей. Он будет спрятан на нейтральной почве.

— Вы что же, предлагаете, чтобы мы играли в «горячо—холодно» по всему дому?

Пуаро улыбнулся.

— Нет-нет, не надо действовать так грубо. Мы можем найти место, где спрятан чертеж, или обнаружить виновного путем размышлений. Это упростит дело. Утром мне хотелось бы побеседовать со всеми, кто находится в доме. Наверное, было бы неразумно делать это сейчас.

Лорд Мэйфилд кивнул.

— Было бы слишком много разговоров,— сказал он,— если бы мы вытащили всех из постелей в три часа ночи. Во всяком случае, вам придется прибегнуть к маскировке, господин Пуаро. Надо хранить это происшествие в секрете.

Пуаро взмахнул рукой.

— Предоставьте все Эркюлю Пуаро. Я сумею придумать самые хитрые и убедительные объяснения. Итак, завтра я провожу расследование. Но сейчас я хотел бы побеседовать с вами, сэр Джордж, и с вами, лорд Мэйфилд.

Он поклонился обоим.

— Вы имеете в виду, с каждым в отдельности?

— Совершенно верно.

Лорд Мэйфилд слегка поднял брови, затем сказал:

— Разумеется. Я оставлю вас наедине с сэром Джорджем. Когда я понадоблюсь, вы найдете меня в кабинете. Пойдемте, Карлайл.

Он вышел вместе с секретарем, закрыв за собой дверь. Сэр Джордж уселся, механически достал сигарету и повернул измученное лицо к Пуаро.

— Вы знаете,— сказал он медленно,— я что-то не совсем улавливаю...

— Это объясняется одним словом,— ответил Пуаро с улыбкой.— Точнее, двумя словами. Миссис Вандерлин!

— Ах, вот оно что! — воскликнул Каррингтон.— Мне кажется, я понял. Миссис Вандерлин!

— Именно. Видите ли, это было бы неделикатно — задать лорду Мэйфилду вопрос, который меня интересует. Почему миссис Вандерлин? Эта дама известна как

подозрительная личность. Почему в таком случае она здесь? Я говорю себе: существуют три объяснения. Первое, что у лорда Мэйфилда особое отношение к этой даме. (Именно поэтому я стремился поговорить с вами наедине. Я не хочу ставить его в неловкое положение.) Второе, что миссис Вандерлин закадычный друг когонибудь еще в этом доме.

— Меня можете исключить! — ухмыльнулся сэр Джордж.

— Если ни один из этих вариантов не соответствует действительности, вопрос встает с еще большей настойчивостью. Почему миссис Вандерлин? И мне кажется, я смутно различаю ответ. Для этого существовала причина. Ее присутствие в данный момент было определенно желательно для лорда Мэйфилда по какой-то особой причине. Я прав? Сэр Джордж кивнул.

— Вы совершенно правы,— сказал он.— Мэйфилд слишком опытный человек, чтобы попасться на ее удочку. Он хотел, чтобы она приехала сюда совсем по другой причине. Дело в следующем...

И он передал свой разговор с лордом Мэйфилдом. Пуаро внимательно слушал.

— Вот как! Теперь понимаю. Тем не менее похоже, что эта дама довольно ловко побила вас обоих вашим же оружием.

Сэр Джордж чертыхнулся.

Пуаро смотрел на него, усмехаясь про себя. Потом спросил:

— Вы не сомневаетесь, что эта кража — дело ее рук? Я хочу сказать, что она подстроила ее, независимо от того, играла она сама активную роль или нет?

— Конечно, не сомневаюсь,— сказал сэр Джордж удивленно.— А кто же еще мог быть заинтересован в краже?

— Хм,— вздохнул Пуаро. Он откинулся на спинку кресла и уставился в потолок.— А между тем, сэр Джордж, не далее как четверть часа назад мы установили, что эти документы безусловно могут принести деньги. Быть может, не в такой осязаемой форме, как банкноты, золото или драгоценности, но, во всяком случае, это потенциальные деньги. Если здесь в доме есть человек, который находится в стесненном положении...

Сэр Джордж фыркнул.

— А кто в наши дни не в стесненном положении?

Я думаю, что могу заявить это, не бросая тень на себя.

Он улыбнулся, и Пуаро вежливо улыбнулся в ответ:

— Mais oui, вы можете говорить все что угодно, так как у вас, сэр Джордж, в этом деле единственное безупречное алиби.

— Но я нахожусь в чертовски стесненном положении!

Пуаро печально покачал головой.

— Да, конечно, у человека, занимающего ваше положение, большие расходы. И потом у вас сын такого возраста, когда деньги только подавай...

Сэр Джордж застонал.

— Одно образование сколько стоит, да к тому же еще долги. Но имейте в виду, он неплохой парень.

Пуаро сочувственно слушал рассказ о заботах маршала авиации. У молодого поколения совсем нет твердости характера и выдержки; а матери — просто непостижимо, как они балуют детей и всегда становятся на их сторону; или проклятый картежный азарт — если уж он овладеет женщиной, она совсем теряет голову и играет так крупно, что никаких средств не хватает. Обо всем этом сэр Джордж говорил отвлеченно, не называя прямо ни жену, ни сына, но при свойственной ему простодушной манере выражать свои мысли нетрудно было понять, что он говорит о них.

Внезапно он умолк.

— Простите, я не должен отнимать у вас время посторонними вещами, не относящимися к делу, особенно ночью или, скорее, утром.

Он подавил зевок.

— Я предлагаю вам, сэр Джордж, пойти спать. Вы были чрезвычайно любезны и очень помогли мне.

— Да, пожалуй, пора. Вы действительно считаете, что есть шанс найти чертеж?

Пуаро пожал плечами.

— Попытаюсь. Не вижу причин, почему бы не найти.

— Ну хорошо, пойду спать. Спокойной ночи.

Пуаро сидел в кресле, задумчиво уставившись в потолок, затем вынул маленькую записную книжку, раскрыл чистую страницу и написал:

«Миссис Вандерлин?

Леди Джулия Каррингтон?

Миссис Макатта?

Регги Каррингтон?

Мистер Карлайл?»

Пониже он написал:

«Миссис Вандерлин и мистер Регги Каррингтон?

Миссис Вандерлин и леди Джулия?

Миссис Вандерлин и мистер Карлайл?»

Он покачал головой с недовольным видом. Потом написал еще несколько фраз:

«Видел ли лорд Мэйфилд «тень»? Если нет, почему он сказал, что видел? Видел ли что-нибудь сэр Джордж? Он стал уверять, что ничего не видел, *после* того, как я осмотрел клумбу. Примечание: лорд Мэйфилд близорук, может читать без очков, но надевает монокль, чтобы рассмотреть предмет в другом конце комнаты. Сэр Джордж дальнозоркий. Поскольку они находились в самом конце террасы, его зрению можно доверять больше, чем зрению лорда Мэйфилда. Между тем лорд Мэйфилд настаивает, что он видел что-то, и слова друга его не поколебали.

Может ли кто-нибудь быть настолько вне подозрений, как мистер Карлайл? Лорд Мэйфилд категорически утверждает, что он невиновен. Слишком категорически. Почему? Потому что он втайне подозревает его и стыдится своих подозрений? Или потому, что он определенно подозревает кого-то другого? Другого, но не миссис Вандерлин?»

Он спрятал записную книжку, встал и направился в кабинет.

5

Лорд Мэйфилд сидел у письменного стола.

— Ну как, побеседовали с Каррингтоном?

— Да, лорд Мэйфилд. Он помог мне разрешить вопрос, над которым я ломал голову.

— Какой же это вопрос?

— Почему здесь миссис Вандерлин? Видите ли...

Мэйфилд быстро понял причину несколько преувеличенного смущения Пуаро.

— Вы думали, что я неравнодушен к этой даме? Отнюдь нет! Забавно, что Каррингтон подумал то же самое.

— Да, он рассказал мне о разговоре с вами.

— Мой небольшой план не удался,— сказал лорд Мэйфилд уныло.— Всегда неприятно признавать, что женщина одержала над тобой верх.

— Да, но она *пока еще* не одержала верх.

— Вы думаете, мы можем выиграть. Очень рад услышать это от вас. Хотелось бы, чтобы это было так.— Он вздохнул.— Я был так доволен своим планом: поймать эту даму в ловушку.

Закурив одну из своих маленьких сигарет, Пуаро спросил:

— В чем именно состоял ваш план, лорд Мэйфилд?

— Видите ли,— замялся Мэйфилд,— я не продумал деталей.

— Вы не обсуждали его ни с кем.

— Нет.

— Даже с мистером Карлайлом?

— Нет.

Пуаро улыбнулся.

— Вы предпочитаете действовать в одиночку, лорд Мэйфилд.

— Я часто убеждался в том, что это лучший способ,— ответил тот довольно мрачно.

— Да, вы поступаете мудро. Никому не доверяете. Но вы все-таки рассказали о своем намерении сэру Джорджу Каррингтону!

— Я видел, что этот милейший человек серьезно встревожен из-за меня, только поэтому.

И лорд Мэйфилд улыбнулся.

— Он ваш старый друг?

— Да. Я знаю его более двадцати лет.

— А его жену?

— Его жену тоже, конечно.

— Но, извините меня, если я нескромен, вы с ней менее близки?

— Не понимаю, какое касательство могут иметь мои личные отношения с людьми к делу, которое нас интересует?

— А я полагаю, лорд Мэйфилд, что они могут иметь самое прямое касательство. Вы ведь согласились с тем, что моя версия о человеке в гостиной правдоподобна. И если моя версия верна, то кто бы, по-вашему, это мог быть?

— Очевидно, миссис Вандерлин. Однажды она уже возвращалась туда за книгой. Могла вернуться за другой книгой, или за сумочкой, или за оброненным платком — у женщин всегда найдется десяток предлогов. Она договорилась с горничной, чтобы та закричала и тем

самым выманила Карлайла из кабинета. Затем она пробралась туда и обратно через террасу, как вы сказали.

— Вы забываете, что это не могла быть миссис Вандерлин. Карлайл слышал, как она позвала горничную, когда он разговаривал с девушкой.

Лорд Мэйфилд закусил губу. На лице его было написано раздражение.

— Верно, я забыл об этом.

— Вот видите,— мягко сказал Пуаро.— Мы продвигаемся вперед. Вначале у нас было простое объяснение, что вор вошел снаружи и убежал с добычей. Очень удобное объяснение, как я уже говорил, слишком удобное, чтобы в него поверить. Мы его отбросили. Затем мы переходим к версии иностранного агента — миссис Вандерлин, и опять-таки как будто все сходится — до определенного момента. Но теперь создается впечатление, что и эта версия тоже слишком проста, слишком удобна.

— Вы склонны совершенно исключить миссис Вандерлин?

— В гостиной находился кто-то другой, не миссис Вандерлин. Возможно, кражу совершил ее союзник, но вполне вероятно, что это был человек, не имеющий к ней отношения. Если это так, нам нужно подумать о мотиве.

— Не слишком ли это притянуто за уши?

— Не думаю. Итак, какой здесь возможен мотив? Прежде всего деньги. Это самое простое объяснение. Но возможен мотив совсем иного рода.

— Например?

Пуаро медленно произнес:

— Например, чтобы повредить кому-нибудь.

— Кому?

— Быть может, мистеру Карлайлу. На него скорее всего могло пасть подозрение. Но дело может быть более серьезным. Люди, от которых зависят судьбы страны, лорд Мэйфилд, особенно чувствительны к недовольству общественности.

— Вы хотите сказать, что кража была совершена с намерением повредить мне?

Пуаро кивнул.

— Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что около пяти лет назад у вас были довольно серьезные неприятности. Вас заподозрили в дружественных отноше-

ниях с одной европейской страной, которая в ту пору была крайне непопулярна среди избирателей.

— Совершенно верно, господин Пуаро.

— Ходили слухи, что вы заключили соглашение с этой страной. Публика и газеты подняли шумиху. К счастью, премьер-министр категорически опроверг эти слухи, вы также их опровергли, хотя не делали секрета из того, кому симпатизируете.

— Все это совершенно верно, господин Пуаро, но к чему ворошить прошлое?

— Я считаю возможным, что враг, разочарованный тем, что вам удалось преодолеть тот кризис, может попытаться создать для вас новый. Ведь вы теперь заслуженно считаетесь одним из самых популярных деятелей на политической арене. Вас даже прочат в премьер-министры!

— Вы думаете, что меня пытаются дискредитировать? Вздор!

— О, лорд Мэйфилд, вы же понимаете, какое создалось бы впечатление, если бы стало известно, что чертеж нового английского бомбардировщика был похищен во время уик-энда, когда вашей гостьей была некая очаровательная леди. Намеки в газетах на ваши отношения с этой леди вызвали бы недоверие к вам.

— Подобные вещи не могут восприниматься всерьез.

— Мой дорогой, вы прекрасно знаете, что могут. Так мало надо, чтобы подорвать доверие к политическому деятелю.

— Да, это так,— сказал лорд Мэйфилд. На лице его внезапно появилось очень озабоченное выражение.— Какой невероятно сложной становится эта история. Вы действительно думаете... Но это невозможно... Невозможно!

— Во всяком случае, вы должны признать, что мои вопросы о ваших отношениях с гостями, находящимися в доме, не совсем лишены связи со случившимся.

— Что ж, пожалуй. Вы спрашивали меня о Джулии Каррингтон. Мне почти нечего сказать. Я никогда особенно ей не симпатизировал и не думаю, что она расположена ко мне. Это беспокойная, нервная и безрассудно экстравагантная женщина, помешанная на картах. Она настолько старомодна, что, наверное, презирает меня, считает выскочкой.

Пуаро сказал:

— Перед тем как ехать сюда, я заглянул в «Кто есть кто»*. Вы первоклассный инженер и были главой известной машиностроительной фирмы.

— Да, это так.

— О-ля-ля! — воскликнул Пуаро.— Я просто дурак, настоящий дурак!

Собеседник посмотрел на него с удивлением.

— Простите, господин Пуаро?

— Мне стала ясна часть головоломки. Деталь, которую я не улавливал раньше... Ну, конечно, все сходится. Да, сходится поразительно!

Лорд Мэйфилд смотрел вопросительно. Но Пуаро с улыбкой покачал головой.

— Нет, нет, не сейчас. Я должен более тщательно все продумать.— Он встал.— Спокойной ночи, лорд Мэйфилд. Я думаю, что знаю, где находится чертеж.

Лорд Мэйфилд вскричал:

— Вы знаете? Тогда давайте сейчас же заберем его!

Пуаро покачал головой.

— Нет, нет, нельзя. Поспешность была бы гибельной. Предоставьте все Эркюлю Пуаро.

6

— Если произошло ограбление, какого черта старик Мэйфилд не посылает за полицией? — спросил Регги Каррингтон. Он слегка отодвинул стул от стола, за которым завтракал. Регги спустился последним. Хозяин дома, миссис Макатта и сэр Джордж уже кончили завтрак. Мать Регги и миссис Вандерлин завтракали в постели. Сэр Джордж рассказал о случившемся в таком духе, как он договорился с лордом Мэйфилдом и Эркюлем Пуаро, но чувствовал, что справляется с задачей не лучшим образом.

— Что за странная идея послать за этим чудаком иностранцем! — недоумевал Регги.— А что украдено, отец?

— Регги, я не могу сказать тебе этого.

— А-а, страшный секрет? Понятно.

Регги начал подниматься по лестнице, остановился на минуту, нахмурился, потом все-таки прошел наверх и постучал в дверь к матери.

* «Кто есть кто» — биографический справочник.—Прим. пер.

Леди Джулия сидела в постели и писала столбики цифр на обратной стороне конверта.

— Доброе утро, милый.— Она подняла глаза и спросила с тревогой: — Что-нибудь случилось, Регги?

— Ничего особенного, но кажется, вчера вечером произошла кража.

— Кража? А что украли?

— Я не знаю. Из этого делают страшный секрет. Там внизу какой-то чудной частный детектив расспрашивает всех.

— А что же все-таки произошло?

— Не знаю. Это случилось после того, как мы все пошли спать. Осторожно, мама, уронишь поднос.

Он подхватил поднос и отнес его к столику возле окна.

— И что же, деньги украли?

— Говорю тебе, я не знаю.

— И этот сыщик всем задает вопросы? «Где вы были вчера вечером?» И прочее в таком же роде?

— Наверное. Что до меня, то мне нечего ему сказать. Я сразу пошел спать и почти тут же заснул.

Леди Джулия не ответила.

— Вот что, мама, ты не могла бы одолжить мне немного денег? Я абсолютно без гроша.

— Нет, не могу,— решительно ответила мать.— Я сама растратила уйму. Не знаю, что скажет твой отец, когда узнает.

В дверь постучали, и вошел сэр Джордж.

— А, ты здесь, Регги. Не спустишься ли в библиотеку? Господин Эркюль Пуаро хочет поговорить с тобой.

Пуаро только что закончил беседу с грозной миссис Макаттой. Нескольких кратких вопросов было достаточно, чтобы выяснить, что миссис Макатта отправилась спать около 11 часов вечера и не видела и не слышала ничего, что могло бы ему помочь. Пуаро ловко перевел разговор с кражи на персональные темы. Он восхищается лордом Мэйфилдом: он считает лорда Мэйфилда подлинно выдающимся человеком. Конечно, миссис Макатта как человек, вращающийся в сферах, может лучше судить об этом.

— У лорда Мэйфилда есть мозги,— согласилась миссис Макатта.— Но, пожалуй, ему не хватает проницательности. К сожалению, это относится ко всем мужчинам. Им недостает воображения. Другое дело женщины. Женщина, господин Пуаро, через десять лет станет большой силой в правительстве.

Пуаро сказал, что уверен в этом. Он незаметно перешел к обсуждению миссис Вандерлин. Верно ли, как намекают, что она и лорд Мэйфилд — близкие друзья?

— Ничего подобного. По правде говоря, я была очень удивлена, увидев ее здесь. Очень удивлена.

Пуаро спросил, какого мнения миссис Макатта о миссис Вандерлин.

— Это одна из совершенно бесполезных женщин. Паразит, до мозга костей паразит!

— Но мужчинам она нравится?

— Мужчины? — Миссис Макатта произнесла это слово с презрением.— Мужчинам только и надо, что смазливую мордашку. Да взять хоть этого мальчика, Регги Каррингтона: краснеет всякий раз, как она заговорит с ним, так и тает, стоит ей обратить на него внимание. И она ему так откровенно льстит. Хвалит его игру в бридж, а он играет далеко не блестяще.

— Он слабый игрок?

— Вчера вечером без конца делал ошибки.

— Зато леди Джулия хорошо играет, не правда ли?

— Слишком хорошо, на мой взгляд,— сказала миссис Макатта.— Настоящий профессионал. Играет утром, днем и вечером.

— Она много выигрывает?

Миссис Макатта фыркнула с пренебрежительным видом.

— Она рассчитывает отыграться и заплатить долги. Но в последнее время ей не везет, так мне говорили. Вчера вечером у нее был такой вид, будто ее что-то угнетает. Азартная игра ненамного лучше пьянства!

Пуаро, искусно прекратив разговор, послал за Регги Каррингтоном.

Когда молодой человек вошел в комнату, Пуаро окинул его оценивающим взглядом: слабовольный рот, хотя и обаятельная улыбка, нерешительный подбородок, широко расставленные глаза, довольно узкая голова. Пуаро подумал про себя, что тип Регги Каррингтона ему хорошо знаком.

— Мистер Каррингтон, пожалуйста, расскажите мне все, что можете, о вчерашнем вечере.

— Хм, что же вам сказать? Мы играли в бридж в гостиной. После этого я пошел спать.

— В котором часу?

— Около одиннадцати. Кража произошла позднее?

— Да, позднее. Вы ничего не слышали и не видели?

Регги с сожалением покачал головой.

— Я сразу лег в постель, а сплю я крепко.

— Вы прямо из гостиной отправились в спальню?

— Да.

— Любопытно,— сказал Пуаро.

Регги спросил с раздражением:

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы, например, не слышали крика?

— Нет, не слышал.

— Очень любопытно.

— Послушайте, на что вы намекаете?

— Вы, быть может, немного глуховаты?

— Конечно, нет.

Губы Пуаро зашевелились. Возможно, он в третий раз повторил слово «любопытно».

— Что ж, благодарю вас, мистер Каррингтон, это все.

Регги нерешительно переминался с ноги на ногу.

— Знаете, теперь, когда вы сказали об этом, мне кажется, я действительно слышал что-то вроде крика.

— А?

— Видите ли, я читал книжку, детектив, и до моего сознания не дошло, что это было.

— Вот как,— сказал Пуаро.— Очень убедительно. Лицо его было непроницаемо.

Регги все еще колебался, затем повернулся и медленно направился к двери. Там он остановился и спросил:

— Кстати, что украдено?

— Кое-что, имеющее большую ценность, мистер Каррингтон. Это все, что я имею право сказать.

— Вот как! — сказал Регги с довольно растерянным видом и вышел из комнаты.

— Все сходится,— пробормотал Пуаро.— Отлично!

7

В комнату вплыла миссис Вандерлин. На ней был отлично скроенный красновато-коричневый спортивный костюм, который выгодно оттенял ее золотистые волосы. Она грациозно села и ослепительно улыбнулась маленькому человечку.

На какое-то мгновение в ее улыбке мелькнуло что-то похожее на торжество. Это выражение исчезло, но Пуаро его заметил, и ему это показалось интересным

— Грабители? Вчера вечером? Нет, нет, я ничего не слышала! А что же полиция? Разве она не может ничего сделать? — И снова в ее глазах мелькнула насмешка.

Эркюль Пуаро подумал: «Ясно, что вы не боитесь полиции, миледи. Вы прекрасно знаете, что ее не позовут».

Он сказал сдержанно:

— Вы понимаете, мадам, это весьма щекотливое дело...

— Ну, конечно, господин Пуаро. Мне в голову не придет проговориться. Я слишком большая почитательница дорогого лорда Мэйфилда, чтобы причинить ему малейшее беспокойство.

Она положила ногу на ногу и улыбнулась заразительной улыбкой отменно здорового и довольного собой человека.

— Могу ли я чем-нибудь помочь вам?

— Вы играли в бридж в гостиной вчера вечером?

— Да.

— Насколько мне известно, после этого все дамы отправились спать, но кто-то спустился за книгой. Это были вы, миссис Вандерлин, не так ли?

— Да, я первая вернулась обратно.

— Что это значит, «первая»? — быстро спросил Пуаро.

— Я вернулась сразу же,— объяснила миссис Вандерлин.— Потом я поднялась наверх и позвонила горничной. Она долго не шла. Я снова позвонила. Потом вышла на площадку лестницы. Я услышала ее голос и позвала ее. После того как она расчесала мне волосы, я отослала ее. Она была в нервном, взвинченном состоянии, и раз или два щетка запуталась в волосах. Именно в этот момент, когда я отослала ее, я увидела, что леди Джулия поднимается по лестнице. Она сказала мне, что спускалась за книгой. Любопытно, не правда ли? — Миссис Вандерлин лукаво улыбнулась.

— Вы правы, мадам. Слышали ли вы, как кричала ваша горничная?

— Да, конечно, что-то такое я слышала.

— Вы не спрашивали ее о причине?

— Спросила. Она сказала, что видела парящую фигуру в белом — такая чушь.

— А как была одета леди Джулия в тот вечер?

— Вы, наверное, думаете... Ага, понятно. На ней действительно было белое платье. Конечно, это все объясняет. Вероятно, моя горничная увидела в темноте белую фигуру. Эти девушки так суеверны!

— Ваша горничная давно у вас?

— Нет,— миссис Вандерлин широко раскрыла глаза.— Всего месяцев пять.

— Я бы хотел поговорить с ней, мадам.

Миссис Вандерлин приподняла брови.

— Пожалуйста!

Снова насмешливый огонек в глазах.

Пуаро встал и поклонился.

— Мадам,— сказал он,— я совершенно восхищен вами.

Впервые миссис Вандерлин немного растерялась.

— О, господин Пуаро, как мило, но почему?

— Вы так великолепно вооружены, мадам, так предельно довольны собой.

Миссис Вандерлин неуверенно засмеялась.

— Не знаю,— сказала она,— должна ли я воспринимать это как комплимент.

Пуаро сказал:

— Быть может, это предостережение — не относиться к жизни слишком заносчиво.

Миссис Вандерлин засмеялась более уверенно. Она встала и протянула Пуаро руку.

— Дорогой господин Пуаро, я от души желаю вам успеха.

Пуаро нетерпеливо позвонил и попросил прислать к нему мадемуазель Леони. Он внимательно осмотрел ее с головы до ног: скромная, в черном платье, с аккуратно разделенными на пробор черными волнистыми волосами и застенчиво опущенными глазами. Он одобрительно кивнул головой.

— Вы знаете,— сказал Пуаро,— я нахожу, что вы, мадемуазель Леони, очень миловидны.

Реакция Леони была мгновенной. Она метнула взгляд исподтишка и тихо проговорила:

— Мосье очень добр.

— Подумайте только,— продолжал Пуаро,— я спрашиваю мистера Карлайла, хорошенькая ли вы девушка, а он отвечает, что не знает!

Леони презрительно вздернула подбородок.

— Да он, наверное, за всю жизнь не посмотрел ни на одну девушку.

— Вероятно, нет. А жаль. Он много потерял. Но в этом доме есть другие, кто умеет лучше ценить красоту, не так ли?

— Право, я не знаю, на что намекает мосье.

— Прекрасно знаете, мадемуазель Леони. Миленькую историю вы вчера вечером сочинили о привидении! Как только я узнал, что вы стояли там на лестнице, подняв руки к волосам, я сразу понял, что привидение тут ни при чем. Если девушка пугается, она прижимает руки к сердцу или поднимает их ко рту, чтобы не закричать, но если она поднимает руки к волосам, это означает нечто другое. Это значит, что у нее растрепаны волосы и что она поспешно приводит их в порядок! А теперь, мадемуазель, говорите правду. Почему вы кричали на лестнице?

— Но, мосье, правда, я видела фигуру, всю в белом...

— Мадемуазель, не думайте, что я настолько глуп. Эта история сойдет для мистера Карлайла, но она недостаточно убедительна для Эркюля Пуаро. В действительности вас в этот момент поцеловали, не так ли? И я могу высказать догадку, что поцеловал вас мистер Регги Каррингтон.

Леони посмотрела ему прямо в глаза.

— О! — воскликнула она. — Что такое один поцелуй, в конце концов?

— В самом деле, — галантно поддакнул Пуаро.

— Дело было так: молодой джентльмен спускался по лестнице следом за мной, он обхватил меня за талию и, понятно, напугал, и я закричала. Если бы я знала... ну, конечно, я не стала бы кричать.

— Конечно, — согласился Пуаро.

— Но он подкрался бесшумно, как кошка. А потом открылась дверь кабинета и вышел мосье Карлайл, и молодой джентльмен улизнул наверх, а я осталась как дурочка. Понятно, мне надо было что-то сказать!

— И вы придумали привидение?

— Что делать, мосье, больше мне ничего не пришло в голову!

— Итак, теперь все объяснилось. Я подозревал это с самого начала.

Леони провокационно стрельнула глазками.

— Мосье очень умен и очень любезен.

— А поскольку я не собираюсь устраивать вам неприятности из-за этой истории, не сделаете ли и вы коечто для меня?

— С охотой, мосье.

— Насколько вы осведомлены о делах своей хозяйки?

Девушка пожала плечами.

— Не слишком, мосье. Конечно, я кое-что вижу.

— Что же вы видите?

— Я, например, замечаю, что друзья мадам всегда военные, или моряки, или летчики. Потом есть еще и другие друзья — иностранные джентльмены, которые приходят к ней иногда потихоньку. Мадам очень красива, хотя я не думаю, что красота ее долго продержится. Молодые люди находят ее очень привлекательной. Иногда, мне кажется, они говорят слишком много. Но это я сама так думаю. Мадам со мной не делится.

— Вы хотите сказать, что мадам никого не посвящает в свои дела?

— Да, мосье.

— Скажите мне, ваша хозяйка сегодня в хорошем настроении?

— Она в хорошем настроении с тех самых пор, как мы сюда приехали.

— Кому знать, как не вам, Леони.

Девушка сказала уверенно:

— Да, мосье. Я знаю все настроения мадам. Она очень весела.

— Даже в торжествующем настроении?

— Вы попали в точку.

Пуаро мрачно кивнул.

— Мне с этим... довольно трудно примириться. И все же, думается, это неизбежно. Благодарю вас, мадемуазель. Это все.

Леони бросила на него кокетливый взгляд.

— Спасибо, мосье. Если я встречу мосье на лестнице, будьте уверены, не закричу.

— Дитя мое,— сказал Пуаро с достоинством,— я уже в преклонных годах. Разве мне к лицу такие легкомысленные поступки?

Но Леони, хихикнув, убежала.

Пуаро медленно зашагал по комнате. Его лицо приобрело серьезное и озабоченное выражение.

— А теперь,— сказал он наконец,— поговорим с леди Джулией. Интересно, что она скажет.

Леди Джулия вошла в комнату спокойно и уверенно. Она грациозно кивнула головой, села на стул, пододвинутый Пуаро, и заговорила тихо и сдержанно.

— Лорд Мэйфилд сказал, что вы хотели задать мне несколько вопросов.

— Да, мадам. По поводу вчерашнего вечера. Что было после того, как вы кончили играть в бридж?

— Мой муж сказал, что поздно начинать новую партию. Я пошла спать.

— А потом?

— Заснула.

— И это все?

— Да. Боюсь, что не могу сообщить вам ничего интересного. Когда произошло это...— она заколебалась,— ограбление?

— Скоро после того, как вы поднялись наверх.

— Понятно. А что именно было похищено?

— Некоторые секретные документы, мадам.

Она слегка нахмурилась, потом спросила:

— Они были... ценные?

— Да, мадам, они стоили больших денег.

Воцарилось молчание, затем Пуаро заговорил:

— А как насчет вашей книги, мадам?

— Моей книги? — Она удивленно вскинула брови.

— Да, насколько я понял из слов миссис Вандерлин, вскоре после того, как все леди удалились, вы спустились вниз за книгой.

— Да, разумеется.

— Так что фактически вы не сразу легли спать, когда поднялись наверх? Вы вернулись в гостиную?

— Да, верно. Я забыла.

— В то время как вы находились в гостиной, вы не слышали, никто не кричал?

— Нет... да... не думаю.

— Помилуйте, мадам, вы не могли не слышать, находясь в гостиной.

Леди Джулия откинула голову назад и твердо сказала:

— Я ничего не слышала.

Пуаро поднял брови, но промолчал.

Молчание становилось неловким. Леди Джулия неожиданно спросила:

— А какие меры принимаются?

— Какие меры? Я не понимаю вас, мадам.

— Я хочу сказать — в связи с этой кражей. Ведь полиция должна что-то предпринять.

Пуаро покачал головой.

— Полицию не вызывали. Я занимаюсь этим делом.

Она удивлепно посмотела на него. Ее подвижное худощавое лицо осунулось и стало напряженным. Глаза, темные и беспокойные, старались проникнуть за бесстрастную маску Пуаро.

В конце концов она опустила глаза, побежденная.

— Вы не можете мне сказать, какие меры принимаются?

— Я могу лишь заверить вас, мадам, что не остановлюсь ни перед чем.

— Чтобы поймать вора... Или вернуть бумаги?

— Самое главное — это вернуть бумаги, мадам.

Ее манера изменилась. Она стала проявлять нетерпение, разговор, казалось, наскучил ей.

— Да, наверное, это главное,— сказала она безразличным голосом.

Снова наступила пауза.

— У вас есть еще вопросы, воспадин Пуаро?

— Нет, мадам. Не буду вас больше задерживать.

— Спасибо.

Он учтиво распахнул перед ней дверь. Она вышла, не взглянув на него.

Пуаро подошел к камину и аккуратно переставил безделушки на каминной полке. Он все еще был поглощен этим занятием, когда с террасы вошел лорд Мэйфилд.

— Ну как? — спросил он.

— По-моему, прекрасно. События разворачиваются должным образом.

Лорд Мэйфилд воскликнул удивленно:

— Вы довольны?

— Нет, я недоволен. Но я удовлетворен.

8 Зак. 1532

— Право, господин Пуаро, не могу понять, что вы за человек.

— Я не такой шарлатан, как вы полагаете.

— Я никогда не говорил...

— Да, но вы думали! Неважно. Я не обижаюсь. Иногда мне приходится играть ту или иную роль.

Лорд Мэйфилд посмотрел на него с сомнением и недоверием. Он не понимал Эркюля Пуаро и склонен был презирать его, но внутренний голос говорил ему, что этот потешный человечек не так уж безобиден, как кажется.

— Ну что ж,— сказал он,— мы в ваших руках. Что вы посоветуете делать дальше?

— Не можете ли вы избавиться от ваших гостей?

— Думаю, это можно устроить... Я могу сказать, что мне необходимо поехать в Лондон в связи с этим делом. Тогда им, вероятно, придется заявить, что они тоже уезжают.

— Отлично. Постарайтесь это сделать.

Лорд Мэйфилд заколебался.

— Вы не думаете, что...

— Я совершенно уверен, что это разумный путь.

Лорд Мэйфилд пожал плечами.

— Ну что же, если вы настаиваете.

8

Гости разъехались после ленча. Миссис Вандерлин и миссис Макатта должны были ехать поездом, Каррингтоны — на своей машине. Пуаро стоял в холле, когда миссис Вандерлин самым чарующим образом прощалась с хозяином дома.

— Мне так ужасно жаль, что у вас все эти неприятности и заботы. Я от всей души надеюсь, что все уладится. Я никому ни словечка не скажу.

Она подала ему руку и направилась к «роллс-ройсу», который должен был доставить ее на станцию. Миссис Макатта уже сидела в машине. Она попрощалась коротко и сухо.

Внезапно Леони, которая усаживалась на переднее сиденье к шоферу, выскочила из машины и побежала в холл.

— Несессер мадам, его нет в машине,— бросила она на ходу.

Начались спешные поиски. Наконец лорд Мэйфилд обнаружил несессер возле старого дубового комода. Леони радостно воскликнула, схватила элегантный несессер из зеленой кожи и поспешно выбежала с ним.

Миссис Вандерлин высунулась из автомобиля.

— Лорд Мэйфилд, лорд Мэйфилд,— позвала она и протянула ему письмо.— Вас не затруднит отправить это письмо? Если я возьму его с собой в город, я наверняка забуду опустить. Я ношу письма в сумочке по многу дней.

Сэр Джордж Каррингтон то открывал, то закрывал часы. Он был маниакально пунктуален.

— У них времени в обрез,— бормотал он,— только-только. Если они не поторопятся, опоздают на поезд...

Его жена сказала раздраженно:

— Ради бога, не суетись, Джордж. В конце концов, это их поезд, а не наш!

Он взглянул на нее с упреком.

Наконец «роллс-ройс» тронулся.

Регги подкатил к подъезду в каррингтоновском «моррисе».

— Все готово, отец,— сказал он.

Слуги начали выносить багаж Каррингтонов.

Пуаро, выйдя из парадной двери, наблюдал за происходящим. Вдруг кто-то тронул его за руку, и он услышал взволнованный шепот леди Джулии.

— Господин Пуаро, я должна поговорить с вами немедленно.— Она привела его в маленькую гостиную и притворила дверь.

— Это правда то, что вы сказали? Найти документы — самое главное для лорда Мэйфилда?

Пуаро смотрел на нее с любопытством.

— Совершенно верно, мадам.

— Если... если бы эти бумаги были возвращены вам, могли бы вы обещать, что вернете их лорду Мэйфилду и что никто ничего не будет спрашивать?

— Боюсь, что я не совсем вас понимаю.

— Вы должны понять! Я уверена, что понимаете. Я говорю о том, что... что вор должен остаться неизвестным, если документы будут возвращены.

Пуаро спросил:

— Скоро ли это будет сделано, мадам?

— В течение двенадцати часов совершенно точно.
— Вы можете это обещать?
— А можете ли вы гарантировать, что дело не будет предано гласности?
Он ответил очень серьезно:
— Да, гарантирую.
— Тогда все можно уладить.
Она быстро вышла из комнаты. Минуту спустя Пуаро услышал шум отъезжающей машины.
Он пересек холл и направился по коридору к кабинету. Лорд Мэйфилд был там. Он поднял глаза на Пуаро.
— Что слышно?
Пуаро развел руками.
— Дело закончено, лорд Мэйфилд.
— Что?
Пуаро повторил слово в слово разговор с леди Джулией.
Лорд Мэйфилд смотрел на него с выражением полного недоразумения.
— Но что это значит? Я не понимаю.
— По-моему, совершенно ясно. Леди Джулия знает, кто украл чертеж.
— Не хотите ли вы сказать, что она сама его взяла?
— Конечно, нет. Леди Джулия — азартный игрок. Но она не вор. И если она предлагает вернуть документы, это значит, что они были похищены ее мужем или сыном. Сэр Джордж Каррингтон находился на террасе с вами. Таким образом, остается сын. Я думаю, что могу восстановить события вчерашнего вечера довольно точно. Леди Джулия зашла в комнату сына и обнаружила, что она пуста. Она спустилась вниз, но не нашла его. Сегодня утром она узнает о краже и слышит, как ее сын заявляет, что он поднялся прямо к себе и не выходил из комнаты. Она знает, что это неправда, знает, что он слабовольный человек, что ему позарез нужны деньги. Она заметила его увлечение миссис Вандерлин. Ей все ясно. Миссис Вандерлин уговорила Регги украсть чертеж. Но леди Каррингтон не намерена сидеть сложа руки. Она возьмется за Регги, раздобудет бумаги и вернет их.
— Просто немыслимо! — воскликнул лорд Мэйфилд.
— Да, немыслимо, но леди Джулия этого не знает. Она не знает того, что знаю я, Эркюль Пуаро, а имен-

но, что молодой Регги Каррингтон не похищал чертежа, а любезничал с горничной миссис Вандерлин.

— Полнейшая чушь!

— Вот именно!

— И дело вовсе не закончено?

— Нет, закончено. Я, Эркюль Пуаро, знаю истину. Вы мне не верите? Вы не поверили мне вчера, когда я сказал, что мне известно, где находятся документы. Но мне это было известно. Они были у вас под носом.

— Где?

— Они были в вашем кармане, милорд.

Наступило молчание. Затем лорд Мэйфилд сказал:

— Вы понимаете, что говорите, господин Пуаро?

— Да, понимаю. Понимаю, что говорю с очень умным человеком. Меня с самого начала беспокоило, что вы — явно близорукий человек — так настойчиво утверждали, что видели фигуру, выходившую из двери. Вам хотелось, чтобы приняли это объяснение — удобное объяснение. Почему? Позднее я исключил всех находившихся в доме одного за другим. Миссис Вандерлин была наверху, сэр Джордж Каррингтон прогуливался с вами по террасе. Регги Каррингтон любезничал с горничной на лестнице, миссис Макатта, безусловно, спала. (Ее комната рядом с комнатой экономки, и она храпит!) Правда, леди Джулия находилась в гостиной, но леди Джулия считает виновным своего сына. Так что оставались только две возможности. Либо Карлайл положил документы не на стол, а к себе в карман (а это неразумно, потому что, как вы сказали, ему проще было снять с них копию), либо... либо они находились там, когда вы подошли к письменному столу, и единственное, куда могли попасть,— это в ваш карман. В таком случае все становилось понятным. Ваше утверждение, что вы видели фигуру, ваши настойчивые заявления насчет невиновности Карлайла, ваше нежелание пригласить меня.

Одно меня смущало — мотив. Вы честный человек, я в этом убежден. Доказательством служит то, что вы не хотели, чтобы заподозрили невиновного. Столь же очевидно, что исчезновение бумаг может неблагоприятно отразиться на вашей карьере. К чему в таком случае эта совершенно неразумная кража? Наконец я понял, в чем дело. Кризис в вашей карьере несколько лет тому назад, заявление премьер-министра перед всем миром,

что вы не вели никаких переговоров с определенной страной. Предположим, что это не совсем так, что остался какой-нибудь документ, скажем, письмо, доказывающее, что в действительности вы повинны в том, что было публично опровергнуто. Такое опровержение было необходимо в интересах государственной политики. Но сомнительно, чтобы рядовые граждане отнеслись к этому благосклонно. И следовательно, в момент, когда вас облекли бы высшей властью, нелепый отголосок прошлого мог все погубить.

Я подозреваю, что это письмо сохранилось в руках некоего правительства, что это правительство предложило вам вернуть письмо в обмен на чертежи некоторых узлов нового бомбардировщика. Многие на вашем месте отказались бы. Вы — нет! Вы согласились. Миссис Вандерлин была агентом, приехавшим сюда, чтобы произвести этот обмен. Вы выдали себя, когда признали, что не разработали конкретного плана поймать ее с поличным. В свете этого признания ваше объяснение насчет того, с какой целью вы пригласили эту даму, выглядело весьма неубедительно.

Вы инсценировали кражу. Сделали вид, что видели вора на террасе, сняв таким образом подозрение с Карлайла. Даже если бы он не выходил из комнаты, письменный стол стоит настолько близко к окну, что вор мог схватить чертеж, пока Карлайл возился у сейфа спиной к столу. Вы взяли документы и держали их в своем кармане, пока, согласно заранее разработанному плану, не сунули их в несессер миссис Вандерлин. В обмен она передала вам роковое письмо под видом своего письма, которое просила вас отправить.

Пуаро замолчал.

— Вам известно все до мельчайших подробностей, господин Пуаро. Вы, наверное, считаете меня законченным подлецом.

Пуаро мотнул головой.

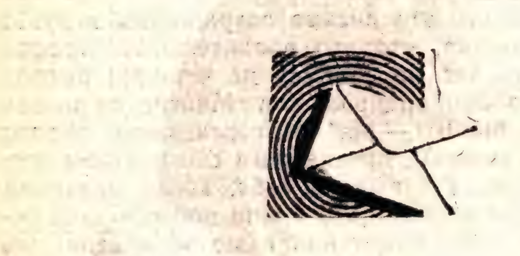
— Нет, нет, лорд Мэйфилд. Я считаю вас, как уже говорил, очень умным человеком. Меня внезапно осенило, когда мы разговаривали здесь сегодня ночью. Вы первоклассный инженер. Я думаю, что в спецификацию бомбардировщика внесены кое-какие незначительные изменения, сделанные настолько ловко, что будет трудно понять, почему самолет не имеет такого успеха, какой ожидали. Определенное иностранное правительство со-

чтет, что просто неудачен проект... Оно будет разочаровано, я уверен...

Снова наступило молчание. Затем лорд Мэйфилд сказал:

— Вы слишком умны, господин Пуаро. Да, я спас себя от катастрофы при помощи хитрого трюка, разом убив двух зайцев.

— Милорд,— сказал Пуаро,— если бы вы не умели разом убивать двух зайцев, вы не были бы политиком!

РАССКАЗЫ

I

— Что сегодня интересного, мисс Лемон? — спросил Пуаро утром, входя в комнату.

Он доверял мисс Лемон, считая ее женщиной без воображения, но с тонкой интуицией. Все, что она считала заслуживающим внимания, обычно заслуживало внимания. Она была прирожденной секретаршей.

— Совсем немного, месье Пуаро. Полагаю, только одно письмо достойно вашего внимания. Я положила его сверху.

— И что же в нем? — то было проявление легкого интереса с его стороны.

— Оно от человека, который хочет, чтобы вы расследовали исчезновение собачки его жены, породы пекинес.

Не потерявший еще надежду отправиться на прогулку Пуаро остановился и посмотрел на мисс Лемон с упреком. Правда, она этого не заметила и принялась стучать на пишущей машинке с быстротою и точностью скорострельного орудия.

Пуаро был смущен, смущен и огорчен. Мисс Лемон, деловитая мисс Лемон, повергла его в уныние! Подумать только — пекинес! Он должен разыскивать собаку! И это после сна, привидевшегося ему прошлой ночью: он покидал Букингемский дворец, получив личную благодарность, как раз в тот момент, когда его слуга вошел в спальню с утренним шоколадом!..

Едкие, язвительные слова замерли у него на устах. Он не произнес их только потому, что мисс Лемон, поглощенная печатанием, все равно бы их не услыхала.

С явным пренебрежением взял он верхнее письмо из небольшой стопки.

Да, все было точно так, как сказала мисс Лемон. Городской обратный адрес. Краткий деловой стиль. Содержание — кража собачки породы пекинес. Одного из тех самых, с выпученными глазами, чрезмерно избалованных выкормышей богатых женщин. Эркюль Пуаро поморщился. Ничего необычного. Ничего выходящего за рамки повседневности, хотя... Да, да, кроме одной маленькой детали. Мисс Лемон была права. В одной крохотной детали таилось нечто.

Эркюль Пуаро сел. Медленно, внимательно перечитал письмо. Событие, описанное в нем, не было из тех, которые он предпочитал,— не в характере его следственной практики. Одним словом, дело не представлялось ему важным, более того — оно было сверхневажным. Оно не требовало титанических подвигов Геракла, и именно этим обстоятельством был недоволен Пуаро.

Однако он был любопытен. Да, любопытен.

Ему пришлось повысить голос, чтобы сквозь стрекот машинки быть услышанным мисс Лемон.

— Позвоните этому сэру Джозефу Хоггину,— приказал он.— И договоритесь о времени, когда я смогу встретиться с ним в его конторе.

Как всегда, мисс Лемон оказалась права.

— Я человек прямой, месье Пуаро,— решительно заявил сэр Джозеф Хоггин.

Правая рука Эркюля Пуаро сделала неопределенный жест. Он выражал (если вам захотелось бы воспринять его именно так) восхищение карьерой сэра Джозефа и скромностью, с которой тот говорил о самом себе. Жест этот мог так же изящно означать и противоположный смысл. В любом случае он не давал возможности проникнуть в мысли Эркюля Пуаро, который в этот момент как раз думал о том, что сэр Джозеф был действительно высоким и прямым человеком (в общепринятом значении этого слова). Взгляд Пуаро критически задержался на припухлом кадыке, маленьких, поросячьих глазках, луковицеобразном носе и твердо сжатых губах. По первому впечатлению облик этого человека кого-то или что-то напоминал ему, но в данный момент он не мог вспомнить — кого или что. Память продиралась

словно сквозь туман: давным-давно... в Бельгии... что-то... будто имеющее отношение к мылу...

Сэр Джозеф продолжал:

— Не люблю идти к сути дела издалека. Большинство людей, месье Пуаро, оставили бы этот случай безнаказанным. Списали бы его как безнадежный долг и забыли о нем. Но не Джозеф Хоггин. Я богат, и, попросту говоря, двести фунтов стерлингов для меня ничего не значат...

Пуаро быстро вставил:

— Поздравляю вас.

— Э-э?

Сэр Джозеф сделал паузу. Его маленькие глаза сузились еще больше. Он произнес резко:

— Но это не значит, что я обладаю привычкой разбрасывать деньги. Я плачу за то, что хочу иметь. Но плачу рыночную цену — не более.

— Вы находите мой гонорар высоким? — спросил Эркюль Пуаро.

— Да, да. Но это,— посмотрел на него изучающе сэр Джозеф,— абсолютно не главная проблема.

Эркюль Пуаро пожал плечами:

— Я не торгуюсь. Я эксперт. За услуги эксперта вы должны платить.

Сэр Джозеф произнес откровенно:

— Знаю, что вы крупнейшая фигура в подобного рода бизнесе. Я наводил справки, и мне сообщили, что вы самый сведущий специалист в делах, где надо докопаться до самой сути. И я не пожалею затрат. Вот почему вас пригласили прийти.

— Вам повезло,— сказал Эркюль Пуаро.

Сэр Джозеф снова произнес: «Э-э?»

— Чрезвычайно повезло,— продолжал твердо Эркюль Пуаро.— Могу сказать без лишней скромности, я достиг вершины своей карьеры. Честно говоря, очень скоро намереваюсь оставить работу — поживу в деревне, попутешествую, посмотрю мир, а заодно, быть может, выращу сад, особое внимание уделив улучшению качества мозговых тыкв. Великолепные овощи — но у них небольшой привкус... Разумеется, суть не в этом. Я хотел бы кое-что объяснить. Перед уходом в отставку я поставил перед собой определенную задачу: решил принять к исполнению двенадцать дел, ни больше ни меньше,— так сказать, самозваный «Геркулесов труд».

Ваше дело, сэр Джозеф,— первое из двенадцати. Меня привлекла,— Пуаро тяжело вздохнул,— его поражающая незначительность.

— Значительность? — переспросил сэр Джозеф.

— НЕзначительность, так я бы сказал. Мне приходилось участвовать в разных делах: расследовал убийства, необъяснимые смерти, грабежи, кражи драгоценностей. Впервые мне предстоит обратить мой талант на разъяснение обстоятельств пропажи собаки породы пекинес.

Сэр Джозеф заворчал:

— Вы меня удивляете! Я бы сказал, что к вам без конца должны обращаться докучливые женщины по поводу любимых собачек.

— Это верно. Но в первый раз я вовлечен в подобное дело мужем.

Маленькие глазки сэра Джозефа опять сузились.

— Начинаю догадываться, почему мне рекомендовали именно вас. Вы проницательный человек, мистер Пуаро.

Пуаро спокойно сказал:

— Если теперь вы посвятите меня в обстоятельства дела... Собака исчезла, когда?

— Ровно неделю тому назад.

— И ваша жена, полагаю, до сих пор безумствует?

Сэр Джозеф посмотрел на него изумленно.

— Вы не понимаете. Собака была возвращена.

— Возвращена? Тогда разрешите спросить, зачем нужен я?

Лицо сэра Джозефа стало малиновым.

— Потому что будь я проклят, если меня не надули! Теперь самое время, месье Пуаро, рассказать вам все подробно. Собаку украли неделю тому назад — срезали с поводка в Кенсингтон-парке, где она гуляла с компаньонкой жены. На следующий день от моей супруги потребовали выкуп — двести фунтов стерлингов. За что, я вас спрашиваю, двести фунтов? За чертово маленькое тявкающее отродье, которое всегда и всюду путается у вас под ногами?!

— Вы, конечно, не одобрили выплату таких денег?

— Конечно, нет, и не стал бы платить, предупреди она меня заранее. Милли, моя жена, знала это хорошо. Мне она ничего не сказала. Выслала деньги — бумаж-

ками по одному фунту стерлингов — в указанный адрес, как было оговорено условием.

— И собаку вернули?

— Да. В тот же вечер раздался звонок, и там, на крыльце, сидело животное. И ни души вокруг.

— Отлично. Продолжайте.

— Затем Милли, конечно, призналась в содеянном, и я несколько погорячился. Разумеется, через некоторое время остыл — дело сделано и не следует искать в поведении женщины какой-либо смысл. Я, наверное, оставил бы все это дело, если бы не встреча в Клубе со старым Самуэльсоном.

— Да?..

— Точно так же поступили и с ним! Это несомненное вымогательство! На триста фунтов стерлингов ободрали его жену! Ну, это уж слишком много! Я решил, что ход событий следует остановить. И послал за вами.

— Но, сэр Джозеф, подобным делом, как всякими мелкими нарушениями закона, должна заниматься полиция?

Сэр Джозеф потер нос.

— Вы женаты, мистер Пуаро?

— Увы,— сказал Пуаро,— лишен этого блаженства.

— Гм-м,— произнес сэр Джозеф.— Не знаю, как насчет блаженства, но будь вы женаты, знали бы, что женщины — забавные существа. Моя жена впадает в истерику при малейшем упоминании полиции. Вбила себе в голову, будто что-то случится с ее драгоценным Шан Тангом, если я пойду к ним. Она слышать об этом не хочет, и могу добавить, не очень доброжелательно относится к идее вашего участия. Но я настаивал, и наконец она дала согласие. Все же ей это не нравится...

Эркюль Пуаро раздумчиво произнес:

— Я чувствую, ситуация весьма деликатная. Возможно, будет лучше, если я сам расспрошу вашу жену и узнаю от нее дальнейшие подробности. Одновременно разуверю ее в том, что собаке в будущем угрожает опасность.

Сэр Джозеф кивнул и поднялся с места.

— Я отвезу вас к ней сейчас же.

II

В большой, теплой, обставленной изысканной мебелью гостиной сидели две женщины.

Когда сэр Джозеф и Эркюль Пуаро вошли, маленький пекинес бросился к ним навстречу, ожесточенно лая и делая сумасшедшие круги вокруг Пуаро.

— Шан Танг, сюда. Иди к мамочке, любимый. Поднимите его, мисс Карнеби.

Женщина, которой было отдано это приказание, поспешила исполнить его.

Эркюль Пуаро произнес достаточно громко, но в то же время словно про себя:

— В самом деле, настоящий л е в.

С трудом переводя дыхание, женщина, схватившая Шан Танга, сказала:

— Да, он действительно такой хороший сторожевой пес. Он не боится ничего и никого.

Выполнив необходимые при представлении формальности, сэр Джозеф добавил:

— Ну, мистер Пуаро, я вас оставлю, чтобы вы самостоятельно разобрались в этом запутанном деле,— и с легким поклоном покинул комнату.

Леди Хоггин оказалась тучной и, по всему видно, легко раздражающейся женщиной, с окрашенными хной рыжими волосами. Ее компаньонка, порхающая мисс Карнеби, была тоже полным, но очень милым существом, в возрасте между сорока и пятьюдесятью. Она обращалась к леди Хоггин с величайшей почтительностью и не скрывала того, что боится ее до смерти.

Пуаро сказал:

— Теперь опишите мне, леди Хоггин, все обстоятельства этого отвратительного п р е с т у п л е н и я.

Леди Хоггин вспыхнула.

— Весьма признательна за то, что вы говорите т а к, мистер Пуаро. Ибо это действительно было преступление. Пекинес чрезвычайно чувствителен — так же чувствителен, как дети. Бедный Шан Танг мог умереть от страха, если не от чего-либо еще более ужасного.

— Да, это было ужасно, ужасно! — с глубоким вздохом подтвердила мисс Карнеби.

— Пожалуйста, обратимся к фактам.

— Вот как это случилось. Шан Танг вышел на прогулку в парк с мисс Карнеби...

— О боже, да! Во всем моя вина,— снова вмешалась в разговор компаньонка.— Как же могла я оказаться столь глупа, столь беззаботна...

Леди Хоггин произнесла кислым тоном:

— Я не хочу вас упрекать, мисс Карнеби, но думаю, вы могли быть более осторожны.

Пуаро перевел взгляд на компаньонку:

— Что случилось?

Мисс Карнеби разразилась стремительной, возбужденной речью.

— Ах, то было самое необычное происшествие! Мы вышли на цветочную аллею — Шан Танг, конечно, на поводке, он только что совершил небольшую пробежку по траве,— и я собиралась повернуть и идти домой, когда внимание мое привлек ребенок в колясочке — он мне улыбался... прелестные розовые щечки и такие локоны. Я не смогла воспротивиться желанию поговорить с няней, чьему попечению было вверено дитя, и спросила о возрасте — семнадцать месяцев, сказала она, и я уверена, что говорила с ней не более одной-двух минут, как вдруг глянула вниз — Шана там не было. Поводок обрезали прямо у самого ошейника.

Леди Хоггин сказала:

— Если бы вы относились внимательней к своим обязанностям, никто не смог бы подкрасться и обрезать поводок.

Казалось, мисс Карнеби вот-вот зальется слезами. Пуаро поспешно сказал:

— И что же затем произошло?

— Ну, конечно, я искала всюду и везде. И звала! И спросила

у паркового служителя, не видел ли он человека, несущего пекинеса, но он не видел никого. И я не знала, что делать, и продолжала искать, но в конце концов, конечно, я должна была вернуться домой...

Мисс Карнеби замерла. Пуаро очень хорошо мог представить последующую сцену. Он спросил:

— Затем вы получили письмо?

Повествование продолжила леди Хоггин:

— Первой же почтой на следующее утро. Оно гласило, что, если я хочу увидеть Шан Танга живым, я должна послать двести фунтов стерлингов в однофунтовых ассигнациях и в незарегистрированном пакете на имя капитана Кёртиса по адресу: Блумсбери Роуд Сквер, 38. Говорилось также, что, если деньги будут помечены или я сообщу полиции, тогда... тогда... уши и хвост Шан Танга будут отрезаны.

Мисс Карнеби принялась громко вздыхать.

— Как ужасно,— приговаривала при этом она.— Как люди могут быть так жестоки!

Леди Хоггин продолжала:

— Говорилось также, что, если я сразу же отошлю деньги, Шан Танг возвратится в тот же вечер живой и невредимый, но если... если затем я пойду в полицию, от этого пострадает Шан Танг...

Мисс Карнеби слезливо промямлила:

— О, горе, я так боюсь, что даже теперь... Конечно, месье Пуаро — не совсем полицейский...

Леди Хоггин произнесла озабоченно:

— О, мистер Пуаро, вы должны быть очень осторожны.

Эркюль Пуаро поторопился успокоить ее:

— Я не служу в полиции, леди Хоггин. Мои расследования будут проведены весьма осмотрительно. Вы можете быть уверены, что Шан Танг находится в полной безопасности. Это я вам гарантирую.

Обе леди, казалось, почувствовали облегчение, когда он произнес это магическое слово. Пуаро между тем продолжал:

— Письмо у вас?

Леди Хоггин отрицательно покачала головой.

— Нет, по инструкции я должна была положить его вместе с деньгами.

— И вы это сделали?

— Да.

— Гм-м, жаль.

Мисс Карнеби сказала оживленно:

— Но у меня до сих пор сохранился поводок собаки. Принести его?..

Она вышла из комнаты. Ее отсутствием Эркюль Пуаро воспользовался, чтобы задать несколько необходимых вопросов.

— Эмми Карнеби? О, с ней все в совершенном порядке. Добрая душа, хотя, конечно, глуповата. У меня служили несколько компаньонок, и все оказались круглыми дурами. Но Эмми предана Шан Тангу и ужасно подавлена всем происшедшим — насколько может, конечно. Из-за этих детских колясок она пренебрегла моим маленьким любимцем! Ах, старые девы все на одно лицо, идиотками становятся рядом с младенцами! Нет, я совершенно уверена, что она не имеет ничего общего с тем, что случилось.

— Это кажется невероятным,— согласился Пуаро.— Но если исчезает собака, находящаяся на чьем-то попечении, надо быть абсолютно уверенным в честности этого человека. Давно она у вас?

— Около года. Я получила великолепные рекомендации. Она жила со старой леди Хартингфилд, пока та не умерла, десять лет, я полагаю. После чего некоторое время присматривала за сестрой-инвалидом. Она действительно отличное существо, хотя, как я уже говорила, абсолютная дура.

В эту минуту возвратилась Эмми Карнеби. Немного отдышавшись, с некоторой торжественностью она протянула обрезанный собачий поводок Пуаро, глядя на него с выражением полного упования.

Пуаро осторожно взял ремешок.

— Mais oui *,— заметил он.— Несомненно, его обрезали.

Обе женщины выжидательно смотрели на него.

— Я сохраню этот поводок.

Пуаро торжественно положил обрезок ремня в карман. Обе собеседницы облегченно вздохнули — определенно он проделал то, что они от него и ожидали.

---

* Ну да (фр.).

III

Не оставлять ничего непроверенным — таким было правило Эркюля Пуаро. И хотя совершенно невероятно, чтобы мисс Карнеби оказалась вовсе не глупой, а просто суетливой женщиной, какой она и выглядела, Пуаро тем не менее счел необходимым переговорить с племянницей последней леди Хартингфилд, весьма непривлекательной особой.

— Эмми Карнеби? — переспросила мисс Молтреверс.— Конечно, прекрасно ее помню. Добрая душа. До самой могилы не покидала тетю Джулию. Предана собакам и замечательно читала вслух. Тактична, никогда не противоречит больному человеку. Что с нею случилось? Надеюсь, ничего плохого. Около года назад я дала ей рекомендацию к какой-то женщине... Имя ее начиналось с Х...

Пуаро поспешно объяснил, что мисс Карнеби все еще на этом посту. Произошла лишь небольшая беда с пропавшей собачкой.

— Эмми Карнеби предана собакам. У моей тети жил пекинес. Она завещала его мисс Карнеби после своей смерти, и мисс Карнеби целиком посвятила себя этой собаке. Верю, что сердце у нее разбилось, когда собака сдохла. О да, добрейшая душа. Конечно, абсолютно не интеллектуальна...

Эркюль Пуаро согласился, что мисс Карнеби, вероятно, нельзя назвать интеллектуалкой...

Затем он предпринял поиск паркового служителя, с которым мисс Карнеби разговаривала в тот роковой день. Ему удалось это без особых затруднений. Найденный им парковый служитель помнил расследуемый инцидент.

— Леди средних лет, довольно коренастая, я бы сказал, потеряла пекинеса. По виду я хорошо ее знал — прогуливала собачку почти каждый вечер. Заметил, как она с ней пришла. Была на редкость взволнована пропажей. Подбегала ко мне узнать, не видел ли я когонибудь с пекинесом! Но как, спрашиваю я вас? Могу заявить — сады полны собаками всех пород: терьеры, пеки, таксы, даже борзые — все разновидности, какие у нас есть!

Пуаро глубокомысленно кивнул.

Следующий визит он нанес в дом на Блумсбери Роуд Сквер, 38.

Номера 38, 39 и 40 были объединены частным отелем «Балаклава». Поднявшись по ступенькам, Пуаро толкнул дверь. Внутри его встретили мрак и запах варящейся капусты, вперемешку с ароматами копченостей, оставшихся, по-видимому, от завтрака. Слева стоял стол красного дерева с пепельными хризантемами. Над столом висела большая, прикрытая байковой занавеской полка для писем. Пуаро взглянул на дверь справа. Она вела в небольшую гостиную с маленькими столиками, несколькими креслами, так называемыми удобными креслами, крытыми унылыми отрезами кретона. Три пожилые леди и свирепого вида старый джентльмен подняли головы и воззрились на вторгшегося с выражением крайней неприязни. Эркюль Пуаро покраснел и ретировался.

Он двинулся дальше по проходу и подошел к лестнице. Справа коридор поворачивал под прямым углом в комнату, по всей видимости, столовую.

Маленькая дорожка вдоль прохода вела к двери, помеченной табличкой «Канцелярия». Пуаро негромко постучал. Не получив ответа, открыл дверь и заглянул внутрь помещения. В комнате стояла большая конторка с множеством бумаг и не было ни души. Он закрыл дверь, возвратился и проник в столовую.

Печальная девушка в грязном фартуке возилась с корзиной для ножей и вилок, которые она доставала и раскладывала на столе.

Эркюль Пуаро произнес извиняющимся тоном:

— Простите, не могу ли я видеть управляющего гостиницей?

Девушка обратила на него поблекший взгляд.

— Не знаю, не уверена...

— В канцелярии никого нет,— сказал Эркюль Пуаро.

— Ну, я не знаю, где она.

— Быть может,— сказал Эркюль Пуаро терпеливо и настойчиво,— вы поищете?

Девушка вздохнула: мало ей своих ежедневных однообразных занятий — вот появилось еще одно, дополнительное. Она грустно сказала:

— Ну, хорошо, я посмотрю...

Пуаро поблагодарил и вернулся в холл, не отваживаясь снова встретиться лицом к лицу с хмурыми взгля-

дами людей, завладевших гостиной. Он рассматривал прикрытую байкой полочку для писем, когда шелест и сильный запах девонширских фиалок оповестил о прибытии управляющей.

Мисс Харти словно излучала воплощенную любезность. Она воскликнула:

— Как жаль, что меня не было в канцелярии! Вам нужны комнаты?

— Не совсем,— промурлыкал Пуаро.— Я хотел бы узнать, не останавливался ли здесь мой друг, капитан Кёртис.

— Кёртис,— вновь воскликнула миссис Харти.— Капитан Кёртис? Где же я слышала это имя?

Пуаро ей не помог. Она огорченно покачала головой.

— Значит, капитан Кёртис здесь не останавливался?

— О, только не в последнее время. И все же имя определенно мне знакомо. Не могли бы вы описать вашего друга?

— Это было бы нелегко,— сказал Эркюль Пуаро. И продолжил: — Я полагаю, что письма иногда прибывают для людей, которые здесь не живут.

— Конечно, иногда так случается.

— А что вы делаете с такими письмами?

— Ну, мы храним их некоторое время. Возможно, адресат вскоре прибудет. Конечно, если письма или посылки длительное время лежат здесь невостребованными, их возвращают на почту.

Эркюль Пуаро кивнул.

— Я понимаю.— И добавил: — Видите ли, похоже, что случилось именно так. Я написал письмо моему другу.

Лицо миссис Харти прояснилось:

— Тогда все ясно. Я, должно быть, запомнила имя на конверте. Но в самом деле, у нас останавливаются либо надолго, либо проездом так много отставных военных... Дайте-ка я взгляну...

Она внимательно поискала на подставке.

— Сейчас письма там нет,— сказал Эркюль Пуаро.

— По-видимому, его забрал почтальон. Я так сожалею. Надеюсь, ничего важного?

— Нет, нет, содержание его было абсолютно незначительным.

Когда он направился к двери, миссис Харти, окруженная стойким ароматом фиалок, догнала его.

— Если ваш друг приедет...

— Маловероятно. Я, должно быть, ошибся...

— Наши условия,— сказала миссис Харти,— весьма умеренные. После обеда непременно кофе. Мне было бы приятно показать вам одну-две из наших спален-гостиных.

Эркюль Пуаро ускользнул от нее с трудом.

IV

Комната для приема гостей в доме миссис Самуэльсон была просторной, обставленной более роскошной мебелью, с еще более удушливой, разнеживающей жарой центрального отопления, чем апартаменты леди Хоггин. У Эркюля Пуаро едва не закружилась голова среди позолоченных столиков на консолях и больших скульптурных групп, расставленных в разных углах.

Миссис Самуэльсон оказалась выше леди Хоггин, и ее волосы были вытравлены перекисью. Пекинеса звали Нанки Пу. Выпуклые собачьи глаза смотрели на Эркюля Пуаро с высокомерием. Мисс Кибл, компаньонка миссис Самуэльсон, худенькая и сухопарая в отличие от полной мисс Карнеби, разговаривала так же стремительно и задыхалась. Она заслужила резкое порицание, как и ее коллега, за исчезновение Нанки Пу.

— Но, действительно, мистер Пуаро, то было самое удивительное происшествие. Все произошло за секунду. Это случилось за пределами Харродса. Няня спросила меня о времени...

— Няня?.. Больничная няня?— перебил ее Пуаро.

— Нет, нет, няня ребеночка. Такое прелестное дитя! Такое милое маленькое существо. Такие прелестные розовые щечки. Говорят, что дети выглядят не очень здоровыми в Лондоне, но я уверена...

— Эллен,— сказала миссис Самуэльсон.

Мисс Кибл вспыхнула, запнулась и замолчала.

Миссис Самуэльсон произнесла кисло:

— И пока мисс Кибл наклонялась к коляске, в чем не было ни малейшего смысла, дерзкий негодяй обрезал поводок Нанки Пу и украл его.

Мисс Кибл пролепетала:

— Все произошло за секунду. Я повернулась и уви-

дела, что дорогой малыш исчез, а в моей руке остался только обрезанный поводок. Возможно, вы хотели бы посмотреть на поводок, мистер Пуаро?

— Никоим образом,— сказал поспешно Пуаро. У него не было ни малейшего желания коллекционировать обрезанные собачьи поводки.— Я полагаю,— продолжил он,— что вскоре после этого вы получили письмо?

События следовали точно в таком же порядке: письмо, угрозы насилия над ушами и хвостиком Нанки Пу... Только два обстоятельства были различны: сумма требуемого выкупа — триста фунтов стерлингов и адрес, по которому их следовало отослать. На этот раз был капитан третьего ранга Блэкли, отель Харрингтон, Клонмель Гарденс, 76, Кенсингтон.

Миссис Самуэльсон продолжала:

— Когда Нанки Пу возвратился вновь невредимый, я отправилась в этот дом сама, мистер Пуаро. В конце концов, триста функтов стерлингов — это триста фунтов стерлингов.

— Конечно.

— Самое первое, что я увидела, было мое письмо на подставке в холле. Дожидаясь владелицу, я сунула его в сумку. К несчастью...

— К несчастью, когда вы его распечатали, там находились только чистые листки бумаги,— сказал Пуаро.

— Как вы узнали?— Миссис Самуэльсон повернулась к нему с выражением благоговения.

Пуаро пожал плечами.

— Очевидно, chér Madame, вор позаботился о том, чтобы получить деньги перед тем, как вернул собаку. Затем он заменил денежные купюры чистой бумагой и возвратил конверт на полку на тот случай, если его отсутствие будет замечено.

— Человек по имени капитан Блэкли никогда там не останавливался.

Пуаро улыбнулся.

— И, конечно же, мой муж был чрезвычайно раздражен всей этой историей. Поверите ли, он просто побагровел, стал синевато-багровым!

Пуаро осторожно произнес:

— Вы не посоветовались с ним перед тем, как отправить деньги?

— Конечно, нет,— решительно заявила миссис Самуэльсон.

Взгляд Пуаро выразил вопрос. Леди объяснила:

— Я ни секунды не хотела рисковать. Мужчины невозможны, когда вопрос касается денег. Якоб мог настоять на том, чтобы обратиться в полицию. Я не могла рисковать. Мой бедный любимый Нанки Пу. Все что угодно могло с ним случиться. Конечно, я должна была рассказать мужу потом, мне следовало объяснить, для чего я превысила кредит в банке.

— Совершенно верно, совершенно верно,— подтвердил Пуаро.

— И я никогда не видела его в таком гневе. Мужчины,— сказала миссис Самуэльсон, поправив свой великолепный алмазный браслет и кольца на пальцах,— не думают ни о чем, кроме денег.

V

Эркюль Пуаро поднялся на лифте в контору сэра Джозефа Хоггина. Он отдал свою визитную карточку и был уведомлен, что сэр Джозеф в настоящий момент занят, но вскоре его примет. Величественная блондинка выплыла из кабинета сэра Джозефа, в руках у нее была кипа бумаг. Проходя мимо старомодного маленького человечка, она бросила на него пренебрежительный взгляд.

Сэр Джозеф сидел за огромной конторкой красного дерева. На его подбородке виднелся след от губной помады.

— Ну, мистер Пуаро? Садитесь. Есть какие-нибудь новости?

Эркюль Пуаро сказал:

— Я восхищен очевидной простотой этого дела. В каждом случае деньги посылались в один из тех пансионатов в частных отелях, где нет портье или специального служителя в холле и где большая часть гостей постоянно прибывает и уезжает, причем значительную часть составляют отставные военные. Ничего не может быть легче для любого человека зайти, взять письмо с полки и унести или извлечь деньги и заменить их чистой бумагой. Поэтому в любом случае след обрывается.

— Вы имеете в виду, что не знаете, кто этот малый?

— У меня есть некоторые идеи. Чтобы их уточнить, потребуется еще несколько дней.

Сэр Джозеф взглянул на него удивленно.

— Успешная деятельность... Если найдете что-либо заслуживающее...

— Я дам отчет в вашем доме.

— Если доберетесь до сути, вы покажете прекрасный образец вашего искусства...

— Не может быть никаких сомнений в успехе. Эркюль Пуаро не терпит поражений.

Сэр Хоггин выразительно посмотрел на маленького человека и усмехнулся.

— Уверены в себе, не так ли?— Вопрос звучал настойчиво и требовательно.

— Не без причины.

— О, хорошо.— Сэр Джозеф Хоггин откинулся на спинку стула.— Но заносчивость предшествует падению, вы знаете...

VI

Сидя возле рефлектора и с чувством удовлетворения изучая его четкие геометрические формы, Эркюль Пуаро давал распоряжения своему слуге и доверенному лицу:— Вы поняли, Джордж?

— Абсолютно, сэр.

— Вероятнее всего это — квартира или маленький домик. И находится он в определенных границах. К югу от Парка, на восток от Кенсингтонской церкви, к западу от Найтсбриджских казарм и на север от Фулхемской дороги.

— Я все понял, сэр.

— Любопытный случай, свидетельствующий о великолепном организаторском таланте. И что поражает — невидимость звезды представления, самого немейского льва, если я могу называть его столь образно. Да, интересное маленькое дело. Мне бы, правда, хотелось проникнуться большей симпатией к моему клиенту, но он обладает неприятным сходством с фабрикантом мыла в Льеже, который отравил жену, собираясь жениться на блондинке-секретарше... Один из моих ранних успехов...

Джордж сказал веско:

— Эти блондинки, сэр, всегда приносят массу неприятностей.

VII

Тремя днями позже неоценимый Джордж доложил:

— Вот адрес, сэр.

Эркюль Пуаро взял протянутый листок бумаги.

— Великолепно, мой добрый Джордж. А в какой день недели?

— По четвергам, сэр.

— Четверги, значит. И сегодня, к счастью, четверг. Итак, нет больше нужды откладывать.

Через двадцать минут Эркюль Пуаро взбирался по лестнице одного из тех мрачных домов, которые нагромождены на маленькой улице, ведущей к более фешенебельному проспекту. Квартира номер 10 по Розхолм Мэнженс находилась на третьем, верхнем этаже, и дом не имел лифта. Пуаро с трудом поднимался, все поворачивая и поворачивая по узкой, похожей на штопор лестнице.

На верхней площадке он остановился, чтобы перевести дыхание. За дверью под номером 10 тишина была нарушена резким собачьим лаем.

Эркюль Пуаро покачал головой и, слегка улыбнувшись, нажал кнопку звонка.

Лай повторился, за дверью послышались шаги, ее отворили...

Мисс Эмми Карнеби отпрянула назад, рука ее взметнулась к широкой груди.

— Разрешите войти?— сказал Эркюль Пуаро и вошел, не ожидая ответа.

Справа была открыта дверь гостиной, и он проследовал туда. За ним, словно во сне, двигалась мисс Карнеби.

Комната оказалась очень маленькой, заставленной вещами. Среди мебели с трудом можно было обнаружить живое существо — пожилая женщина лежала на диване, уставившись на газовую печь. Пуаро вошел, пекинес спрыгнул с дивана и бросился к нему, заливаясь громким лаем, выражающим крайнюю степень подозрительности.

— Ага,— сказал Пуаро,— главное действующее лицо. Приветствую тебя, мой маленький друг!

Он наклонился, протянул руку. Песик обнюхал ее, умные глазки остановились на лице посетителя.

Мисс Карнеби проговорила слабым голосом:

— Итак, вы знаете?

Эркюль Пуаро утвердительно кивнул.

— Да, знаю.— Он взглянул на женщину, лежащую на диване.— Ваша сестра?

Мисс Карнеби произнесла механическим тоном:

— Да, Эмилия, это... это мистер Пуаро.

Эмилия Карнеби глубоко вздохнула и сказала: «О!»

— Август...— позвала Эмми Карнеби.

Пекинес посмотрел в ее сторону, замахал хвостиком — и возобновил исследование руки Пуаро. Хвост снова слабо задвигался.

Пуаро бережно поднял маленькое животное и сел, поместив Августа на колено. Затем сказал:

— Итак, я пленил немейского льва. Моя задача выполнена.

Эмми Карнеби спросила жестко:

— Вы действительно знаете все?

Пуаро кивнул.

— Думаю, да. Вы организовали этот бизнес — Август вам помогал. Вы брали с собою собаку вашей хозяйки на обычную прогулку, приводили ее сюда и отправлялись в парк с Августом. Парковый служитель видел вас, как обычно, с пекинесом. Няня с ребенком, если вы иногда встречали ее, также могла подтвердить, что, когда вы с нею разговаривали, рядом находился пекинес. Затем, во время беседы, вы обрезали поводок, и Август, выдрессированный вами, мгновенно ускользал и мчался по кратчайшему пути домой. Через несколько минут вы поднимали тревогу по поводу украденной собаки.

Пауза. Затем мисс Карнеби встала и с неким патетическим достоинством произнесла:

— Да. Все это совершеннейшая правда. Мне... мне нечего сказать.

Больная женщина на диване принялась тихо плакать.

Пуаро спросил:

— Совсем нечего, мадемуазель?

— Нечего. Я воровка, и я поймана.

Пуаро повторил:

— Вам нечего сказать в свою защиту?

Красные пятна вдруг появились на бледных щеках Эмми Карнеби.

— Я... я не раскаиваюсь в содеянном. Думаю, что вы добрый человек, мистер Пуаро, и, возможно, сумеете понять. Видите ли, я была страшно напугана...

— Напуганы?

— Да. Увы, джентльмену трудно понять. Но, видите ли, я совсем не умная женщина и не смогла получить образования. Чем старше становлюсь, тем все больше меня страшат мысли о будущем. У меня нет сбережений — кто же позаботится обо мне и Эмилии? И по мере того, как я становлюсь старше, остается все меньше людей, нуждающихся во мне. Все хотят кого-либо помоложе и попроворней. Я... я знаю многих женщин, подобных мне, никому они не нужны, живут в одной комнате, вроде нашей, и у них нечем разжечь огонь и совсем мало еды, и, наконец, они даже не могут заплатить за комнату... Конечно, есть специальные заведения... но не так-то легко туда попасть, если у вас нет влиятельных друзей. А у меня их нет. И потому нет ничего впереди, кроме смертельного страха...

Голос ее задрожал.

— Поэтому некоторые из нас собираются с мыслями... Мне на ум пришел Август. Видите ли, большинство людей совершенно не могут отличить одного пекинеса от другого (точно так же, как мы представляем себе китайцев). В действительности это, конечно, смешно. Ни один знающий человек не спутает Августа с Нанки Пу, или Шан Тангом, или с любым другим пеки. С одной стороны, он гораздо умнее и он намного красивее, но, как я сказала, для большинства людей пеки — это только пеки. Август навел меня на эти мысли... Ведь многие богатые женщины имеют пекинесов.

С легкой улыбкой Пуаро заметил:

— Должно быть, это оказалось прибыльным занятием! Как много их было — целый легион? Или, быть может, лучше уточнить — как много операций прошли успешно?

Мисс Карнеби сказала просто:

— Шан Танг был семнадцатым.

Эркюль Пуаро поднял брови.

— Поздравляю. Ваша система действительно оказалась великолепной.

Эмилия Карнеби вмешалась в разговор:

— Эмми всегда была хорошим организатором. Наш отец — викарий Келлингтона в Эссексе — часто говорил, что Эмми гениальна в вопросах планирования. Она занималась подготовкой всяких собраний, базаров и всего такого...

С легким поклоном Пуаро сказал:
— Вполне допускаю, вы первоклассная преступница, мадемуазель.
Эмми Карнеби вскричала:
— Преступница! О боже, наверное, это так и есть. Но... но я никогда себя ею не чувствовала.
— А как же это чувствовать?
— Конечно, вы совершенно правы. Нарушение закона. Но... смогу ли я объяснить? Почти все женщины, которые нас нанимают, так глупы и неприятны. Леди Хоггин, например, совершенно не заботится о том, что мне говорит. Она может сказать, что ее тоник с каждым днем становится все более невкусным, и практически обвинить меня в том, что я в него что-то подмешиваю. И все в подобном духе.— Мисс Карнеби вспыхнула.— Это в самом деле так неприятно. И нельзя сказать что-либо в ответ или помучить, если вы понимаете, что я подразумеваю... И еще видеть, как деньги растрачиваются по мелочам так расточительно, это невыносимо. А сэр Джозеф! Иногда он любит описывать а coup *, совершенный им в Сити... Конечно, я знаю, что у меня женский ум, и я ничего не смыслю в денежных операциях... Но, бывает, он рассказывает нечто такое, что кажется просто бесчестным. Знаете, месье Пуаро, все это выбивало меня из колеи. И я поняла, что взять немного денег у людей, которые не слишком щепетильны в их приобретении и, право же, не ощутят их отсутствие,— ну в самом деле, вообще не казалось мне чем-то несправедливым.
Пуаро проворчал:
— Современный Робин Гуд! Скажите, мисс Карнеби, употребляли вы когда-либо в ваших письмах угрозы?
— Угрозы?
— Утверждали вы, что определенным образом можете изувечить животных?
Мисс Карнеби посмотрела на него с ужасом.
— Конечно же, в действительности я никогда не помышляла о подобных вещах. То был только... только мазок художника.
— Весьма артистично. Это срабатывало.
— Ну конечно, я понимала, как это будет воспринято. Я знаю, что бы почувствовала я сама, случись подобное с Августом, и, конечно, была уверена, что женщины эти

* Поступок (фр.).

никогда не скажут ни о чем своим мужьям до тех пор, пока операция не завершится. Каждый раз все оканчивалось прекрасно. В девяти случаях из десяти компаньонкам передавали письмо с деньгами, чтобы отнести на почту. Мы обычно открывали конверты с помощью пара, доставали деньги и заменяли бумагой. Раз или два хозяйка отправляла их по почте сама. Тогда, конечно, компаньонка должна была сходить в отель и забрать письмо с полки. Но это тоже было легко.

— А штрих с няней? Всегда ли то была няня?

— Ах, знаете ли, месье Пуаро, старые девы известны своей глупой сентиментальной привязанностью к маленьким детям. Поэтому все выглядело совершенно натурально — будучи поглощены младенцами, они ничего не замечали.

Эркюль Пуаро вздохнул.

— Ваше знание психологии великолепно, организация дела — первоклассна, и к тому же вы прекрасная актриса. Ваша игра в тот день, когда я расспрашивал леди Хоггин, была безупречной. Никогда не думал о вас с пренебрежением, мисс Карнеби. Вы, может быть, женщина без образования, но все в порядке и с вашим умом, и с вашей отвагой.

Мисс Карнеби сказала с легкой улыбкой:

— И все же я обнаружена, месье Пуаро.

— Только мною. Это было неизбежно. Расспрашивая миссис Самуэльсон, я пришел к выводу, что похищение Шан Танга — одно из многих. Я узнал, что однажды вы получили в наследство пекинеса и что у вас есть сестра-инвалид. Я только должен был попросить моего несравненного Джорджа поискать маленькую квартирку в определенном радиусе, занимаемую больной леди, у которой имеется пекинес и которую раз в неделю навещает сестра. Это так просто.

Эмми Карнеби поднялась.

— Вы были очень добры, и это меня ободряет. Я хочу попросить вас об услуге. Полагаю, что меня посадят в тюрьму. Но если можно, месье Пуаро, не предавайте это дело огласке. Так мучительно будет для Эмилии... и тех немногих друзей, которые знали нас в старые времена... А нельзя ли отправиться в тюрьму под псевдонимом?.. Или очень скверно просить об этом?..

Эркюль Пуаро сказал:

— Думаю, что смогу сделать больше. Однако прежде

всего я должен до конца прояснить одно обстоятельство. Всякие вымогательства следует немедленно прекратить. Больше никаких исчезающих собак...

— Да! О, да!

— И деньги, которые вы вытянули у леди Хоггин, должны быть ей возвращены...

Эмми Карнеби пересекла комнату, открыла ящичек бюро и вернулась с пачкой банкнот, которую передала Пуаро.

— Я собиралась отдать их сегодня в общий фонд.

— Думаю, мисс Карнеби, что, возможно, мне удастся убедить сэра Джозефа не возбуждать дело в судебном порядке.

— О, месье Пуаро!

Эмми Карнеби захлопала в ладоши. Эмилия восторженно закричала, Август залаял и завилял хвостиком.

— Что же до тебя, mon ami,— сказал Пуаро, обращаясь к нему,— есть одна вещь, которую я хотел бы получить,— твой плащ-невидимку, я так в нем нуждаюсь. Во всех происшедших случаях никто ни на миг не предполагал, что в дело вовлечена вторая собака. Август воистину обладал львиной шкурой-невидимкой.

— Конечно же, месье Пуаро. Ведь, согласно легенде, пекинесы были некогда львами. И они все еще сохранили львиные сердца.

— Август, по-видимому, пес, оставленный вам в наследство леди Хартингфилд, о смерти которой было сообщено? И вы не боялись за него, когда он возвращался домой посреди уличного потока?

— О, нет, месье Пуаро, Август весьма умен. Я научила его быть очень осторожным. Он даже постиг принцип одностороннего движения на некоторых улицах.

— В таком случае,— сказал Эркюль Пуаро,— он превзошел в этом большинство людей.

VIII

Сэр Джозеф принял Эркюля Пуаро в кабинете.

— Ну, мистер Пуаро? Чем-нибудь похвастаетесь?

— Разрешите прежде всего выяснить один вопрос,— сказал Пуаро после того, как уселся.— Я знаю, кто преступник, и смогу привести достаточ-

но доказательств, чтобы уличить его. Но сомневаюсь, что в этом случае вы получите ваши деньги.

— Не получу обратно мои деньги?!— Сэр Джозеф побагровел.

Пуаро продолжал:

— Я не полисмен. И участвовал в этом деле исключительно в ваших интересах. Полагаю, что смогу вернуть вам деньги в целости и сохранности, если судебное дело не будет возбуждено.

— Э-э?— сказал сэр Джозеф.— Это следует обдумать.

— Решение всецело зависит от вас. Полагаю, вы в этом деле преследуете чисто общественные интересы. Большинство людей расценило бы ваш поступок именно так.

— Думаю, что так,— резко сказал сэр Джозеф.— Прикончили-то не их денежки. Больше всего ненавижу быть обманутым. Никто еще, надув меня, не оставался безнаказанным.

— В таком случае — ваше решение?

Сэр Джозеф стукнул кулаком по столу:

— Я предпочитаю деньги! Никто не отважится сказать, что от меня можно удрать с двумястами фунтами стерлингов.

Эркюль Пуаро поднялся, пересек комнату по направлению к письменному столу, выписал чек на двести фунтов стерлингов и отдал сэру Джозефу.

— Будь я проклят!— сказал сэр Джозеф.— Но кто же этот малый, черт побери?

Пуаро покачал головой.

— Если вы берете деньги, не надо задавать никаких вопросов.

Сэр Джозеф сложил чек и опустил его в карман.

— Жаль. Но деньги — это деньги. И сколько я вам должен, мистер Пуаро?

— Мой гонорар невысок. Это, как я уже говорил, было весьма неважное дело. В наше время почти все мои расследования связаны с убийствами...

Сэр Джозеф слегка вздрогнул.

— Они, должно быть, интересны?— спросил он.

— Иногда. Кстати, довольно странно, вы напомнили мне одно из моих первых дел в Бельгии, много лет тому назад,— главный герой внешне весьма походил на вас. Он был процветающим фабрикантом — выпускал мыло. Отравил жену в надежде освободиться и взять в жены

свою секретаршу... Да... сходство совершенно поразительное...

Слабый звук сорвался с губ сэра Джозефа — они приобрели странный синеватый оттенок. Румянец исчез с его щек. Глаза, словно готовые выпрыгнуть из глазниц, уставились на Пуаро. Он слегка сполз со стула.

Затем дрожащей рукой нащупал что-то в кармане. Вытащил чек и разорвал его на кусочки.

— Считайте, что это ваш гонорар.

— О! Но, сэр Джозеф, мой гонорар не может быть так велик.

— Все в порядке. Сохраните эти деньги.

— Я пошлю их людям, нуждающимся в благотворительности.

— Шлите их куда вам, черт побери, нравится.

Пуаро подался вперед и сказал:

— Вам необходимо усвоить, сэр Джозеф, что в вашем положении следует быть чрезвычайно осторожным.

Ответ сэра Джозефа можно было услышать с трудом.

— Не беспокойтесь. Я буду весьма осторожен.

Эркюль Пуаро покинул дом. Спускаясь по ступенькам лестницы, он сказал самому себе:

— Итак, я был прав.

IX

— Забавно, тоник на вкус совершенно иной. Из него исчез прежний горьковатый привкус. Удивительно — почему?— спросила леди Хоггин, обращаясь к мужу.

Сэр Джозеф проворчал:

— Аптекарь. Беззаботные парни. Каждый раз готовят снадобья по-разному.

— Полагаю, что так и должно быть,— сказала убежденно леди Хоггин.

— Конечно, что же еще может быть?

— Раскрыл что-нибудь этот человек о Шан Танге?

— Да, он вернул мне деньги.

— Кто же его украл?

— Он не сказал. Очень скрытный субъект Эркюль Пуаро. Но ты не должна беспокоиться.

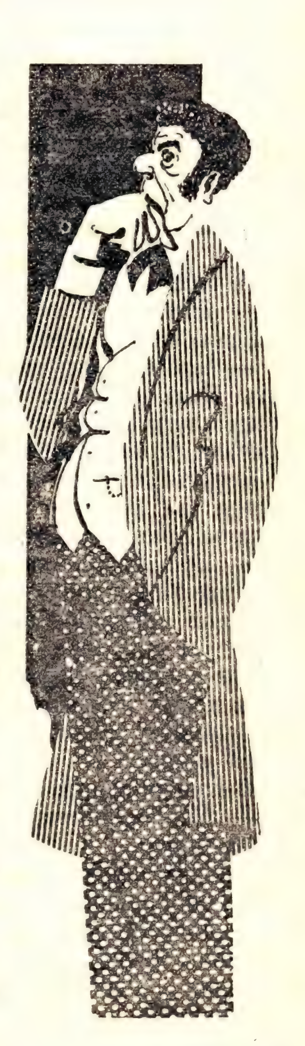
— Забавный маленький человечек, не правда ли?

Сэр Джозеф испытал легкую дрожь, словно почувст-

вовал невидимое присутствие Эркюля Пуаро за плечами. Пронзила мысль, что он будет так чувствовать себя всегда.

— Дьявольски умный малый!— сказал сэр Джозеф. И подумал про себя: «Грета может убраться к черту! Я не собираюсь рисковать своей шеей ни из-за каких проклятых платиновых блондинок».

X

— О! Эмми Карнеби недоверчиво взирала на чек в двести фунтов стерлингов.

— Эмилия! Эмилия! — закричала она.— Послушай!

«Дорогая мисс Карнеби, позвольте мне внести дань в ваш весьма заслуженный фонд перед тем, как он будет окончательно ликвидирован.

Совершенно искренне Ваш

Эркюль Пуаро».

—Эмми,— сказала Эмилия Карнеби,— ты невероятная счастливица. Подумай, где бы ты могла быть.

— Уормвуд Скрабз * или Холлоуэй **?—прошептала Эмми Карнеби.— Но все теперь закончилось, не так ли, Август? Больше никаких прогулок по парку с мамочкой или с подругами мамочки и парой маленьких ножниц.

Взор ее затуманился. Она вздохнула.

— Дорогой Август! Как жаль! Он так умен... Его можно обучить чему угодно.

---

* Лондонская тюрьма для совершивших преступление впервые.

** Тюрьма в Лондоне, самая большая в Англии. Основана в 1883 году.

СТАДО ГЕРИОНА

I

Глядя в лицо Пуаро, мисс Карнеби сказала на одном дыхании:

— Я извиняюсь, господин Пуаро, за мое столь бесцеремонное вторжение. Вы меня помните?

Брови хозяина офиса поднялись от удивления. В его глазах появились насмешливые искорки.

— Это вы? Я помню вас как одну из самых удачливых преступниц в моей карьере.

— Что вы, господин Пуаро! Вы не должны так говорить. Ведь вы были так добры ко мне. Мы с Эмилией очень часто вспоминали вас, и когда встречали в газетах заметки, то вырезали их и наклеивали в альбом. А нашего Августа мы научили новому трюку. Мы говорим ему: «Умри за Эркюля Пуаро!» — и он лежит как мертвый, пока не прикажешь ему встать.

— Весьма признателен ему за это,— сказал Пуаро.— А он все такой же умный?

Мисс Карнеби в восхищении всплеснула руками:

— Он стал еще умнее и абсолютно все понимает. Както раз в парке, когда мы остановились у детской коляски, я вдруг почувствовала, как кто-то дергает поводок. Оглянулась, а это Август старается перекусить его. Он такой умница.

В глазах Пуаро вновь появилась смешинка.

— Мне кажется, Августу тоже присущи преступные наклонности.

Однако мисс Карнеби не поддержала шутку. На ее лице появилась озабоченность.

— О, господин Пуаро, я так обеспокоена! Порой мне кажется, будто я по натуре и правда закоренелая преступница... У меня в голове все время возникают различные планы.

— Какие еще планы?

— Самые невероятные. Вчера, например, меня осенила мысль: как можно без особых трудностей ограбить почтовое отделение. Причем я не думала об этом, это появилось само собой. Или вдруг мне в голову пришел оригинальный способ беспошлинного прохождения таможенного досмотра. Я уверена, что все бы получилось чисто.

— В этом я не сомневаюсь,— сухо заметил Пуаро.

— Вот именно,— подхватила мисс Карнеби.— И меня все это очень беспокоит, господин Пуаро, очень. Ведь я воспитана в строгости и раньше ни о чем таком и не думала. Я полагаю, эти мысли появляются потому, что у меня уйма свободного времени. От леди Хоггин я ушла и сейчас работаю у одной пожилой дамы. В мои обязанности входит написание писем и ежедневное чтение книг. Как только письма написаны и я начинаю читать вслух книги, она сразу же засыпает, а я сижу, скучаю и думаю. А вы знаете, какие мысли навевает дьявол, когда человек сидит без дела.

— Да, конечно,— согласился Пуаро.

— А недавно я прочитала книгу, где говорилось о том, будто у любого человека в подсознании дремлют нехорошие наклонности. Там также было сказано, что нужно поощрять здоровые побуждения, чтобы они не давали возможности развиваться дурным. Вот поэтому я к вам и пришла.

— Продолжайте,— сказал Пуаро.— Я вас внимательно слушаю.

— Я считаю, господин Пуаро, что в стремлении человека интересно жить нет ничего плохого. К сожалению, моя жизнь — сплошное прозябание. В той же книге говорилось, что человек, поворачивающийся спиной к бедам другого человека, заслуживает порицания. Вот поэтому я и пришла к вам, господин Пуаро.

— Если я правильно понял, вы предлагаете мне взять вас в помощницы?— спросил Пуаро.

Мисс Карнеби засмущалась:

— С моей стороны, конечно, беспардонно просить об этом, но вы такой добрый...

Она замолчала. Ее глаза умоляюще смотрели на Пуаро. Так смотрит преданная собака на своего хозяина, надеясь, что он возьмет ее на прогулку.

— А это идея...— задумчиво произнес Пуаро.

— Я не такая уж и умная,— продолжала Эмми Кар-

неби,— но умею хорошо притворяться, скрывать свои мысли. В моей работе это необходимое качество, в противном случае тебя тут же уволят. И я убедилась, что чем глупее ты выглядишь, тем лучше к тебе относятся.

Пуаро рассмеялся:

— Вы меня очаровали, мадемуазель.

— О, господин Пуаро, вы так добры ко мне. Недавно я получила наследство, совсем небольшое, но оно позволит мне и моей сестре жить независимо, не откладывать на черный день.

— Я должен подумать,— сказал Пуаро,— где лучше всего использовать ваш ум и талант. А впрочем, может, вы сами подскажете мне?

— Вы читаете мои мысли, господин Пуаро,— тут же подхватила мисс Карнеби.— Меня очень беспокоит моя подруга, и я как раз хотела посоветоваться с вами... Вы, конечно, можете сказать, что у меня богатое воображение и то, о чем я хочу вам рассказать, простое совпадение, но... нет дыма без огня.

— Слушаю вас.

— Так вот, у меня есть подруга, Эммелин Клегг. Она была замужем за одним человеком, который жил на севере Англии. Несколько лет назад он умер и оставил ей большое состояние. После смерти мужа она осталась одна, детей у нее нет, и, как многие глупые женщины, ударилась в религию. Конечно, вера может как-то отвлечь от дурных мыслей и поддержать морально, но только истинная вера.

— Вы полагаете, что ваша подруга стала жертвой одной из сект? — прервал мисс Карнеби Пуаро.

— Да. И называется она «Паствой Великого пастыря». Их штаб-квартира находится в Девоншире, в красивом живописном месте около моря, куда и сходятся поклонники этой секты, чтобы, как они говорят, найти уединение. А во главе этой секты стоит какой-то доктор Андерсен. Говорят, очень красивый молодой мужчина.

— Что и привлекает в его секту женщин,— добавил Пуаро.

— К сожалению, вы правы. Мой отец, тоже священник, был красивым мужчиной, и прихожане, преимущественно женщины, специально ходили в церковь, чтобы поглазеть на него.

— Членами секты состоят в основном женщины, не так ли?— спросил Пуаро.

— По крайней мере большинство. Мужчины там либо чудаки, либо маньяки. Между прочим, секта существует преимущественно на средства женщин, на их пожертвования.

— Теперь мы подошли, насколько я понял, к самому главному. Вы считаете, что эта секта — сплошное мошенничество.

— Честно сказать, да. Но меня беспокоит другое. Моя подруга недавно составила завещание, где все свои деньги в случае смерти отдаст в фонд секты.

— Кто-нибудь посоветовал ей это сделать?

— Насколько я знаю, нет. Она это решила сама. «Великий пастырь,— говорила она,— вселил в меня новую веру, жажду жизни, поэтому после своей смерти я все отдам в фонд «Великого дела». Но меня беспокоит даже не это...

— Продолжайте, мадемуазель, прошу вас.

— Среди тех женщин, которые составили завещания в пользу секты, есть несколько состоятельных. Так вот, трое из них умерли уже в этом году.

— Оставив свои состояния секте?

— Да.

— А их родственники не возражали? Это же хороший повод для возбуждения иска.

— Дело в том, господин Пуаро, что в секту, как правило, приходят одинокие женщины, у которых нет родственников.

Пуаро понимающе кивнул головой.

— Конечно, с моей стороны нехорошо подозревать что-то плохое,— продолжала мисс Карнеби.— Тем более что и умерли они дома, а не в храме на Зеленых Холмах. С одной стороны, вроде бы ничего страшного, но с другой — я бы не хотела, чтобы такое случилось с моей подругой.

Несколько минут Пуаро сидел молча, потом сказал:

— Мадемуазель, вы храбрая женщина и действительно прирожденная актриса. Сможете ли вы выполнить одно рискованное поручение?

— Я об этом мечтаю.

— Это может быть смертельный риск,— предупредил Пуаро.— Чтобы узнать правду, вам придется стать членом Великой паствы. А перед этим говорить всем, что недавно получили огромное состояние, разочаровались в жизни и теперь у вас нет никакой цели. Поспорить с под-

ругой о ее нынешней вере, выразить сомнение в искренности Великого пастыря и его проповедей. Она захочет показать вам богослужение, и вы согласитесь поехать в храм на Зеленых Холмах. Затем надо будет притвориться, что вы очарованы проповедями доктора Андерсена. Ну как, мисс Карнеби, справитесь с этой ролью?

Она улыбнулась.

— Думаю, что смогу.

II

— Итак, мой друг, вам удалось что-нибудь сделать для меня?

Старший инспектор Джепп задумчиво посмотрел на Пуаро.

— Не все, что хотелось бы,— горько признался он.— Я ненавижу этих религиозных фанатиков. Морочат голову женщинам всякими бреднями. Но этот парень ведет себя очень осторожно. Все выглядит безупречно.

— Узнали что-либо о его прошлом?

— Я посмотрел досье. Он учился в Германии. Подавал надежды стать хорошим химиком, как вдруг был исключен из университета из-за того, что его мать — еврейка. Увлекался восточными мифами и изучал религиозные обряды разных стран. Написал по этому вопросу несколько статей. Я начал было читать одну из них — бред сумасшедшего.

— Похоже на то, что он действительно религиозный фанатик?

— Кажется, да.

— А как те женщины, фамилии которых я вам дал?

— Тоже ничего особенного. Мисс Эверит умерла от колита. Миссис Ллойд — от воспаления легких. Леди Вестерн скончалась от туберкулеза, которым болела много лет. Мисс Ли умерла от брюшного тифа — заразилась им, когда была на севере Англии. Я считаю, что эти смерти не имеют никакого отношения ни к секте, ни к доктору Андерсену. Должно быть, простое совпадение.

Пуаро вздохнул.

— И тем не менее, мой друг, у меня такое чувство, будто доктор Андерсен — это трехголовый великан Герион, которого я, как и мой мифологический прототип, должен обезвредить.

Джепп с удивлением уставился на Пуаро.

— Вы что, Пуаро,— спросил он,— начитались старинных мифов?

— Вам этого не понять, дорогой Джепп.

— А вам, дорогой Пуаро, впору организовывать свою собственную секту с девизом: «На свете нет умнее никого, нежели Эркюль Пуаро. Аминь».

III

— Как здесь хорошо!— с чувством сказала мисс Карнеби, поднявшись на холм.

— Я же тебе говорила, Эмми!

Подруги сидели на склоне небольшого холма и любовались морем. Оно было голубое, трава под ногами — ярко-желтая, а склоны и земля — красные.

Клегг задумчиво прошептала:

— Красная земля — земля надежды, где можно найти уединение.

— Вчерашняя проповедь Пастыря была захватывающей,— глубоко вздохнув, сказала Эмми.

— То ли еще будет сегодня вечером, моя дорогая. На празднике Полной паствы...

Праздник проходил в белом, сверкающем огнями здании, которое члены паствы называли Священной обителью. Верующие, одетые в овечьи шкуры и обутые в сандалии, с обнаженными до плеч руками, собрались перед заходом солнца. В центре зала на приподнятой платформе стоял высокий, золотоволосый и голубоглазый доктор Андерсен. В руке он держал золотой пастуший посох.

Наконец он высоко поднял посох, и в мертвой тишине прозвучал его голос:

— Где моя паства?

— Мы здесь, о Пастырь!— отозвалась толпа.

— Наполните свои сердца радостью и благодарственной молитвой. Сегодня праздник веселья. Вас ждет возвышенное наслаждение.

— Праздник веселья вошел в нас.

— Нет больше печали, нет больше боли. Только радость.

— Только радость,— вторили ему.

— Сколько голов у Великого пастыря?

— Три! Золотая, серебряная и медная.
— Сколько тел у паствы?
— Три! Плоть, разрушение и восстановление.
— Как вы войдете в паству?
— Через таинство крови.
— Вы готовы к таинству?
— Готовы.
— Завяжите глаза и протяните вашу правую руку.

Все послушно завязали глаза приготовленными заранее зелеными повязками. Мисс Карнеби сделала то же самое.

Великий пастырь шел вдоль рядов верующих. Стали слышны вскрики, стоны, бормотание.

«Богохульство, да и только,— подумала про себя Эмми.— Собрались одни истерички. Посмотрим, что будет дальше».

Наконец он подошел к ней, взял ее руку, подержал какое-то время, и внезапно Эмми пронзила острая боль.

— Таинство крови принесет вам радость,— пробормотал Великий пастырь и удалился.

Эмми Карнеби сняла повязку и огляделась. Солнце опускалось за горизонт. Близились сумерки. Она решила было уходить, как вдруг ей стало весело, она почувствовала себя безгранично счастливой. Уходить уже не хотелось. Она присела. Почему ее считают одинокой, несчастной женщиной? Она не одинока, с ней ее мечты, а в мечтах она может улететь куда угодно.

Она подняла руку, призывая всех живущих на земле послушать ее. Завтра она создаст общество всеобщего благоденствия, где не будет ни войн, ни нищеты, ни болезней. Она, Эмми Карнеби, создаст новый мир. А сейчас можно немного отдохнуть.

Ноги ее подкосились, она упала и... заснула, погружаясь в мир сновидений.

Неожиданно этот мир исчез, и Эмми проснулась. Ноги у нее затекли, лежать было неудобно. Она встала, потянулась. Что же произошло? Всю ночь она летала в мечтах, видела удивительные сны.

В небе светила луна, и Эмми смогла различить стрелки своих наручных часов. К ее величайшему изумлению, они показывали только 21.45. Солнце (она это помнила хорошо) садилось в 20.10. Значит, она проспала только один час тридцать пять минут. Невероятно, но факт.

IV

— Вы должны строго выполнять мои указания,— сказал Пуаро.— Вам ясно?

— Конечно, господин Пуаро. На меня вы можете положиться.

— Вы говорили о своем желании завещать секте свои деньги?

— Да, я сама говорила с Пастырем.— Эмми улыбнулась.— С доктором Андерсеном. Я сказала ему, что он своими проповедями перевернул мне душу и что только в Храме я нашла истинную веру. Все выглядело естественным, так как, слушая его, можно действительно поверить, что деньги для него — ничто. «Жертвуйте, что можете,— говорит он,— если вам нечего дать, не расстраивайтесь. Вы принадлежите пастве». А я ему говорю: «Я не такая, как другие, я хорошо обеспечена, у меня много денег, а скоро будет еще больше. Я получила огромное наследство от дальней родственницы, и, хотя оно сейчас юридически оформляется, я хочу составить завещание и все деньги после моей смерти передать в паству, так как у меня нет никаких родственников».

— И он грациозно принял ваш дар?

— Вел он себя независимо. Сказал, что я проживу еще очень долго, наслаждаясь духовной жизнью в храме на Зеленых Холмах. Он ведь умеет говорить проникновенно.

— Я знаю,— согласился Пуаро.— А вы упомянули о своем здоровье?

— Да, я сказала ему, что болела туберкулезом, но потом долго лечилась и сейчас чувствую себя хорошо.

— Отлично.

— А почему мне нужно было говорить, что я болела туберкулезом? — спросила Эмми Карнеби.— Ведь я не разу в жизни им не болела.

— Не волнуйтесь,— уклонился Пуаро от ответа,— так нужно. А о своей подруге вы сказали?

— Да. Я ему будто бы по секрету сказала, что, кроме тех денег, которые Эммелин получила после смерти мужа, она скоро получит в несколько раз больше, когда вступит в права наследства, которое ей оставила любившая ее богатая тетя.

— Отлично. Это выведет миссис Клегг из игры.

— Вы действительно думаете, господин Пуаро, что в секте не все чисто и Эммелин угрожает опасность?

— Именно это я и хочу выяснить. Кстати, вы встречали в Зеленых Холмах некоего Коуля?

— Когда я была там последний раз, то встретила какого-то субъекта, который назывался Коулем. Какой-то он очень странный. Одет в зеленые шорты и ест только сырую капусту.

— Значит, все идет по плану. Что ж, подождем теперь осеннего праздника паствы.

V

— Мисс Карнеби, подождите! — Коуль схватил Эмми за руку, глаза его блестели.— У меня было видение, замечательное видение.

Эмми вздохнула. Она боялась Коуля и его видений. Были моменты, когда он вел себя как сумасшедший.

— Я собирался подумать о полноте жизни, о высшей ступени наслаждения, как вдруг увидел...

Эмми надеялась, что на этот раз видение Коуля будет другим. В прошлый раз он чуть не уморил ее рассказами об интимной жизни бога и богини древнего Шумера.

— Я видел пророка Илию!— Коуль наклонился к Эмми, глаза его блестели.— Он спускался на землю в огненной колеснице.

Эмми вздохнула с облегчением. Пророк Илия — это уже лучше.

— Внизу находилось множество жертвенников,— продолжал Коуль,— и голос мне сказал: «Смотри и запоминай и расскажешь о том, что увидишь».

Он замолчал.

— Что же было дальше? — спросила мисс Карнеби.

— Возле алтарей стояли девушки, будущие жертвы, беспомощные, беззащитные девственницы — тысячи обнаженных девственниц...

Коуль облизнул пересохшие от волнения губы. Мисс Карнеби покраснела.

— Затем с небес спустились вороны Одина. Они встретились с воронами пророка Илии и долгое время кружили в небе. Затем бросились вниз и стали выклевывать глаза жертвам. Со всех сторон неслись вопли боли,

а голос кричал: «Примите жертву. Сегодня Иегова и Один создают кровное братство». Затем жрецы подняли жертвенные ножи.

— Извините меня,— сказала мисс Карнеби, в отчаянии отпрянув от своего мучителя, у которого на губах появилась садистская улыбка, и обратилась к проходившему мимо Липскомбу, блюстителю порядка в храме на Зеленых Холмах и религиозному фанатику секты: — Вы не находили мою брошь? Я ее обронила где-то здесь.

Липскомб, грубый, невоспитанный мужчина, ненавидевший женщин, пробормотал сквозь зубы, что он ничего не находил и не собирается искать. Однако мисс Карнеби не отставала от него, пока не отошла на безопасное расстояние от Коуля.

В это время из Священной обители вышел сам Пастырь, и, увидя на его лице добрую улыбку, Эмми осмелилась обратиться к нему с вопросом, не считает ли он Коуля странным.

Великий пастырь успокаивающе положил руку ей на плечо.

— Изгоните страх из своего сердца,— сказал он.— Любовь к ближнему изгоняет страх.

— Да, но Коуль сумасшедший. У него такие странные видения.

— Конечно,— согласился Великий пастырь,— его видения несовершенны, но придет время, когда он сможет увидеть совершенство духа.

Эмми почувствовала себя неловко.

— А Липскомб?— спросила она.— Почему он так грубо разговаривает с дамами?

И снова Великий пастырь улыбнулся своей божественной улыбкой.

— Липскомб,— сказал он,— преданный сторожевой пес. Невежественный, грубый, но преданный.

И он ушел. Эмми видела, как он подошел к Коулю, положил руку ему на плечо, о чем-то поговорил с ним. Она надеялась, что влияние Великого пастыря поможет Коулю изменить тему своих будущих видений.

А до осеннего праздника оставалась всего одна неделя.

VI

Вечером, за день до праздника, Эмми Карнеби встретилась с Эркюлем Пуаро в маленькой чайной небольшого городка, расположенного недалеко от храма на Зеленых Холмах.

— Сколько человек будет участвовать в празднике?— спросил Пуаро.

— Человек сто двадцать. Много новеньких, их будут принимать в нашу паству.

— Отлично. Вы знаете, что делать?

Эмми Карнеби ничего не ответила. Пуаро ждал. После минутной паузы она вдруг встала.

— Я не собираюсь этого делать, господин Пуаро.

Пуаро растерянно уставился на нее.

— Вы послали меня шпионить за нашим добрым Андерсеном,— истерическим голосом продолжала она,— но я не буду этого делать. Доктор Андерсен — замечательный человек. Он — Великий пастырь, а я принадлежу к его пастве. Он учит нас добру и миру, поэтому я принадлежу ему душой и телом. Прощайте, господин Пуаро. Не беспокойтесь, я сама заплачу за свой чай.

И, положив деньги на стол, она вышла из чайной.

Официанту пришлось дважды окликнуть Пуаро, прежде чем вручить ему счет. Пуаро заплатил, встал и тут заметил заинтересованный взгляд какого-то человека, сидевшего за столиком напротив.

VII

И снова вся паства собралась в Священной обители. И снова звучали ритуальные вопросы и ответы.

— Вы готовы к таинству?

— Готовы.

— Завяжите глаза и протяните вашу правую руку.

Великий пастырь в своей блестящей зеленой одежде двинулся вдоль рядов. Ясновидец Коуль, стоявший рядом с Эмми, издал крик восторга, когда игла впилась в его правую руку.

Великий пастырь остановился возле Эмми Карнеби. Его пальцы схватили ее правую руку, и тут она услышала шум борьбы. Эмми сбросила повязку с глаз и увиде-

ла, как Великий пастырь вырывается из рук Коуля и одного из новых членов секты.

— Вы арестованы, доктор Андерсен,— профессиональным тоном произнес Коуль.— У меня ордер на ваш арест. Я должен предупредить, что все, что вы скажете, может быть использовано в суде против вас.

— Полиция!— закричал кто-то.— Они забирают нашего Пастыря.

Кто-то возмутился, толпа начала роптать, а тем временем инспектор полиции Коуль осторожно прятал в портфель шприц для подкожных инъекций, который выпал из рук Великого пастыря.

VIII

— Знакомьтесь, моя храбрая помощница,— представил Пуаро старшему инспектору Джеппу мисс Эмми Карнеби.

— Первоклассная работа, мисс, первоклассная,— сказал старший инспектор.— Без вашей помощи мы не смогли бы обезвредить этого монстра.

— Да что вы,— смутилась Эмми Карнеби.— Вы так любезны. А я так боялась всего, хотя и вжилась в роль. Временами я чувствовала себя одной из тех глупых верующих женщин.

— В этом-то и причина вашего успеха,— сказал Джепп.— Вы прирожденная актриса. Никто, кроме вас, не смог бы провести этого господина, а ведь он — негодяй из негодяев — был всегда начеку.

— Помните тот ужасный момент в чайной?— спросила Пуаро Эмми.— Я не знала, что делать, и решилась на экспромт.

— Это был удивительный экспромт!— восхитился Пуаро.— Сначала я даже растерялся, решив, что вы сошли с ума.

— А я не знала, что делать. В зеркале напротив я вдруг увидела, что за следующим столиком сидит Липскомб и прислушивается к нашему разговору. Оказался ли он там случайно или же следил за мной — я не знала, поэтому-то и решила разыграть сцену, зная, что вы меня поймете.

— Я понял это, увидев того самого Липскомба, который пожирал меня глазами. Как только он вышел из

чайной, я организовал за ним слежку и выяснил, что он из Зеленых Холмов.

— А что было в шприце? Что-нибудь опасное?— заинтересованно спросила Эмми.

— Мадемуазель,— мрачно сказал Пуаро,— доктор Андерсен изобрел изощренный способ убийства. Много лет он занимается бактериологическими исследованиями. У него в Шеффилде есть бактериологическая лаборатория, где он выращивает различные штаммы бацилл. Во время праздников он вводил людям небольшую дозу гашиша, который вызывает различные галлюцинации и чрезмерную радость. Именно это и привлекло в секту многих людей.

Одинокие женщины,— продолжал Пуаро, — в знак благодарности составляли завещания в пользу секты. И все они постепенно умирали. Умирали в своих собственных домах от обычных болезней. Постараюсь объяснить, как он это делал, хотя я и не силен в бактериологии. Практически можно усилить вирулентность любой бактерии. Бацилла кишечной палочки, например, вызывает воспаление толстых кишок даже у здорового человека. Бациллы тифа, а также пневмококки можно ввести в организм, и человек через какое-то время заболевает сыпным тифом или крупозным воспалением легких с летальным исходом. Существует такая бацилла, как туберкулин, которая вызывает рецидив туберкулеза у человека, который однажды им переболел. Здоровому человеку это не страшно, а у переболевшего вызывает рецидив, вспышку активности. Вы поняли его замысел? Паства умирала от естественных болезней. Врачи старались их вылечить — и никаких подозрений на Великого пастыря. Кроме того, я думаю, он изобрел средство, позволяющее замедлять или ускорять развитие бацилл.

— Ну и дьявол! — в сердцах воскликнула Эмми Карнеби.

— По моей просьбе,— продолжал Пуаро,— вы сказали доктору Андерсену, что когда-то болели туберкулезом. Когда Коуль арестовал его, у него в шприце были бациллы туберкулеза, палочки Коха. Так как вы совершенно здоровая женщина, эти бациллы не причинили бы вам вреда, поэтому-то я и просил вас сказать ему, что вы болели туберкулезом в острой форме. Я боялся, что он выберет другую бациллу.

— А достаточно у вас доказательств, чтобы судить его?

— Больше чем достаточно,— сказал Джепп. — Ведь мы обнаружили бактериологическую лабораторию, и там у него оказался целый набор различных болезнетворных микробов.

— Я думаю, — сказал Пуаро,— что ему удалось совершить много убийств. Кроме того, он был исключен из университета не за то, что его мать была еврейкой (он придумал эту легенду, чтобы вызвать сочувствие), а за свои садистские наклонности.

Мисс Карнеби вздохнула.

— В чем дело? — встрепенулся Пуаро.

— Я подумала о тех сновидениях, которые видела во время первого праздника. Я так хорошо намеревалась переделать мир: никаких войн, нищеты, болезней.

— Это был замечательный сон,—согласился Пуаро.

Джон Харрисон вышел из дома, приостановился на веранде и посмотрел в сад. Это был крупный мужчина, обычно угрюмый, но в редкие минуты, как сейчас, когда улыбка разглаживала суровые черты его изможденного и бледного лица, оно могло показаться даже привлекательным.

Джон Харрисон любил свой сад, и сегодня он был особенно красив. Вьющиеся розы не отцвели и все еще ласкали взгляд своей свежестью; воздух был напоен ароматом душистого горошка.

За спиной у Харрисона раздался столь знакомый ему скрип садовой калитки, и он быстро обернулся. Кто это мог быть? Он никого не ждал в этот час. В следующее мгновение его лицо вытянулсь от удивления. Он никак не ожидал видеть у себя этого щегольски одетого маленького человека, поднимающегося к нему по тропинке.

— Не могу поверить,— воскликнул Харрисон,— это вы, мсье Пуаро?!

Это действительно был он, известный всему миру сыщик Эркюль Пуаро.

— Вы не ошиблись,— ответил он,— это я. Помните, вы как-то сказали мне: «Если судьба забросит вас в наши края — непременно навестите меня». И вот я у вас.

— Очень, очень рад,— сказал Харрисон.— Присаживайтесь, прошу вас. Хотите что-нибудь выпить?

Широким жестом он указал на стол, заставленный бутылками.

— Благодарю,— ответил Пуаро, погружаясь в плетеное кресло.— Сиропа у вас, конечно, нет? Так я и думал. Тогда мне содовой. Нет, нет, без виски. Одной содовой, пожалуйста.

И когда Харрисон поставил перед ним наполненный стакан, он горестно добавил:

— Какая жалость. Мои усы поникли. Это все из-за жары!

— Что привело вас в наше захолустье? — поинтересовался Харрисон, усаживаясь в кресло.— Хотите развлечься?

— Нет, mon ami, дело.

— Дело, в нашем тихом уголке?

Пуаро покивал с серьезным видом.

— Да, мой друг. Преступления совершаются не только в больших городах.

Харрисон сконфуженно рассмеялся.

— Простите мне этот глупый вопрос. Могу я спросить, что за преступление вы собираетесь расследовать у нас?

— Можете,— ответил сыщик.— Более того, я бы даже хотел, чтобы вы меня об этом спросили.

Харрисон с любопытством посмотрел на него. Кое-что в поведении Пуаро показалось ему необычным.

— Так вы расследуете преступление? — неуверенно переспросил он.— Серьезное?

— Очень.

— Вы полагаете...

— Да, именно это. Убийство.

Пуаро произнес это слово с такой интонацией, что Харрисону стало не по себе. Сыщик в упор смотрел на него, и он смутился.

— Но я не слышал ни о каком убийстве.

— Разумеется,— согласился Пуаро,— вы и не могли слышать.

— Кто же убийца?

— Пока никто.

— То есть как?

— Поэтому я и сказал, что вы не могли слышать об этом. Я занимаюсь преступлением, которое еще не совершено.

— Согласитесь, Пуаро, это какая-то ерунда!

— Отнюдь нет. Гораздо гуманнее расследовать убийство до его совершения, чем после. В этом случае появляется возможность предотвратить преступление.

Харрисон ничего не понял из его объяснения.

— Вы, наверное, шутите, мсье Пуаро?

— Увы, нет. Я говорю серьезно.

— Вы считаете, что произойдет убийство? Но это же абсурд!

— Да, совершится преступление, если мы не сможем его предотвратить,— сказал Пуаро, пропустив мимо ушей восклицание Харрисона.— Об этом я и хотел бы с вами поговорить.

— Вы сказали «мы»?

— Да, мне потребуется ваша помощь.

— За этим вы сюда и приехали?

Снова Пуаро посмотрел на Харрисона, и снова тот почувствовал себя неуютно под его взглядом.

— Я приехал сюда, мсье Харрисон, потому, что хорошо отношусь к вам.

И тут же добавил совершенно другим тоном:

— Мсье Харрисон, я вижу у вас там, на дереве, осиное гнездо. Вам следовало бы от него избавиться.

Резкая смена темы разговора сбила Харрисона с толку, и он нахмурился. Проследив за взглядом Пуаро, он растерянно сказал:

— Собственно говоря, я как раз и собираюсь заняться этим. Вместе с Лэнгтоном. Вы помните Клода Лэнгтона? Он тоже был на приеме, где мы с вами познакомились. Он зайдет ко мне сегодня вечером.

— Вот как!— воскликнул Пуаро.— Интересно знать, чем вы намерены травить ос?

— Залить бензином. Опрыскиватель Лэнгтон принесет свой, так как мой не очень подходит для этого дела.

— Но ведь есть и другие способы?— сказал Пуаро.— Например, опрыскать цианистым калием.

Харрисон удивленно посмотрел на него.

— Но ведь это крайне опасно. С цианистым калием шутки плохи...

Пуаро покивал головой в знак согласия.

— Верно, это смертельный яд.— Он сделал паузу и повторил с особенной интонацией.— Смертельный яд.

— Впрочем, незаменимый, если вы собираетесь отправить на тот свет любимую тещу,— усмехнулся Харрисон.

Но Пуаро не отреагировал на его шутку.

— Вы абсолютно уверены, мсье Харрисон, что мсье Лэнгтон собирается уничтожить осиное гнездо с помощью бензина?

— Абсолютно. Но почему вы об этом спрашиваете?

— Сегодня в обед я был в аптеке в Барчестере. За одну из покупок я должен был расписаться в книге уче-

та ядовитых препаратов и там увидел запись о покупке цианистого калия Клодом Лэнгтоном.

Харрисон задумался.

— Странно,— наконец сказал он.— Лэнгтон не упоминал о цианистом калии. К тому же яды для таких целей не продают.

Пуаро окинул взглядом цветущий сад.

— Вам нравится Лэнгтон? — тихим голосом спросил он.

— Я... Лэнгтон... Разумеется, с чего вы взяли, что я должен его не любить?

— Прошу извинить,— спокойно сказал Пуаро,— но я просто хотел знать, как вы относитесь к Лэнгтону.

Харрисон молчал, и он продолжил:

— Простите за назойливость. А как он относится к вам?

— Почему вас так заинтересовали наши личные отношения, мсье Пуаро? Я никак не могу понять, к чему вы клоните.

— Что ж, я буду откровенен. Вы помолвлены, мсье Харрисон, и скоро ваша свадьба. Я знаком с вашей избранницей. Мисс Молли Дин очаровательная девушка. До помолвки с вами она была обручена с Клодом Лэнгтоном, но оставила его ради вас.

Харрисон кивнул.

— Я не спрашиваю о причинах, повлиявших на ее решение. Вероятно, они были достаточно вескими. И думаю, вряд ли Лэнгтон забыл или простил вам это.

— Вы ошибаетесь, мсье Пуаро. Клянусь, вы ошибаетесь. Лэнгтон спортсмен и воспринял свою неудачу как проигрыш на спортивных состязаниях. Его поведение на удивление было без-

упречным, и он сделал все, чтобы сохранить дружеские отношения со мной.

— И это не показалось вам странным? Вы сказали «на удивление», но сами, кажется, не удивлены.

— Что вы хотите этим сказать, мсье Пуаро?

— А то,— ответил Пуаро уже с другой интонацией,— что человек может затаить свою ненависть до подходящего момента.

— Ненависть?

Харрисон покачал головой и засмеялся.

— Англичане глупы,— в сердцах заметил Пуаро.— Они уверены, что умнее всех на свете. Спортсмен, хороший парень, по их мнению, не способен на дурной поступок. Они храбрые, но глупые и потому гибнут там, где другие избегают гибели.

— Вы хотите меня предупредить,— негромко сказал Харрисон.— Вы думаете, что Клод Лэнгтон... Так вот почему вы приехали ко мне.

Пуаро утвердительно кивнул. Внезапно Харрисон вскочил на ноги.

— Вы сошли с ума, мсье Пуаро. Это Англия. Ничего подобного здесь произойти не может. Оскорбленные и потерпевшие неудачу не всаживают у нас ножи в спины своих обидчиков и не отравляют их. Тем более вы ошибаетесь насчет Лэнгтона. Он мухи не обидит.

— Мухи не входят в сферу моих интересов,— спокойно сказал Пуаро.— Но говоря о том, что мсье Лэнгтон не способен убить ни одной из них, вы забываете, что он готовится уничтожить несколько тысяч ос.

Харрисон замолчал. Маленький сыщик вскочил на ноги и приблизился к своему другу. Он положил ему руку на плечо и так как был сильно возбужден, то даже слегка встряхнул его и зашептал в ухо:

— Придите в себя, мой друг. Посмотрите вон туда. Видите там за скамейкой ос, возвращающихся к себе в гнездо. Они спокойны и безмятежны и даже не подозревают о том, что погибнут через час. Увы, у них нет своего Эркюля Пуаро, который бы предупредил их об опасности. Я еще раз напоминаю вам, мсье Харрисон, что у меня здесь дело. Я занимаюсь убийствами. Как до их совершения, так и после. В котором часу придет Лэнгтон?

— Лэнгтон никогда...

— В котором часу?

— В девять. Но уверяю вас, вы ошибаетесь. Лэнгтон никогда...

— Ох уж эти англичане!— с досадой воскликнул Пуаро.

Он схватил шляпу и трость и двинулся вниз по тропинке. На полпути он остановился и, оглянувшись, сказал:

— Я ухожу, чтобы не спорить с вами. Ваше упрямство плохо действует на меня. Но, разумеется, я вернусь в девять часов.

Харрисон хотел было что-то сказать, но Пуаро перебил его.

— Я знаю все, что вы скажете: «Лэнгтон никогда...» и так далее. Но я все-таки вернусь к девяти часам. Посмотреть, как вы справитесь с осиным гнездом. Это, кажется, чисто английский вид спорта.

Не дожидаясь ответа, он быстро спустился по тропинке и вышел через скрипнувшую калитку. Выйдя на дорогу, он замедлил шаг. На лице его явно отразилась тревога. Он вытащил часы и посмотрел на циферблат.

— Почти час,— пробормотал сыщик.— Не лучше ли было остаться?

Неясные тревожные мысли овладели им, и он чуть было не повернул назад. Потом все-таки зашагал в сторону деревни, но тревога не отпускала его, и он не был уверен, что поступает сейчас правильно.

Около девяти он подошел к садовой калитке. Царил тихий вечер, и лишь легкий ветер слегка шевелил листву. В этом спокойствии было что-то зловещее, словно затишье перед бурей.

Неизвестно откуда взявшаяся тревога заставила его прибавить шаг.

Вдруг садовая калитка отворилась, и на дорогу быстро вышел Клод Лэнгтон.

— О... э..,— запинаясь, начал он, увидев Пуаро,— добрый вечер.

— Добрый вечер, мсье Лэнгтон. Что так рано уходите?

Лэнгтон растерянно посмотрел на него.

— Почему рано?

— Вы уничтожили осиное гнездо?

— Нет.

— О!— удивленно воскликнул Пуаро.— Так вы не занимались осиным гнездом? Чем же тогда?

— Да ничем. Немного поболтал со стариной Харрисоном. Простите, мсье Пуаро, но я спешу. Никак не думал, что вы еще здесь.

— Есть кой-какие дела.

— А! Хорошо. Вы найдете Харрисона на террасе. Жаль, что не смогу задержаться.

Он поспешно ушел. Пуаро проводил его взглядом и отметил про себя: довольно симпатичный, но нервный молодой человек, судя по всему не очень волевой.

— Выходит, Харрисон на террасе,— пробормотал Пуаро.— Интересно.

Он вошел через калитку и поднялся по тропинке к дому. Харрисон сидел в кресле возле стола. Он сидел неподвижно и даже не обернулся на шаги Пуаро.

— А, mon ami, у вас все в порядке?— спросил он. Судя по долгому молчанию, Харрисон был явно не в себе.

— Что вы сказали?

— Я спросил, все ли у вас в порядке?

— Все в порядке? Разумеется. Но почему вы меня об этом спрашиваете?

— Никаких болезненных ощущений? Вот и отлично.

— Болезненных ощущений? После чего?

— После кристаллической соды.

Харрисон наконец пришел в себя.

— Кристаллическая сода? Что вы хотите этим сказать?

Пуаро сделал извиняющий жест.

— Очень сожалею, но мне пришлось положить немного кристаллической соды в ваш карман.

— Кристаллическую соду в мой карман? Зачем?

Харрисон не смог сдержать удивления.

Пуаро говорил спокойно и доброжелательно, как разговаривают взрослые с детьми.

— Видите ли, одним из преимуществ или недостатков моей профессии является то, что мне часто приходится общаться с преступниками. У этих людей можно кой-чему научиться. Однажды я избавил одного карманника от незаслуженного им наказания, и в благодарность он посвятил меня в некоторые секреты своего ремесла. И теперь я могу залезть вам в карман, и вы даже не почувствуете этого. Смотрите, как это делается. Я возбужден, я кладу вам руку на плечо, и вы уже не чувствуете, что содержимое вашего кармана перекочевало ко мне и у вас там теперь кристаллическая сода.

Пуаро сделал небольшую паузу и задумчиво продолжил:

— Итак, некий человек хочет быстро и незаметно высыпать яд в стакан и ему, разумеется, нужно, чтобы он всегда находился у него под рукой. Куда он положит яд? Как известно из опыта, обязательно в правый карман пиджака. Так и оказалось.

Из своего кармана Пуаро вытащил несколько белых неровных кристаллов.

— Это очень опасно,— пробормотал он,— таскать их вот так, без упаковки, в кармане.

Из другого кармана он достал, не торопясь, пузырек с широким горлышком, бросил в него кристаллы, налил воды и тщательно закупорил. Он тряс пузырек до тех пор, пока кристаллы не растворились.

Харрисон завороженно следил за ним.

Пуаро прошел в глубь сада к осиному гнезду, откупорил пузырек, отвернулся и вылил содержимое на гнездо. Затем он отошел на несколько шагов и стал наблюдать.

Возвращавшиеся осы садились на гнездо и замирали. Некоторым из них хватило сил на то, чтобы выбраться из гнезда, и они замерли поблизости. Минуту-две Пуаро наблюдал за ними, затем удовлетворенно кивнул и вернулся на террасу.

— Быстрая смерть,— сказал он.— Очень быстрая смерть.

— Как вы догадались?— резко спросил пришедший в себя Харрисон.

Пуаро посмотрел ему в глаза.

— Как я уже вам говорил, я увидел имя Клода Лэнгтона в книге учета ядовитых препаратов. Но я не сказал вам, что сразу вслед за этим встретил самого Лэнгтона. Он сообщил, что приобрел цианистый калий по вашей просьбе — чтобы уничтожить осиное гнездо. Это показалось мне странным, мой друг, поскольку на том приеме, где мы с вами познакомились, вы рекомендовали использовать для этих целей бензин и категорически возражали против использования цианистого калия, считая его слишком опасным.

— Продолжайте.

— Хорошо. Я как-то видел Клода Лэнгтона вместе с Молли Дин. Им казалось, что они одни. Я не знаю, что их разлучило и толкнуло ее к вам, но в тот момент я понял, что их размолвка позади и они любят друг друга.

— Продолжайте.

— И еще, мой друг. На днях я видел вас на Харли-стрит. Вы были у одного доктора. Я знаю, что это за доктор и какого рода болезнями он занимается. Да и ваше лицо говорило о многом. Это было лицо человека, приговоренного к смерти. Я не ошибся, верно?

— Не ошиблись. Доктор отпустил мне два месяца жизни.

— Естественно, вы не заметили меня, так как были под впечатлением предсказания доктора. Я прочел на вашем лице еще одно чувство, которое люди обычно стараются скрыть,— ненависть.

— Продолжайте.

— В общем, осталось сказать немного. Я приехал сюда, случайно увидел имя Лэнгтона в книге учета ядовитых препаратов, затем увиделся с ним самим и зашел к вам. Вы не сознались, что Лэнгтон купил цианистый калий по вашей просьбе или, вернее, выразили удивление по поводу того, что он это сделал. Вначале вас напугал мой приезд, но потом вы решили, что это вам на руку, и постарались усилить мои подозрения. Я знал от самого Лэнгтона, что вы просили его прийти в половине девятого. Вы же сказали мне — в девять, рассчитывая на то, что все будет кончено до моего прихода. И тогда мне стало все ясно.

— Зачем вы приехали?— воскликнул Харрисон.— Если бы только вы не приехали!..

— Я же сказал вам: убийство — мое дело.

— Убийство? Вы хотели сказать самоубийство.

— Нет,— твердо сказал Пуаро,— именно убийство. Вы должны были умереть быстро и легко. Для Лэнгтона же вы приготовили нечто похуже. Он покупал яд. Он оставался с вами наедине. Он последний, кто видел вас в живых. Вы неожиданно умираете, и в вашем стакане находят следы цианистого калия. Клода Лэнгтона ждала виселица. Таков был ваш план.

— Зачем вы приехали?— простонал Харрисон.— Зачем вы приехали?

— Я уже сказал вам зачем — вы мне понравились. Послушайте, mon ami, вы умираете; от вас ушла любимая девушка. Но разве вы хотите взять грех на душу и стать убийцей? Теперь ответьте честно: вы рады, что я приехал или жалеете об этом?

Потребовалось время на то, чтобы Харрисон пришел в себя. Он сумел одержать победу над собственными низменными побуждениями, и потому на лице его появилось новое выражение — гордости.

— Слава богу, что вы приехали!— простирая руки, воскликнул он.— Слава богу!

СОДЕРЖАНИЕ

К—82. **Кристи Агата.** Избранное: Роман, повесть, рассказы. Т. 1./Сост. В. А. Клочков.— Свердловск: Лига, 1990.— 288 с. ил.

ISBN 5—212—00537—X (Т. 1)
ISBN 5—212—00536—1

В пер.: 6 р. 30 к. 500 000 экз.

Первый том избранных произведений одного из лучших мастеров детективного жанра английской писательницы Агаты Кристи целиком посвящен знаменитому сыщику Эркюлю Пуаро.

К $\frac{4703010100\text{-}007}{002(01)\text{-}90}$ **Без объявл.** **ББК 84.4 Вл.**

Агата КРИСТИ

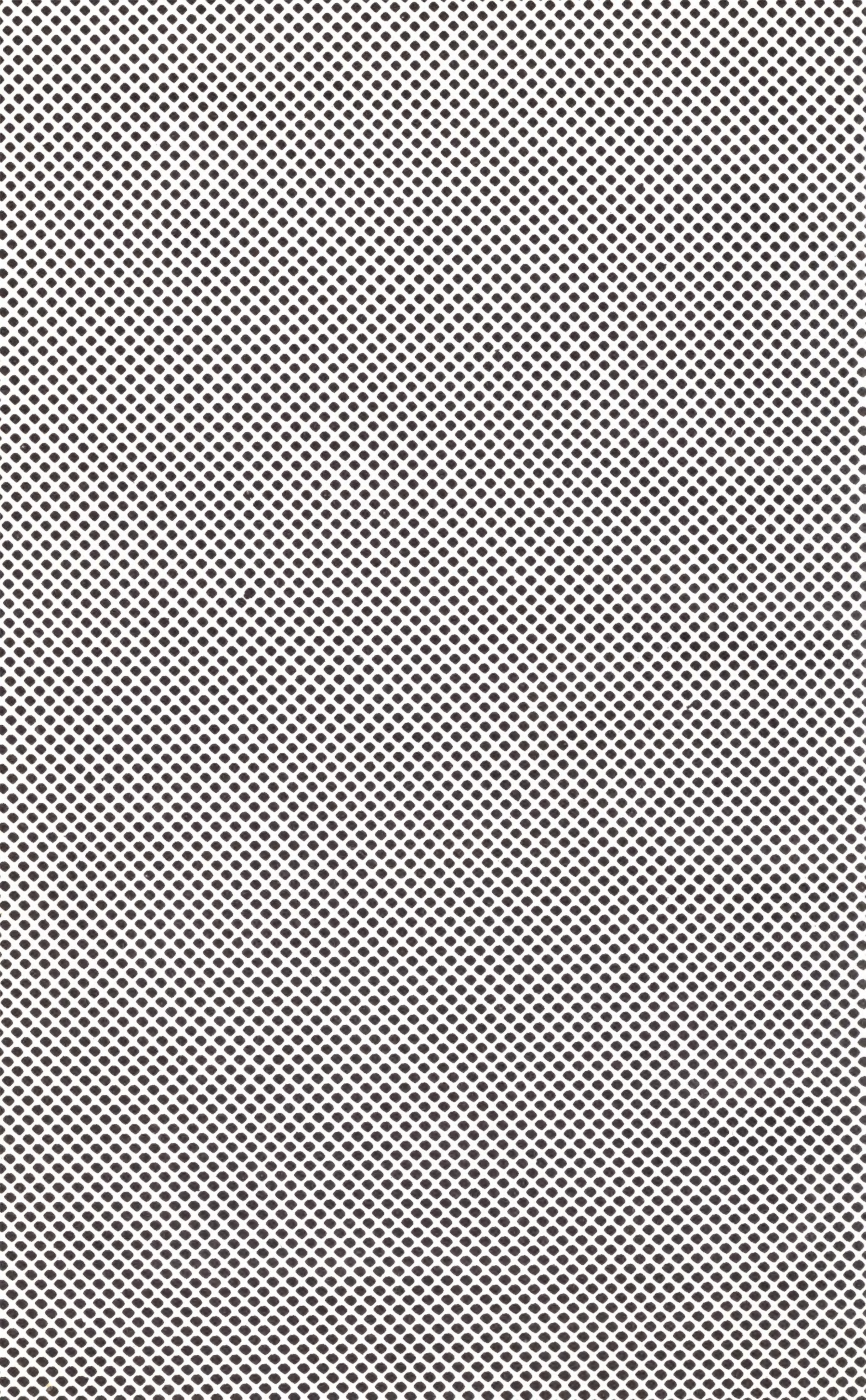
Избранное

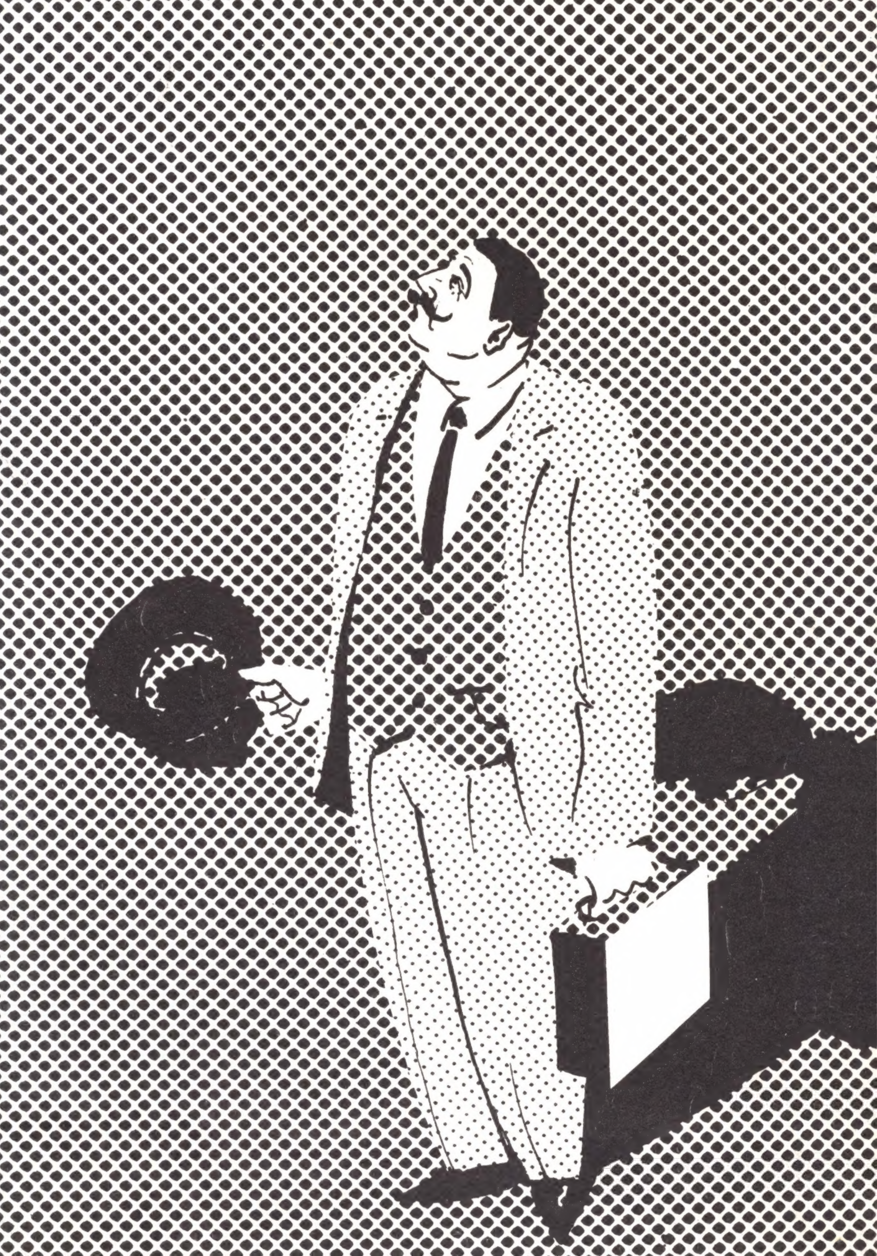
Том I

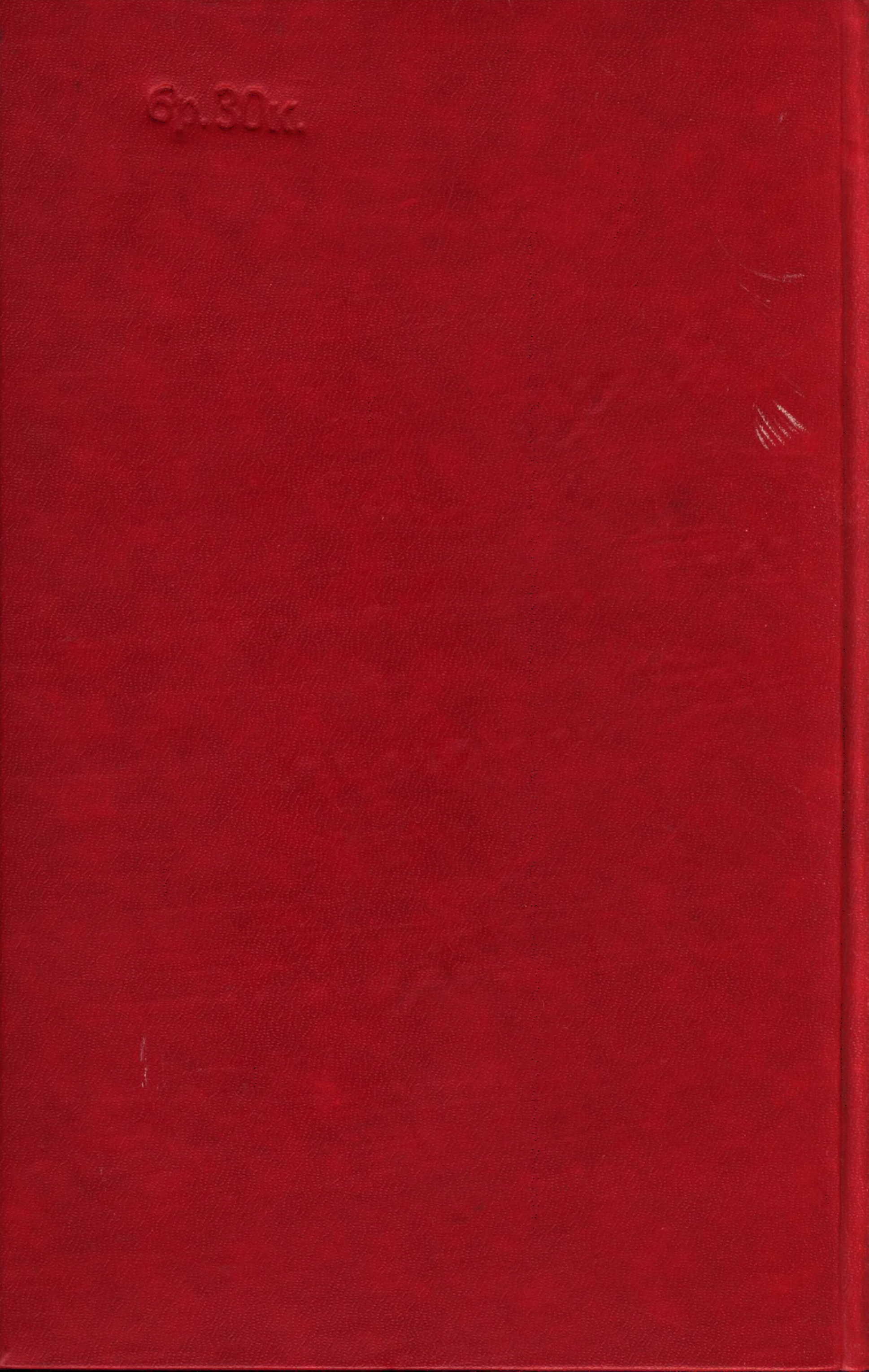
Составитель **Виктор Анатольевич Клочков**
Редактор **Г. В. Цветкова**
Художественный редактор **Н. В. Данилов**
Технический редактор **Н. Н. Заузолкова**
Корректор **Т. В. Сергеенко**

ИБ № 2138.

Сдано в набор 24.02.90 г. Подписано к печати 30.05. 1990 г. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,1. Усл. кр.-отт. 15,3. Уч.-изд. л. 15,9. Тираж 500 000 экз. (2-й завод: 200 001—300 000 экз.) Заказ 1532. Цена 6 р. 30 к.
Издательство «Лига». 620014, г. Свердловск, ул. Вайнера, 8.

6р. 30к.

Агата
Кристи